

и другие...

Чёрный соболь, Недопёсок

Жизнь Замечательных Животных

ЧЁРНЫЙ СОБОЛЬ,

НЕДОПЁСОК

и другие...

115p
В книге
**ЧЁРНЫЙ СОБОЛЬ, НЕДОПЁСОК
И ДРУГИЕ...**

Лучшие истории о животных

ДМИТРИЙ МАМИН-СИБИРЯК
БОГАЧ И ЁРЕМКА

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ
БАРСУЧИЙ НОС
ЗАЯЧЬИ АЛТЫ

ВИТАЛИЙ БИАНКИ
МЫШОНОК ПИК

ЮРИЙ КОВАЛЬ
СЕРАЯ НОЧЬ
НЕДОПЁСОК

ВСЕВОЛОД СЫСОВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЁРНОГО СОБОЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-224-05024-3

9785224050246

Жизнь замечательных
и вотных

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

Жизнь замечательных
и Вотных

ЧЁРНЫЙ СОБОЛЬ,
НЕДОПЁСОК
и другие...

МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС
2005

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос-Рус)
Ч49

Серия основана в 2004 году

Художник
Виктор Бастрыкин

Оформление переплета
Эмилии Ферез

Серийная разработка внутреннего оформления
Марины Гагариной

Ч49 **Чёрный соболь, Недопёсок и другие... [Сборник].** — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 316 с.: ил. — (Жизнь замечательных животных).

ISBN 5-224-05024-3

Замечательные повести и рассказы познакомят вашего ребенка с удивительным миром живой природы, научат любить и понимать «братьев наших меньших». Среди авторов сборника Дмитрий Мамин-Сибиряк, Константин Паустовский, Виталий Бианки, Юрий Коваль, Всеволод Сысоев.

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос-Рус)

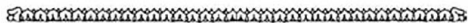
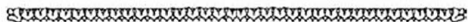
ISBN 5-224-05024-3

- © Издательство «ОЛМАПРЕСС», оформление, 2005
- © Сысоев В. П., текст, 2005
- © Коваль Ю. И., Паустовский К. Г., текст, наследники, 2005
- © Бастрыкин В. В., иллюстрации, 2005

Д. Мамин-Сибиряк

БОГАЧ И ЕРЕМКА

БОГАЧ И ЕРЕМКА

I

- Еремка, сегодня будет пожива... — сказал старый Богач, прислушиваясь к завывавшему в трубе ветру. — Вон какая погода разыгралась.

Еремкой звали собаку, потому что она когда-то жила у охотника Еремы. Какой она была породы, — трудно сказать, хотя на обыкновенную деревенскую дворняжку и не походила. Высока на ногах, лобаста, морда острая, с большими глазами. Покойный Ерема не любил ее за то, что у пса одно ухо «торчало пнем», а другое висело, и потом за то, что хвост у нее был какой-то совсем необыкновенный — длинный, пушистый и болтавшийся между ног, как у волка. К Богачу она попала еще щенком и потом оказалась необыкновенно умной.

— Ну, твое счастье, — посмеивался Еремка. — И шерсть у нее хороша, точно вот сейчас из лужи вылезла. Тоже и пес уродился... Уж, видно, нам на роду написано вместе жить. Два сапога — пара.

Охотник Ерема до известной степени был прав. Действительно, существовало какое-то неуловимое сходство между Богачом и Еремкой. Богач был высокого роста, сутуловат, с большой головой и длинными руками и весь какой-то серый. Он всю жизнь прожил бобылем. В молодости был деревенским пастухом, а потом сделался сторожем. Последнее занятие ему нравилось больше всего. Летом и зимой он караулил сады и огороды. Чего же лучше: своя избушка, где всегда тепло; сыт, одет, и еще кое-какая прибыль наворачтывалась. Богач умел починить ведра, ушаты, кадочки, мастерил бабам коромысла, плел корзины и лапти, вырезывал из дерева ребятам игрушки. Одним словом, человек без работы не оставался и лучшего ничего не желал. Богачом его почему-то называли еще с детства, и эта кличка осталась на всю жизнь.

Снежная буря разыгрывалась. Несколько дней уже стояли морозцы, а вчера оттепело и начал падать мягкий снежок,

который у охотников называется «порошей». Начинаяшую промерззать землю порошило молодым снежком. Поднявшийся к ночи ветер начал заметать канавы, ямы, ложбинки.

— Ну, Еремка, будет нам сегодня с тобой пожива... — повторил Богач, поглядывая в маленькое оконце своей сторожки.

Собака лежала на полу, положив голову меж передних лап, и в ответ слегка вильнула хвостом. Она понимала каждое слово своего хозяина и не говорила только потому, что не умела говорить.

Было уже часов девять вечера. Ветер стихал, то поднимался с новой силой. Богач не торопясь начал одеваться. В такую погоду неприятно выходить из теплой сторожки; но ничего не поделаешь, если уж такая служба. Богач считал себя чем-то вроде чиновника над всеми зверями, птицами и насекомыми, нападавшими на сады и огороды. Он воевал с капустным червем, с разными гусеницами, портившими фруктовые деревья, с воробьями, галками, скворцами, дроздами-рябинниками, с полевыми мышами, кротами и зайцами. И земля и воздух были наполнены врагами, хотя большинство на зиму умирало или засыпало по своим норам и ло-

говищам. Оставался только один враг, с которым приходилось Богачу воевать главным образом именно зимой. Это были зайцы...

— Как поглядеть — так один страх в ем, в зайце, — рассуждал Богач, продолжая одеваться. — А самый вредный зверь... Так, Еремка? И хитрый-прехитрый... А погодка-то как разгулялась: так и метет. Это ему, косому, самое первое удовольствие...

Нахлобучив шапку из заячьего меха, Богач взял длинную палку и сунул за голенище валенок на всякий случай нож. Еремка сильно потягивался и зевал. Ему тоже не хотелось идти из теплой избушки на холод.

Сторожка Богача стояла в углу громадного фруктового сада. Сейчас за садом начинался крутой спуск к реке, а за рекой синел небольшой лесок, где, главным образом, гнездились зайцы. Зимой зайцам нечего было есть, и они перебегали через реку к селению. Самым любимым местом для них были гумна, окруженные хлебными кладами. Здесь они кормились, подбирая упавшие со стогов колосья, а иногда забирались в самые клады, где для них было уж настоящее раздолье, хотя и не без опасности. Но всего больше нрави-

лось зайцам полакомиться в фруктовых садах молодыми саженцами и побегами яблонь, слив и вишен. Ведь у них такая нежная и вкусная кора, не то что на осине или других деревьях. В одни удачный набег зайцы портили иногда целый сад, несмотря на все предосторожности. Только один Богач умел с ними справляться, потому что отлично знал все их повадки и хитрости. Много помогал старику Еремка, издали чуявший врага. Кажется, уж на что тихо крадется заяц по мягкому снегу в своих валенках, а Еремка лежит у себя в избушке и слышит. Вдвоем Богач и Еремка много ловили каждую зиму зайцев. Старик устраивал на них западни, капканы и разные хитрые петли, а Еремка брал прямо зубом.

Выйдя из избушки, Богач только покачал головой. Очень уж разыгралась погода и засыпала снегом все его ловушки.

— Видно, придется тебе, Еремка, идти под гору, — говорил Богач смотревшей на него собаке. — Да, под гору... А я на тебя погоню зайцев. Понял? То-то... Я вот обойду по загуменьям да и шугну их на тебя.

Еремка в ответ только слабо взвизгнул. Ловить зайцев под горой было для него

самым большим удовольствием. Дело происходило так. Зайцы, чтобы попасть на гумна, пробегали из-за реки и поднимались на гору. Обратный путь для них уже шел под гору. А известно, что заяц лихо бежит в гору, а под гору, в случае опасности, скатывается кубарем. Еремка прятался под горой и ловил зайца именно в то время, когда заяц ничего не видел.

— Любишь зайчика-кубаря поймать? — дразнил собаку Богач. — Ну, ступай...

Еремка повилял хвостом и медленно пошел к селению, чтобы оттуда уже спуститься под гору. Умная собака не хотела пересекать заячью тропу. Зайцы отлично понимали, что значат следы собачьих лап на их дороге.

— Экая погодка-то, подумаешь! — ворчал Богач, шагая по снегу в противоположную сторону, чтобы обойти гумна.

Ветер так и гулял, разметая кругом облака крутившегося снега. Даже дыхание захватывало. По пути Богач осмотрел несколько занесенных снегом ловушек и настороженных петель. Снег засыпал все его хитрости.

— Ишь ты, какая причина вышла, — ворчал старик, с трудом вытаскивая из снега ноги. — В такую непогоду и зайцы

по своим логовищам лежат... Только вот голод-то не тетка: день полежит, другой полежит, а на третий и пойдет промышлять себе пропитание. Он хоть и заяц, а брюхо-то — не зеркало...

Богач прошел половину дороги и страшно устал. Даже в испарину бросило. Ежели бы не Еремка, который будет ждать его под горой, старик вернулся бы в свою избушку. Ну их, зайцев, никуда не денутся. Можно и в другой раз охоту устроить. Вот только перед Еремкой совестно: обмани его один раз, а в другой он и сам не пойдет. Пес умный и прегордый, хоть и пес. Как-то Богач побил его совсем напрасно, так тот потом едва помирился. Подождет свой волчий хвост, глазами моргает и как будто ничего не понимает, что ему русским языком говорят... Хоть прощения у него проси, — вот какой прегордый пес. А теперь он уже залег под горкой и ждет зайцев.

Обойдя гумна, Богач начал «гон» зайцев. Он подходил к гумну и стучал палкой по столбам, хлопал в ладоши и как-то особенно фыркал, точно загнанная лошадь. В первых двух гумнах никого не было, а из третьего быстро мелькнули две заячьих тени.

— Ага, косая команда, не любишь!.. — торжествовал старик, продолжая свой обход.

И удивительное дело, — каждый раз одно и то же: уж, кажется, сколько зайцев придавил он с Еремкой, а все та же заячья ухватка. Точно и зайцы-то одни и те же. Ну, побегии он, заяц, в поле, — и конец. Ищи его, как ветра в поле. Ан нет, он норовит непременно к себе домой, за реку, а там, под горой, его уж ждут Еремкины зубы...

Богач обошел гумна и начал спускаться с горы к реке. Его удивило, что Еремка всегда выбегал к нему навстречу, а теперь стоял как-то виновато на одном месте и, очевидно, поджидал его.

— Еремка, да что ты делаешь?

Собака слабо взвизгнула. Перед ней на снегу лежал на спине молоденький зайчик и бессильно болтал лапками.

— Бери его!.. Кусь!.. — закричал Богач.

Еремка не двигался. Подбежав близко, Богач понял, в чем дело: молоденький зайчонок лежал с перешибленной передней лапкой. Богач остановился, снял шапку и проговорил:

— Вот так штука, Еремка!..

II

-Ну, и оказия!.. — удивлялся Богач, нагибаясь, чтобы получше рассмотреть беззащитного зайчишку. — Эк тебя угораздило, братец ты мой!.. а? И совсем еще молоденький!..

Заяц лежал на спинке и, по-видимому, оставил всякую мысль о спасении. Богач ощупал перешибленную ногу и покачал головой.

— Вот оказия-то... Еремка, что мы с ним будем делать-то? Прирезать, што ли, чтобы понапрасну не маялся...

Но и прирезать было как-то жаль. Уж если Еремка не взял зубом калеку, посоветился, так ему, Богачу, и подавно совестно беззащитную тварь убивать. Другое дело, если бы он в ловушку попал, а то больной зайчишка, — и только.

Еремка смотрел на хозяина и вопросительно взвизгивал. Дескать, надо что-нибудь делать...

— Эге, мы вот что с ним сделаем, Еремка: возьмем его к себе в избушку... Куда он, хромой-то, денется? Первый волк его съест...

Богач взял зайца на руки и пошел в гору, Еремка шел за ним, опустив хвост.

— Вот тебе и добыча... — ворчал старик. — Откроем с Еремкой заячий лазарет... Ах ты, оказия!..

Когда пришли в избу, Богач положил зайца на лавку и сделал перевязку сломанной лапки. Он, когда был пастухом, научился делать такие перевязки ягнятам. Еремка внимательно следил за работой хозяина, несколько раз подходил к зайцу, обнюхивал его и отходил.

— А ты его не пугай... — объяснял ему Богач. — Вот привыкнет, тогда и обнюхивай...

Больной зайчик лежал неподвижно, точно человек, который приготовился к смерти. Он был такой беленький и чистенький, только кончики ушей точно были выкрашены черной краской.

— А ведь надо его покормить, беднягу... — думал вслух Богач.

Но заяц упорно отказывался есть и пить.

— Это он со страху, — объяснял Богач. — Ужо завтра добуду ему свежей морковки да молочка.

В углу под лавкой Богач устроил зайцу из разного тряпья мягкое и теплое гнездо и перенес его туда.

— Ты у меня, Еремка, смотри, не пугай его... — уговаривал он собаку, грозя пальцем. — Понимаешь: хворый он...

Еремка вместо ответа подошел к зайцу и лизнул его.

— Ну, вот так, Еремка... Значит, не будешь обижать? Так, так... Ведь ты у меня умный пес, только вот сказать не умеешь. С нас будет и здоровых зайцев.

Ночью Богачу плохо спалось. Он все прислушивался, не крадется ли к зайцу Еремка. Хотя и умный пес, а все-таки пес, и полагаться на него нельзя. Как раз сцапает...

«Ах ты, оказия... — думал Богач, ворочаясь с боку на бок. — Уж, кажется, достаточно нагляделся на зайцев... не одну сотню их переколотил, а вот этого жаль. Совсем ведь глупый еще... несмышлениш...»

И во сне Богач видел загубленных им зайцев. Он даже просыпался и прислушивался к завывавшей буре. Ему казалось, что к избушке сбежались все убитые им зайцы, лопочут, на снегу кувыркаются, стучат в дверь передними лапками... Старик не утерпел, слез с печи и выглянул из избушки. Никого нет, а только ветер гуляет по полю и гудит на все голоса.

— Ах ты, оказия!.. — ворчал старик, забираясь на теплую печку.

Просыпался он, по-стариковски, ранним утром, затоплял печь и приставлял к огню какое-нибудь варево — похлебку, старых щец, кашку-размазню. Сегодня было как всегда. Заяц лежал в своем уголке неподвижно, точно мертвый, и не притронулся к еде, как его Богач ни угощал.

— Ишь ты, какой важный барин, — корил его старик. — А ты вот попробуй кашки гречушной — лапка-то и срастется. Право, глупый... У меня кашу-то и Еремка вот как уплетает, за ушами пищит.

Богач прибрал свою избушку, закусил и пошел в деревню.

— Ты у меня смотри, Еремка, — наказывал он Еремке. — Я-то скоро вернусь, а ты зайца не пугай...

Пока старик ходил, Еремка не тронул зайца, а только съел у него все угощение — корочки черного хлеба, кашу и молоко. В благодарность он лизнул зайца прямо в мордочку и принес в награду из своего угла старую обглоданную кость. Еремка всегда голодал, даже когда ему случалось съесть какого-нибудь зайчонка. Когда Богач вернулся, он только покачал головой: какой хитрый зайчишка: когда

угощают, так и не смотрит, а когда ушли, — так все дотла поел.

— Ну и лукавец! — удивлялся старик. — А я тебе гостинца принес, косому плуту...

Он достал из-за пазухи несколько морковок, пару кочерыжек, репку и свеклу. Еремка лежал на своем месте как ни в чем не бывало, но когда он облизнулся, вспомнив съеденное у зайца угощение, Богач понял его коварство и принялся его журить:

— И не стыдно тебе, старому плуту... а?! Что, не едал ты каши? Ах, ненасытная утроба....

Когда старик увидел валявшуюся перед зайцем кость, он не мог удержаться от смеха. Вот так Еремка, тоже сумел угостить... Да не хитрый ли плутище!..

Заяц отдохнул за ночь и перестал бояться. Когда Богач дал ему морковку, он с жадностью ее съел.

— Эге, брат, вот так-то лучше будет!.. Это, видно, не Еремкина голая кость... Будет чваниться-то. Ну-ка, еще репку попробуй.

И репка была съедена с тем же аппетитом.

— Да ты у меня совсем молодец!.. — хвалил старик.

Когда совсем рассветало, в дверь слышался стук, и тоненький детский голос проговорил:

— Дедушка, отвори... Смерть как замерзла!..

Богач отворил тяжелую дверь и впустил в избушку девочку лет семи. Она была в громадных валенках, в материнской кацавейке и закутана рваным платком.

— Ах, это ты, Ксюша... Здравствуй, птаха.

— Мамка послала тебе молочка... не тебе, а зайцу...

— Спасибо, красавица...

Он взял из покрасневших на морозе детских ручонек небольшую крынку молока и поставил ее бережно на стол.

— Ну, вот мы и с праздником... А ты, Ксюша, погрейся. Замерзла?

— Студено...

— Давай раздевайся. Гостья будешь... Зайчика пришла посмотреть?

— А то как же...

— Неужто не видала!

— Как не видать... Только я-то видела летних зайцев, когда они серые, а этот совсем белый у тебя.

Ксюша разделась. Это была самая обыкновенная деревенская белоголовая девочка, загорелая, с тоненькой шейкой, тоненькой

косичкой и тоненькими ручками и ножками. Мать одевала ее по-старинному — в сарафан. Оно и удобно, и дешевле. Чтобы согреться, Ксюша попрыгала на одной ноге, грела дыханием окоченевшие ручки и только потом подошла к зайчику.

— Ах, какой хорошенький зайчик, дедушка... Беленький весь, а только ушки точно оторочены черным.

— Это уж по зиме все такие зайцы, беляки, бывают...

Девочка села около зайчика и погладила его по спинке.

— А что у него ножка завязана тряпочкой, дедушка?

— Сломана лапка, вот я и завязал ее, чтобы все косточки срослись.

— Дедушка, а ему больно было?

— Известно, больно...

— Дедушка, а заживет лапка?

— Заживет, ежели он будет смирно лежать... Да он и лежит, не ворохнется. Значит, умный!..

— Дедушка, а как его зовут?

— Зайца-то? Ну, заяц и есть заяц, — вот и все название.

— Дедушка, то другие зайцы, которые здоровые в поле бегают, а этот хроменький... Вон у нас кошку Машкой зовут.

Богач задумался и с удивлением посмотрел на Ксюшу. Ведь совсем глупая девчонка, а ведь правду сказала.

— Ишь ты, какая птаха... — думал он вслух. — И в самом деле, надо как-нибудь назвать, а то зайцев-то много... Ну, Ксюша, так как его мы назовем... а?

— Черное Ушко...

— Верно!.. Ах ты, умница... Значит, ты ему будешь в том роде, как крестная...

Весть о хромом зайце успела облететь всю деревню, и скоро около избышки Богача собралась целая толпа любопытных деревенских ребят.

— Дедушка, покажи зайчика! — просили.

Богач даже рассердился. Всех пустить зараз нельзя — не поместятся в избе, а по одному пускать — выстудят всю избу.

Старик вышел на крылечко и сказал:

— Невозможно мне показывать вам зайца, потому он хворый... Вот поправится, — тогда и приходите, а теперь ступайте домой.

III

Через две недели Черное Ушко совсем выздоровел. Молодые косточки скоро срастаются. Он уже никого не боялся и весело прыгал по всей избе. Особенно

ему хотелось вырваться на волю, и он сторожил каждый раз, когда открывалась дверь.

— Нет, брат, мы тебя не пустим, — говорил ему Богач. — Чего тебе на холоде мерзнуть да голодать?.. Живи с нами, а весной — с Богом, ступай в поле. Только нам с Еремкой не попадайся...

Еремка, очевидно, думал то же самое. Он ложился у самой двери, и когда Черное Ушко хотел перепрыгнуть через него, скалил свои белые зубы и рычал. Впрочем, заяц его совсем не боялся и даже заигрывал с ним. Богач смеялся до слез над ними. Еремка растянется на полу во весь рост, закроет глаза, будто спит, а Черное Ушко начинает прыгать через него. Увлечшись этой игрой, заяц иногда стучался головой о лавку и начинал по-заячьи плакать, как плачут на охоте смертельно раненные зайцы.

— И точно младенец, — удивлялся Богач. — По-ребячьи и плачет... Эй ты, Черное Ухо, ежели тебе своей головы не жаль, так пожалей хоть лавку. Она не виновата...

Эти увещания плохо действовали, и заяц не унимался. Еремка тоже увлекался игрой и начинал гоняться по избе за зай-

цем, раскрыв пасть и высунув язык. Но заяц ловко увертывался от него.

— Что, брат Еремка, не можешь его догнать? — подсмеивался над собакой старик. — Где тебе, старому... Только лапы понапрасну отобьешь.

Деревенские ребята частенько прибегали в избушку Богача, чтобы поиграть с зайчиком, и приносили ему что-нибудь из съестного. Кто тащит репку, кто морковку, кто свеклу или картошку. Черное Ушко принимал эти дары с благодарностью и тут же их съедал с жадностью. Ухватит передними лапками морковку, припадет к ней головой и быстро-быстро обгрызет, точно обточит. Он отличался большой прожорливостью, так что даже Богач удивлялся.

— И в которое место он ест такую прорву... Не велика скотинка, а все бы ел, сколько ему ни дай.

Чаще других бывала Ксюша, которую деревенские ребята прозвали «заячьей крестной». Черное Ушко отлично ее знал, сам бежал к ней и любил спать у нее на коленях. Но он же и отплатил ей самой черной неблагодарностью. Раз, когда Ксюша уходила домой, Черное Ушко с быстротой молнии шмыгнул в дверях

около ее ног — и был таков. Девочка горько расплакалась. Еремка сообразил, в чем дело, и бросился в погоню.

— Как же, ищи ветра в поле... — посмеялся над ним Богач. — Он похитрее тебя будет... А ты, Ксюшка, не реви. Пусть его побегает, а потом сам вернется. Куда ему деться?

— Наши деревенские собаки его разорвут, дедушка...

— Так он и побежал тебе в деревню... Он прямо махнул за реку, к своим. Так и так, мол, жив и здоров, имею собственную квартиру и содержание. Побегает, поиграет и назад придет, когда есть захочет. А Еремка-то глупый, бросился его ловить... Ах, глупый пес!..

«Заячья крестная» все-таки ушла домой со слезами, да и сам старый Богач мало верил тому, что говорил. И собаки по дороге могут разорвать, и у себя дома лучше покажется. А тут еще Еремка вернулся домой, усталый, виноватый, с опущенным хвостом. Старому Богачу сделалось даже жутко, когда наступил вечер. Авдуг Черное Ушко не придет... Еремка лег у самой двери и прислушивался к каждому шороху. Он тоже ждал. Обыкновенно Богач разговаривал с со-

бакой, а тут молчал. Они понимали друг друга без слов.

Наступил вечер. Богач засиделся за работой дольше обыкновенного. Когда он уже хотел ложиться спать на свою печь, Еремка радостно взвизгнул и бросился к двери.

— Ах, косой, вернулся из гостей домой...

Это был действительно он, Черное Ушко. С порога он прямо бросился к своей чашке и принялся пить молочко, потом съел кочерыжку и две морковки.

— Что, брат, в гостях-то плохо тебя угощали? — говорил Богач, улыбаясь. — Ах ты, бесстыдник, бесстыдник. И крестную свою до слез довел.

Еремка все время стоял около зайца и ласково помахивал хвостом. Когда Черное Ушко съел все, что было в чашке, Еремка облизал ему морду и начал искать блох.

— Ах вы, озорники! — смеялся Богач, укладываясь на печи. — Видно, правду половица говорит: вместе тесно, а врозь скучно...

Ксюша прибежала на другое утро чем свет и долго целовала Черное Ушко.

— Ах ты, бегун скверный... — журила она его. — Вперед не бегай, а то собаки

разорвут. Слышишь, глупый? Дедушка, а ведь он все понимает...

— Еще бы не понимать, — согласился Богач, — небойсь вот как знает, где его кормят...

После этого случая за Черным Ушком уже не следили. Пусть его убегает поиграть и побегать по снежку. На то он и заяц, чтобы бегать. Месяца через два Черное Ушко совсем изменился: и вырос, и потолстел, и шерсть на нем начала лосниться. Он вообще доставлял много удовольствия своими шалостями и веселым характером, и Богачу казалось, что и зима нынче как-то скорее прошла.

Одно только было нехорошо. Охота на зайцев давала Богачу порядочный заработок. За каждого зайца он получал по четвертаку, а это большие деньги для бедного человека. В зиму Богач убивал штук сто. А теперь выходило так, как будто и совестно губить глупых зайцев, совестно перед Черным Ушком. Вечером Богач и Еремка уходили на охоту крадучись и никогда не вносили в избу убитых зайцев, как прежде, а прятали их в снях. Даже Еремка это понимал, и когда в награду за охоту получал заячьи внутренности, то уносил их куда-нибудь

подальше от сторожки и съедал потихоньку.

— Что, брат, совестно? — шутил над ним старик. — Оно, конечно, заяц — тварь вредная, озорная, а все-таки оно того... Может, и в ем своя заячья душонка есть, так, плохонькая совсем душонка.

Зима прошла как-то особенно быстро. Наступил март. По утрам крыши обраста-ли блестящей бахромой из ледяных сосулек. Показались первые проталинки. Поч-ки на деревьях начали бухнуть и нали-ваться. Прилетели первые грачи. Все кругом обновлялось и готовилось к насту-пающему лету, как к празднику. Один Чер-ное Ушко был невесел. Он начал пропа-дать из дому все чаще и чаще, похудел, перестал играть, а вернется домой, наест-ся и целый день спит в своем гнезде под лавкой.

— Это он линяет, ну, вот ему и скуч-но, — объяснял Богач. — По весне-то зай-цев не бьют по этому самому... Мясо у него тощее, шкурка как молью подбита. Одним словом, как есть ничего не стоит...

Действительно, Черное Ушко начал ме-нять свою зимнюю белую шубку на лет-нюю, серую. Спинка сделалась уже серой, уши, лапки тоже, и только брюшко оста-

валось белым. Он любил выходить на солнышко и подолгу грелся на завалинке.

Раз прибежала Ксюша проведать своего крестника, но его не было дома уже целых три дня.

— Теперь ему и в лесу хорошо, вот и ушел, пострел, — объяснял Богач пригорюнившейся девочке. — Теперь зайцы почку едят, ну, а на проталинках и зеленую травку ущипнет. Вот ему и любопытно...

— А я ему молочка принесла, дедушка...

— Ну, молочко мы и без него съедим...

Еремка вертелся около Ксюши и лаял на опустевшее под лавкой заячье гнездо.

— Это он тебе жалуется, — объяснял Богач. — Хотя и пес, а все-таки обидно... Всех нас обидел, пострел.

— Он недобрый, дедушка... — говорила Ксюша со слезами на глазах.

— Зачем недобрый? Просто заяц — и больше ничего. Лето погуляет, пока еда в лесу есть, а к зиме, когда нечего будет есть, и вернется сам... Вот увидишь. Одним словом, заяц...

Черное Ушко пришел еще раз, но к самой сторожке не подошел, а сел пеньком и смотрит издали. Еремка подбежал к нему, лизнул в морду, повизжал, точно

приглашая в гости, но Черное Ушко не пошел. Богач поманил его; но он оставался на своем месте и не двигался.

— Ах, пострел! — ворчал старик. — Ишь как сразу зазнался, косой...

IV

Прошла весна. Наступило лето. Черное Ушко не показывался. Богач даже рассердился на него.

— Ведь мог бы как-нибудь забежать на минутку... Кажется, не много дела и время найдется.

Ксюша тоже сердилась. Ей было обидно, что она целую зиму так любила такого нехорошего зайца... Еремка молчал, но тоже был недоволен поведением недавнего приятеля.

Прошло и лето. Наступила осень. Начались заморозки. Перепадал первый мягкий, как пух, снежок. Черное Ушко не показывался.

— Придет, косой... — утешал Богач Еремку. — Вот погоди: как занесет все снегом, нечего будет есть, ну, и придет. Верно тебе говорю...

Но выпал и первый снег, а Черное Ушко не показывался. Богачу сделалось

даже скучно. Что же это, в самом деле: уж нынче и зайцу нельзя поверить, не то что людям...

Однажды утром Богач что-то мастерил около своей избушки, как вдруг послышался далекий шум, а потом выстрелы. Еремка насторожился и жалобно взвизгнул.

— Батюшки, да ведь это охотники поехали стрелять зайцев! — проговорил Богач, прислушиваясь к выстрелам, доносившимся с того берега реки. — Так и есть... Ишь как запаливают... Ох, убьют они Черное Ушко! Непременно убьют...

Старик, как был, без шапки побежал к реке. Еремка летел впереди.

— Ох, убьют! — повторял старик, задыхаясь на ходу. — Опять стреляют...

С горы было все видно. Около лесной заросли, где водились зайцы, стояли на известном расстоянии охотники, а из лесу на них гнали дичь загонщики. Вот затрещали деревянные трещотки, поднялся страшный гам и крик, и показались из заросли перепуганные, оторопелые зайцы. Захлопали ружейные выстрелы, и Богач закричал не своим голосом:

— Батюшки, погодите!! Убьете моего зайца.. Ой, батюшки!!

До охотников было далеко, и они ничего не могли слышать, но Богач продолжал кричать и махал руками. Когда он подбежал, загон уже кончился. Было убито около десятка зайцев.

— Батюшки, что вы делаете? — кричал Богач, подбегая к охотникам.

— Как, что? Видишь, зайцев стреляем.

— Да ведь в лесу-то мой собственный заяц живет...

— Какой твой?

— Да так... Мой заяц — и больше ничего. Левая передняя лапка перешиблена... Черное Ушко...

Охотники засмеялись над сумасшедшим стариком, который умолял их не стрелять со слезами на глазах.

— Да нам твоего зайца совсем не надо, — пошутил кто-то. — Мы стреляем только своих...

— Ах, барин, барин, нехорошо... Даже вот как нехорошо...

Богач осмотрел всех убитых зайцев, но среди них Черного Ушка не было. Все были с целыми лапками.

Охотники посмеялись над стариком и пошли дальше по лесной опушке, чтобы начать следующий загон. Посмеялись над Богачом и загонщики, ребята-подростки,

набранные из деревни, посмеялся и егерь Терентий, тоже знакомый мужик.

— Помутился немножко разумом наш Богач, — пошутил еще Терентий. — Этак каждый начнет разыскивать по лесу своего зайца...

Для Богача наступало время охоты на зайцев, но он все откладывал. А вдруг в ловушку попадет Черное Ушко? Пробовал он выходить по вечерам на гумна, где кормились зайцы, и ему казалось, что каждый пробежавший мимо заяц — Черное Ушко.

— Да ведь Еремка-то по запаху узнает его, на то он пес... — решил он. — Надо попробовать...

Сказано — сделано. Раз, когда поднялась непогода, Богач отправился с Еремкой на охоту. Собака пошла под гору как-то неохотно и несколько раз оглядывалась на хозяина.

— Ступай, ступай, нечего лениться... — ворчал Богач.

Он обошел гумна и погнал зайцев. Выскочило зараз штук десять.

«Ну, будет Еремке пожива...» — думал старик.

Но его удивил собачий вой. Это был Еремка, сидя под горой на своем месте.

Сначала Богач подумал, что собака взбесилась, и только потом понял, в чем дело: Еремка не мог различить зайцев... Каждый заяц ему казался Черным Ушком. Сначала старик рассердился на глупого пса, а потом проговорил:

— А ведь правильно, Еремка, даром что глупый пес... Верно, шабаш нам зайцев душить. Будет...

Богач пошел к хозяину фруктового сада и отказался от своей службы.

— Не могу больше... — коротко объяснил он.

К. Паустовский

БАРСУЧИЙ НОС

ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ

БАРСУЧИЙ НОС

Озеро около берегов было засыпано ворохами желтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

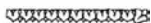
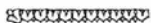
Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась черной, как деготь. Там мы ловили разноцветных окуней, вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далекие облака и синий густой воздух.

По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звезды.

У нас на стоянке горел костер. Мы жгли его весь день и ночь напролет, чтобы от-

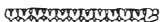
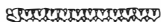
гонять волков, — они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоил дым костра и веселые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве, у костра, начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей. Картошка жарилась на сковороде, от нее шел острый, вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах.

С нами пришел на озеро мальчик. Ему было всего девять лет, но он хорошо переносил ночевки в лесу и холод осенних рассветов. Гораздо лучше нас, взрослых, он все замечал и рассказывал. Он был выдумщик, этот мальчик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки. Мы никак не могли, да и не хотели доказывать ему, что он говорит неправду. Каждый день он придумывал что-нибудь новое: то он слышал, как шептались рыбы, то видел, как муравьи устроили себе паром через ручей из сосновой коры и паутины и переправлялись при свете ночной, небывалой радуги. Мы делали вид, что верили ему.

Все, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над

черными озерами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

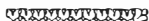
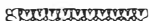
Мальчик первый услышал фыркание зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустволке, — кто знает, что это мог быть за зверь!

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый черный нос, похожий на свиной пятачок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась острая морда с черными пронзительными глазками. Наконец показалась полосатая шкурка. Из зарослей вылез маленький барсук. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он брезгливо фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало. Мне хотелось крикнуть зверьку, что он обожжется, но я опоздал: барсук прыгнул к сковородке и сунул в нее нос...

Запахло паленой кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение: без времени заорали испуганные лягушки, всполошились птицы, и у самого берега, как пушечный выстрел, ударила пудовая щука.

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам только что видел, как барсук лечит свой обожженный нос.

Я не поверил. Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, кричали утки, курлыкали журавли на сухих болотах — мшарах, тихо ворковали горлинки. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел доказать мне, что не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук. Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пенек. От него тянуло грибами и йодом.

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пенек и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожженный нос. Он стоял неподвижно и охлаждал свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок. Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лежался задними пушистыми лапами.

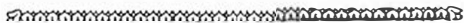
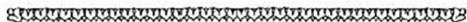
Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос. Он как будто просил о помощи, но мы ничем не могли ему помочь.

С тех пор озеро — оно называлось раньше Безымянным — мы прозвали Озером Глупого Барсука.

А через год я встретил на берегах этого озера барсука со шрамом на носу. Он сидел у воды и старался поймать лапой гремящих, как жесть, стрекоз. Я помахал ему рукой, но он сердито чихнул в мою сторону и спрятался в зарослях брусники.

С тех пор я его больше не видел.

ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ

К ветеринару в наше село пришел с Урженского озера Ваня Малявин и принес завернутого в рваную ватную куртку маленького теплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слез глазами...

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не лайте, это заяц особенный, — хриплым шепотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожженные.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их ле-

чить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слезы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты чего, малый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоем слезы льете? Ай случилось что?

— Пожженный он, дедушкин заяц, — сказал тихо Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожег, бегать не может. Вот-вот, гляди, умереть.

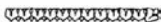
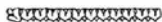
— Не умереть, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несет его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слезы и пошел лесами домой, на Урженское озеро. Он не шел, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошел стороной, на север, около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашел по дороге пушистые, по-

крытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца.

Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повел рваным ухом и закрыл глаза.

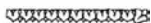
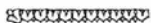
Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрел в город.

Ваня нес зайца сзади.

Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховой вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчицьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы.

Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберет! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку.

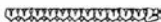
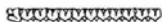
Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш, специалист по детским болезням, уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в

нашем городе! Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протер, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрепанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрались до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга, далеко за Полями уже горел стог сена, зажженный ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрепанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

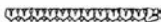
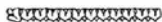
— Что ребенок, что заяц — все одно, — упрямо пробормотал дед. — Все одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь — бросить!

Еще через минуту Карл Петрович, старик с седыми взъерошенными бровями, волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушел на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришел длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понес домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

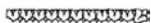
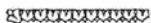
«Заяц не продажный, живая душа, пусть живет на воле.

При сем остаюсь *Ларион Малявин*».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крикали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него окна в избе сразу запотели и звезды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, лязгал зубами и отскакивал — воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне

громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далекого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошел охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох.

Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

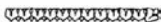
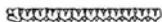
Дед пошел дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идет прямо на него. Ветер перешел в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью.

По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шел со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был

уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы.

Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идет огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

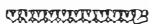
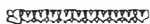
Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они бежали из леса к озеру, заяц и дед — оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понес домой.

У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

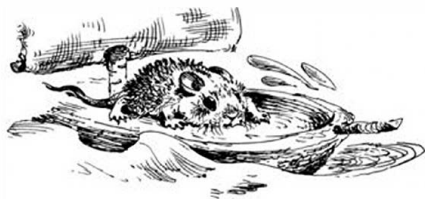
Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарем и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял все.

В. Бианки

МЫШОНОК ПИК

МЫШОНОК ПИК

КАК МЫШОНОК ПОПАЛ В МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Ребята пускали по реке кораблики. Брат вырезал их ножиком из толстых кусков сосновой коры.

Сестренка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

— Надо из прямого сучка, — сказал брат, взял ножик и пошел в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

— Мыши, мыши!

Сестренка бросилась к нему.

— Рубнул сучок, — рассказывал брат, — а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда под корень. погоди, я ее сейчас...

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка.

— Да какой же он малюсенький! — удивилась сестренка. — И желторотый! Разве такие бывают?

— Это дикий мышонок, — объяснил брат, — полевой. У каждой породы свое имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

— Пик! Он говорит, его зовут Пик! — засмеялась сестренка. — Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

— Все равно убью его, — сердито сказал брат. — Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют?

— Пусти его, — взмолилась сестренка, — он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

— В речку заброшу, — сказал он и пошел к берегу.

Девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

— Стой! — закричала она брату. — Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: все равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в

долбленное суденышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега. Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился.

Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они еще видели, как легкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

— Бедный маленький Пик! — говорила девочка, когда они возвращались домой. — Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал. Он думал, как бы ему извести всех мышей у них в чулане.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Амышонка несло да несло на легком соновом кораблике. Ветер гнал суденышко все дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая — целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов.

В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда — погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик вспугнул все мышиное семейство.

Пик был еще сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше б они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие.

Весь мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть суденышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в темной своей глубине. Звери, птицы, гады, рыбы — все были против него. Каждый не прочь был поживиться глупым, беззащитным мышонком.

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с лету разбить себе клюв о твердую кору. Некоторые опустили на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать ее страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица — рыболовскопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидал мышонка на кораблике

и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и суденышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевернутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь: они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся суденышком.

Скоро суденышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливым, что спасся.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шерстка скоро высохла, и он согрелся.

Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы угомонились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся — никого. Тогда он темным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теревить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот теплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками верткие летучие мыши.

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлеп! — ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлеп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад, в кусты!

Плюх-шлеп! — скакнуло сзади.

Плюх-шлеп! Плюх-шлеп! — раздалось со всех сторон.

Плюх! — раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и — шлеп! — перед самым носом Пика шлепнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу...

Так они сидели друг перед другом, и ни тот, ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось — плюх-шлеп! плюх-шлеп! — точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И все ближе и ближе слышалось легкое быстрое шуршанье.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-черной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули и исчезли в ее разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Мышонок опрометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землей.

Тут он и провел остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

ХВОСТ-ЦЕПЛЯКА И ШЕРСТКА-НЕВИДИМКА

Голодная смерть больше не грозит Пикку: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши всегда живут большими стаями: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорее отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст — так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь все, что ему попадалось: зерна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так: Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков, уселся на задние лапки и стал закусывать.

Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его.

Трясучка — птица величиной с голубя, только потоньше, — неподвижно висела в пустом воздухе, точно подвешенная на веревочке. Только крылья у нее чуть-чуть тряслись да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, ее далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему.

Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги.

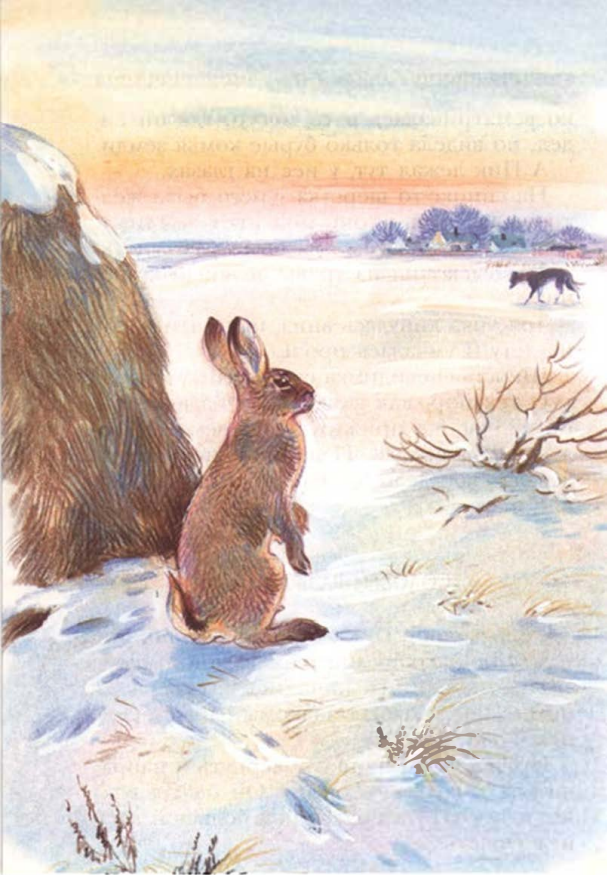
Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда исчез мышонок. Сейчас только она видела его ярко-белую грудку, и вдруг он пропал. Она зор-

Д. Мамин-Сибиряк. «Богач и Еремка»

Д. Мамин-Сибиряк. «Богач и Еремка».

ко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у нее на глазах.

На спинке-то шерстка у него была желто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зеленый кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Шерстка-невидимка спасла Пика жизнь.

С тех пор, как замечал он издали врага, сейчас же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шерстка-невидимка делала свое дело: обманывала самые зоркие глаза.

«СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК»

День за днем Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик слышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лег спать.

Его разбудила громкая песня.

Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась ее веселая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе.

Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под корни. Тогда хитрый «соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мертвые, наполовину съеденные птенчики, ящерки, лягушата, жуки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чашу спать. Тогда мышонок вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное — нечем было подкрепиться; не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонок совсем выбился из сил. Он с трудом взобрался еще на какой-то пригорок и упал. Глаза его

слипались. В горле пересохло. Чтобы освежиться, он лежа слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать.

С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной. Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выглянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, пополз, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая черная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в нее даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине ее что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся к своей норке и опустил у ее входа. Тут он привстал на лапках и так зарабо-

тал своими жесткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

«Жжжуу! — гудели крылышки. — Жжжуу!...»

Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух — проветривал помещение — и будил других шмелей, еще спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг — собирать мед. Последним улетел трубач. Пик остался один. Он понял, что надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля подалась.

Он ковырнул еще и еще, пока не вырыл ямку. На дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым желтым медом.

Мышонок жадно стал лизать сладкое лакомство. Вылизал весь мед, принялся за личинок и живо справился с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он еще ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он

дальше и дальше разрывал землю — теперь уже без труда — и находил все новые ячейки с медом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щеку. Пик отскочил.

Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка.

Пик хотел было кинуться на нее, но тут загудели, зажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинлось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шерстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в затылок.

Одним духом — откуда и прыть взялась! — домчался мышонок до луга и спрятался в густой траве.

Тут шмели отстали от него и вернулись к своему разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересек сырой, болотистый луг и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

ПОСТРОЙКА ДОМА

Остров, на который попал Пик, был необитаемый: мышей на нем не было. Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через широкую реку.

Пик должен был жить здесь один.

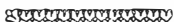
Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на черный день.

Пик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И все-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом. Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник попеременно с осокой — отличный лес для мышинной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинков, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и легок, что трава легко держала его.

Потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними лапами лист и протягивал его сквозь стиснутые зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщепленные концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинками одну за другой.

В конце концов у него получился легкий круглый домик, очень похожий на птичье гнездышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нем ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. Для постели он натаскал мягкого, теплого цветочного пуха. Спаленка вышла на славу.

Теперь у Пика было где отдохнуть и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы заметить травяное гнездышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землей.

Лучше придумать не мог бы и сам настоящий Робинзон.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Проходили дни за днями. Мышонок спокойно жил в своем воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши еще меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик часто теперь подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалеку от луга.

Один раз он с вечера ушел из дому, нашел на лугу два шмелиных гнезда и так наелся меду, что тут же забрался в траву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Еще внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одному из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твердый и покрыт чешуей, а этот был голый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем скатился на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. Потом оттуда показалось два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом еще два таких же рога — только коротких. И за ними наконец высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел, как медленно-медленно выползло, точно пролилось, из его дома голое, мягкое, слизкое тело гигантского слизняка.

От головы до хвоста слизняк был длинной добрых три вершка.

Он начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо плотно прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда он сползет на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это холодное, вялое, липкое животное.

Только через несколько часов Пик вернулся. Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в свое гнездо. Все там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после этого он решился лечь спать. С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

КЛАДОВАЯ

Дни становились короче, ночи холоднее. На злаках созрели зерна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались к мышонку на луг подбирать их.

Пику жилось очень сытно. Он с каждым днем полнел. Шерстка на нем лоснилась.

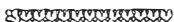
Теперь маленький четырехногий робинзон устроил себе кладовую и собирал в нее запасы на черный день. Он вырыл в земле норку и конец ее расширил. Сюда он таскал зерна, как в погреб.

Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Все шли дожди.

Земля размякла сверху, трава пожелтела, намокла и поникла. Травяной домик Пика опустился и висел теперь низко над землей. В нем завелась плесень.

Жить в гнезде стало плохо. Трава совсем полегла на землю, гнездо приметным темным шариком висело на тростнике. Это уже было опасно.

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползет змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Ход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шел длинный прямой коридор. Он расширялся в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мха и травы — устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из нее под землей ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда все было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешел в подземный.

СНЕГ И СОН

Птицы больше не прилетали клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер свободно разгуливал по острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он все реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг.

Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зерна из-под глубокого мерзлого снега?

Сонливая вялость все чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и все спал. Проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней.

Наружу он совсем перестал ходить.

Под землей ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в теплый, пушистый клубок. Сердчишко его

билось все реже, все тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий, долгий сон совсем одолел его.

Мышки-малютки не спят всю зиму, как сурки или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стрясется над ним.

УЖАСНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Морозным зимним вечером ребята сидели у теплой печки.

— Плохо сейчас зверюшкам, — задумчиво сказала сестренка. — Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

— А кто его знает! — равнодушно ответил брат. — Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

— Ты чего? — удивился брат.

— Жалко мышонка, он такой пушистый, желтенький...

— Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю — сто штук тебе наловлю!

— Не надо мне сто! — всхлипнула сестренка. — Принеси мне одного такого маленького, желтенького...

— Обожди, глупая, может, и такой попадется.

Девочка утерла кулачком слезы.

— Ну, смотри: попадется — ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

— Ладно уж, рева! — согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в норке.

На этот раз его разбудил не холод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжелое надавило ему на спину. И сейчас же мороз защищал его под шерсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавили земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит. Надо в погреб и поскорей наестся зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьет.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам. Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками — следами козых копыт. Пик поминутно падал

в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз. А когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму.

Козы не только разрушили его подземное жилище, но и съели все его запасы.

ПО СНЕГУ И ПО ЛЬДУ

Немножко зерен Пику удалось все-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала охватывать его вялая сонливость. Но он чувствовал: поддашься сну — замерзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого он и сам не знал. Просто бежал и бежал куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звездочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая, темная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух.

Он боялся бежать по льду. Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть — там смерть от холода и голода. Вперед где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперед. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал еще до середины реки, когда сзади стала его настигать быстрая и бесшумная тень. Только тень, легкую тень на льду он и увидал, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его темная шерстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

Тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове что-то крепко стукнуло. И Пик перестал чувствовать.

ИЗ БЕДЫ В БЕДУ

Пик очнулся в полной темноте. Он лежал на чем-то твердом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло.

Пока он зализывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помещении, с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через это отверстие в помещение проникал еще совсем бледный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чем он лежит, и сейчас же вскочил. Лежал он, оказывается, на мертвых мышах. Мышей было несколько, и все они зачоченели; видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы.

Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выглянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве: выглядывал из дупла.

Кто принес его сюда и бросил на дно дупла, мышонка так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

Дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лесная сова. Она стукнула его клювом по голове, схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайчонка и съела, сколько могла. Зоб ее был так плотно набит, что в нем не оставалось места даже для маленького мышонка.

Она и решила оставить Пика про запас.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у нее была кладовая. Она еще с осени натаскала сюда с десятков убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушен, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом! Обыкновенно ей удавалось приканчивать мышей с первого удара.

Пику повезло на этот раз. Пик благополучно спустился с дерева и шмыгнул в кусты.

Только тут он заметил, что с ним творится что-то неладное: дыхание со свистом вылетало у него из горла.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили ему в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал — подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящими трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Ее огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрее мышонка.

ГОРЕ-МУЗЫКАНТ

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громадные собаки и с лаем кинулись к нему, решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулись на нее.

Лиса мигом повернула назад. Ее огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу. Собаки громадными прыжками пронеслись над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье.

Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей по их виду. Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы. Но все-таки это были мыши, и Пик был мышонок.

Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

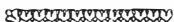
Сейчас же и Пик побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки. Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол. А по стенкам чулана были полки. Оттуда доносились замечательные вкусные запахи. Пахло и копченым, и сушеным, и жареным, и еще чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

После горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо до отвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней еще четыре такие же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им навстречу. Он робко топтался на месте и от волнения свистал все громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист.

Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант?

Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибежавших из лесу, но таких свистунов никогда еще не видали.

Одна из мышей бросилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была

так узка, что серые мыши не могли туда за ним пролезть. Тут он был в безопасности.

Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

МЫШЕЛОВКА

Каждое утро сестренка спрашивала у брата:

— Ну что, поймался мышонок?

Брат показывал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку. Но это были все серые мыши, и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького желтого мышонка, но в последние дни мыши что-то перестали попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь. С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копченой ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придет — на крючке нет ничего, и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок — таких, через которые могла пролезть мышь, — в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и еще в дверях закричал:

— Поймал! Гляди — желтенький!

— Желтенький, желтенький! — радовалась сестренка. — Смотри, да это же наш Пик: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она была еще в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мышеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но, когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проволочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно. Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дергал за приманку.

Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потом уходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой стенки, и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила

мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

МУЗЫКА

Брат застал сестренку в слезах. — Он убежал! — говорила она сквозь слезы. — Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся ее утешать:

— Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог!

— Как в сапог? — удивилась девочка.

— Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки — они всегда по самой стенке бегают, — увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестренка перестала плакать.

— А знаешь что? — сказала она задумчиво. — Не будем его ловить. Пусть живет у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

— Всегда ты выдумываешь! — недовольно сказал брат. — Мне дела нет. Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним, что хочешь.

Девочка поставила блюдце на пол, накр-

шила в него хлеба. Сама села в сторонку и стала ждать, когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

«Как же мне его приручить?» — думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел теперь всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал.

Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днем он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и такой жалобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услышал «соловья-разбойника» — жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и уселся на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик.

Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у нее стали вдруг большие и темные. Она тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

— Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй: он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

Дети сидели смирно, боясь пошевелиться.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошел к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро наакался так, что сам стал свистеть.

— Слышишь? — тихонько сказала девочка брату. — Он поет.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку. И сейчас же убежал за сундук.

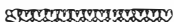
Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка.

Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал. А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал выходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у нее из рук.

Она садилась на пол, а он карабкался к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями. В этом домике он жил у них на столе. А когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мятой бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пикю. Больше всего ему нравилось, что мышонок ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестренка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

— Он хорошо поет, — говорила она брату, — он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил, раньше чем попал к ней.

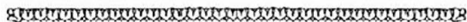
И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

Ю. Коваль

СЕРАЯ НОЧЬ
НЕДОПЁСОК

СЕРАЯ НОЧЬ

Стало смеркаться. Над тайгой, над сумрачными скалами, над речкой с плещущим названием Велс взошел узенький лисий месяц.

К сумеркам поспела уха. Разыскавши в рюкзаках ложки, мы устроились вокруг ведра, выловили куски хариуса и отложили в отдельный котелок, чтоб хариус остывал, пока будем есть уху.

— Ну, Козьма да Демьян, садитесь с нами!

Длинной можжевеловой ложкой я пошарил в глубине ведра — рука по локоть ушла в пар. Выловил со дна картошки и рыбьих потрохов — печенки, икры, — потом зачерпнул прозрачной юшки с зеленой пеной.

— Ну, Козьма да Демьян, садитесь с нами! — повторил Леша, запуская свою ложку в ведро.

— Садитесь с нами, садитесь с нами, Козьма да Демьян! — подтвердили мы.

Но в наших городских голосах не было уверенности, что сядут за уху Козьма да Демьян, а Леша сказал так, будто они его слышат.

Костер мы разложили на низком берегу Велса. Наш берег весь завален грязными льдинами. Они остались от половодья — не успели потаять. Вот льдина, похожая на огромное ухо, а вот — на гриб груздь.

— Кто же это такие — Козьма да Демьян? — спросил Петр Иванович, который в первый раз попал в уральскую тайгу.

Уху Петр Иванович ест осторожно и почтительно. Голова его окутана паром, в очках горят маленькие костры.

— Это меня старые рыбаки научили, — ответил Леша. — Будто есть такие Козьма да Демьян. Они помогают хариуса поймать. Козьму да Демьяна на уху звать надо, чтоб не обиделись.

По часам уже полночь, а небо не потемнело, осталось ясным, сумеречным, и месяц добавил в него холода и света.

— Это, наверно, белая ночь, — задумчиво сказал Петр Иванович.

К. Паустовский. «Бархучий нос»

К. Паустовский. «Заячьи лапы»

— Белые ночи начнутся позже, — ответил Леша. — Они должны быть светлее. Для этой ночи названья нет.

— Может быть, серебряная?

— Какая там серебряная! Серая ночь.

Подстелив на землю лапника, мы разложили спальные мешки, прилегли. Я уткнулся головой в подножие елки. Нижние ветки ее засохли, на них вырос лишай и свисает к костру, как пакля, как мочало, как белая борода.

Неподалеку, за спиной у меня, что-то зашуршало.

— Серая ночь, — задумчиво повторил Петр Иванович.

— Серая она, белая или серебристая, все равно спать пора.

Что-то снова зашуршало за спиной.

Уха так разморила, что лень повернуться, посмотреть, что это шумит. Я вижу месяц, который висит над тайгой, — молодой, тоненький, пронзительный.

— Бурундук! — вдруг сказал Леша.

Я оглянулся и сразу увидел, что из-за елки на нас смотрят два внимательных ночных глаза.

Бурундук высунул только голову, и глаза его казались очень темными и крупными, как ягода гонобобель.

Посмотрев на нас немного, он спрятался. Видно, на него напал ужас: кто это такие сидят у костра?!

Но вот снова высунулась глазастая головка. Легонько свистнув, зверек выскочил из-за елки, пробежал по земле и спрятался за рюкзаком.

— Это не бурундук, — сказал Леша, — нет на спине полосок.

Зверек вспрыгнул на рюкзак, запустил лапу в брезентовый карман. Там была веревка.

Зацепив когтем, он потянул ее.

— Пошел! — не выдержал я.

Подпрыгнув к елке, он вцепился в ствол и, обрывая когтями кусочки коры, убежал вверх по стволу, в густые ветки.

— Кто же это? — сказал Петр Иванович. — Не белка и не бурундук.

— Не знаю, — сказал Леша. — На соболя не похож, на куницу тоже. Я такого, пожалуй, не видал.

Серая ночь еще просветлела. Костер утих, и Леша поднялся, подбросил в него сушину.

— Зря ты его шуганул, — сказал мне Петр Иванович. — Он теперь не вернется.

Мы смотрели на вершину елки. Ни одна ветка не шевелилась. Длинные

искры от костра летели к вершине и гасли в светлом сером небе.

Вдруг с вершины сорвался какой-то темный комок и раскрылся в воздухе, сделавшись угловатым, четырехугольным. Перечеркнув небо, он перелетел с елки на елку, зацепив месяц краешком хвоста.

Тут мы сразу поняли, кто это такой. Это был летяга, зверек, которого не увидишь днем: он прячется в дуплах, а ночью перелетает над тайгой.

Крылья у него меховые — перепонки между передними и задними лапами.

Летяга сидел на той самой елке, что росла надо мной. Вот сверху посыпалась какая-то шелуха, кусочки коры — летяга спускался вниз. Он то выглядывал из-за дерева, то прятался, будто хотел подкрасться незаметно.

Вдруг он выглянул совсем рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки. Глаза его, темные, расширенные, уставились на меня.

— Хотите, схвачу?

От звука голоса дрожь ударила летягу. Он свистнул и спрятался за елку, но тут же высунулся.

«Схватит или нет?» — думал, видно, летяга.

Он сидел, сжавшись в комок, и поглядывал на костер.

Костер шевелился и потрескивал.

Летяга соскочил на землю и тут заметил большое темное дупло. Это был сапог Петра Ивановича, лежащий на земле.

Удивленно свистнув, летяга нырнул в голенище.

В то же мгновение я кинулся схватить сапог, но летяга выскочил и побежал, побежал по вытянутой руке, по плечу и — прыгнул на пенек.

Но это был не пенек. Это было колено Петра Ивановича с крупной круглой чашкой.

С ужасом заглянув в пылающие очки, летяга закашлял, перепрыгнул на елку и быстро вскарабкался наверх.

Петр Иванович изумленно ощупывал свое колено.

— Легонький какой, — хриповато сказал он.

Перелетев на другую елку, летяга снова спустился вниз. Видно, притягивал его затухавший огонь костра, манил, как лампа летним вечером манит мотылька.

На меня напал сон. Вернее, не сон — волчья дрема. Я то закрывал глаза и проваливался куда-то под еловый корень, то

открывал их и видел тогда бороду лишайника, свисающую с веток, а за нею совсем посветлевшее небо и в нем летягу, перелетающего с вершины на вершину.

С первыми лучами солнца летяга исчез.

Утром, за чаем, я все приставал к Петру Ивановичу, просил подарить мне сапог, в котором побывал летяга. А Леша сказал, допивая вторую кружку чаю:

— Не Козьма ли да Демьян к нам его подослали?

НЕДОПЁСОК

Часть первая

ПОБЕГ

Ранным утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий.

Он бежал не один, а с товарищем — голубым песцом за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла, крепкие ли на клетках крючки. Но в то утро случилась неприятность: директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

— Ты прошлый месяц получала, — сказал Некрасов. — А теперь пускай другие.

— Ах вот как! — ответила Прасковьюшка и задохнулась. У нее от гнева даже язык онемел. — Себе-то небось премию

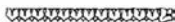
выдал, — закричала Прасковьюшка, — хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда!

Директор Некрасов пропадом, однако, не пропал. Он ушел в кабинет и хлопнул дверью.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела. В жизни она видела теперь только два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрагались. Огорченная до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, все глубже уходила в обиды и переживания и наконец ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдет в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумленный голубой песец за номером сто шестнадцать.

АЛЮМИНИЕВЫЙ ЗВОН

Песцы убегали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петькой.

— Другим-то премию выдал! — горячилась она. — А женщину с детьми без денег на праздники оставил!

— Где ж у тебя дети? — удивлялась Полинка, молодая работница, только из ремесленного.

— Как это где! — кричала Прасковьюшка. — У сестры — тройня!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора. А другие работницы слушали ее, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по звероферме разнесся металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» — крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решетку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая — внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм

кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой — и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки — по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услыхав звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопёсок Наполеон Третий. Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза ее окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

ХАРАКТЕР ДИРЕКТОРА НЕКРАСОВА

Цепляясь кормовым тазом за Доску почета, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Она застыла на ковре посреди кабинета, прижала таз к груди, как рыцарский щит.

— Петр Ерофеич! — крикнула она. — Наполеон сбежал!

Петр Ерофеич Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью «Щенение».

— Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантель, и так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что нестерпимый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причем до этого он был заперт абсолютно железным ключом.

— Отвинтил лапкой крючок, — забормотала Прасковьюшка, — и сбежал, а с ним сто шестнадцатый, голубой двухлеток.

— Лапкой? — хрипло повторил директор.

— Коготком, — пугливо пояснила Прасковьюшка, прикрываясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рявкнул:

— Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнулся на пол, зашумел, застонал и выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он — горячий.

ДАВИЛО

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своем посту Некрасов работал давно и хозяйство вел образцово. Всех зве-

рей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травата, Академик Миллионщиков.

Недопёсок Наполеон Третий был важный зверь. И хоть не стал еще настоящим песцом, а был щенком, недопёском, директор очень его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет — не белый, не голубой, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы все-таки подобрали — платиновый.

Мех этот делился как бы на две части, и нижняя — подпушь — была облачного цвета, а сверху покрыли ее темно-серые шерстинки — вуаль. В общем, получалось так: облако, а сверху — серая радуга. Только мордочка была у Наполеона темной, и прямо по носу рассекала ее светлая полоса.

Всем на звероферме было ясно, что недопёсок перещеголяет даже Наполеона Первого, а директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом — «некрасовскую».

Узнав о побеге, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгоряча в полуботинках побежали по следу.

— Сколько раз я говорил — заделать дырку! — кричал на ходу директор.

— Так ведь, Петр Ерофеич, — жаловался в спину ему Филин, — тесу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снегу и вернулись на ферму. Переобулись. Прыгнули в «газик», помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачев, у которого был гончий пес по имени Давило. Ноздрачева дома они не застали.

— Откуда я знаю, где он! — раздраженно ответила жена. — Он мне не докладывает.

— Гони в магазин! — крикнул Некрасов шоферу.

Охотник Фрол Ноздрачев действительно оказался в магазине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.

— Товарищ Ноздрачев! — строго сказал директор. — У нас трагедия. Сбежал Наполеон. Срочно берите вашего кобеля и выходите на след.

Охотник Фрол Ноздрачев лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачеву, что трагедия директора пока что его не касается.

Характер Фрола Ноздрачева любил сидеть в теплом магазине с приятелями.

— Я человек занятой, — недовольно сказал Ноздрачев, — поэтому интересно, что я за это буду иметь? Какие привилегии?

— Немалые, — ответил Некрасов.

Через полчаса русский гончий Давило — огромный широкоплечий пес с печальными глазами — был поставлен на след у забора.

— Давай! Давай! — орал на него Ноздрачев, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жесткий, железный. Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.

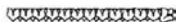
СНЕЖНОЕ ПОЛЕ

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег, который был под ногами. Он мешал бежать и охлаждал пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока не глубокий, но все же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и толь-

ко глядели оттуда на землю — на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу — снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почудилось недопёску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом даже кувыркался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лег на бок и перекувырнулся, взбивая снежную пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом.

В драгоценный мех набились снежинки, обмыли и подпушь, и вуаль, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопёску, он бил по снегу хвостом, раскидывал его во все стороны, вспоминая, как делал это давным-давно.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал, наверно, потому, что не вспомнил ничего такого. Окунул было в снег морду — в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый нервно зафыркал.

Наполеон отряхнулся, будто дворняжка, вылезающая из пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побежал вперед, через поле, к лесу. Сто шестнадцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега. У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нем отпечатались какие-то звезды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и песьи следы.

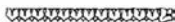
Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую косточку.

Недопёсок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

В ЛЕСУ

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хлопал по снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа у него выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил ее, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стогом.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сенного запаха закружилась голова. Пахло сено душистыми июльскими грозами, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Пересекли березняк, добрались до больших деревьев.

Это были старые елки.

На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножия, куда не навалило еще снега, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звездами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы опасно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел черный дятел, долбил дупло. Заметив песцов, он крикнул пронзи-

тельно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

«Страх-страх!» — сварливо закричала она.

Наполеон твякнул в ответ, угрожающе взмахнул когтистой лапой.

Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

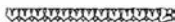
Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными березками, выкорчеванными пнями. Здесь, под кучей еловых веток, спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под земли у самых ног Наполеона и пошел сигать по вырубке, перепрыгивая пеньки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не могла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздраженно уселась на ветку козьей ивы, закрутила зеленой головой. Настроение у нее совсем испортилось.

Неподалеку, под елками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопение, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелек, прямо под кучу еловых веток.

Задрожал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами елок — звонкой цепью потянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недалеко протянулась цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку, и тут на конце ее, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-чизом, незаметно, быстро и неторопливо скрылась из глаз.

КТО СТРЕЛЯЛ?

- **Ч**то такое? Что еще такое?! Кто стрелял?

Близкий, неожиданный выстрел ошеломил директора Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких сапогах-броднях, а на руках его были дворницкие рукавицы — хватать в случае чего песцов. Выстрела директор никак не ожидал. Наполеон нужен был живым.

— Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю?! — грозно повторил директор.

— Ясно кто, — угрюмо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалеку в кустах, стараясь замаскироваться. — Обормот Ноздрачев.

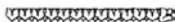
Из лесу выскочил Давило. Он был радостно возбужден, шоколадные глаза его налились кровью.

— Ноздрачев! — сурово крикнул директор. — Это ты стрелял?

— Да я тут косого зашиб, — слышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачев вывалился на опушку. От него валил азартный охотничий пар. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачева кислым бездымным порохом «Фазан».

— Токо выхожу на просек, — возбужденно стал объяснять Ноздрачев, — косой чешет. Я ррраз через осинки...

— Где песцы?

— Песцы-то? — растерялся охотник. — Наверно, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника Фрола Ноздрачева, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Оправивши шапку, директор повернулся к охотнику спиной и направился обратно на звероферму. За ним поспешил бригадир.

— Погоди, погоди, — вслед ему сказал Ноздрачев. — Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут все кругом знаю, не уйдут.

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника, и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачев, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

Отругавшись, охотник потоптался на месте и пошел потихоньку туда, куда вел его собственный характер.

— Не волнуйтесь, Петр Ерофеич, — говорил тем временем Филин, догоняя директора. — Побегают, жрать захотят — через недельку сами вернутся.

— Да за недельку они от голода помрут, — недовольно сказал директор. — А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? Что тогда?

— Вот это вопрос! — подтвердил Филин. — Что же делать?

Директор закурил, напускал дыму в темнеющее постное небо.

— Надо попробовать Маркиза, — сказал он.

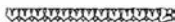
ВЕРЕЯ

Серый денек еще посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал черный ручеек. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь, на склонах верей, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времен, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего поземку. По можжевеловому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях елки темную пещеру. На

полеон обнюхал снег вокруг нее, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали ее потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

Наполеон залез в пещеру, за ним — Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол. Недопёсок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были темные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена. И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд еще три звезды — яркие и серебряные. Это всходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля — во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посереб-

ренным поясом, с которого свешивается сверкающий звездный кинжал!

Одною ногой оперся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над черными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звездочек, — нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звездные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо, откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

— ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

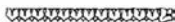
БАРСУЧЬЯ НОЧЬ

Всю ночь в овраге под вереей возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчание барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело

открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полосы на носу его посветлели, подошел к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобрать, что за зверь перед ним — то ли пес, то ли лис, кто его разберет? Старик решил с ним не связываться, скатился в овраг, презрительно что-то бормоча. Он долго еще бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу тревожили Наполеона. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и вытащит из норы, из барсучьей пещеры, притащит обратно на звероферму.

Плохо спал в эту ночь и директор Некрасов, хоть и не бранили его барсуки, не бродили под окнами. Снились директору большие неприятности и убытки, которые принес звероферме сбежавший Наполеон. Дергался директор, метался под одеялом.

— Катя, — говорил он во сне, — дай किसानу клюквенного.

И Прасковьюшка спала неровно, просыпалась, бормотала, била в подушку кулаками.

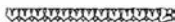
Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачев, и снился ему теплый магазин, ящик с макаронами. Грозно, азартно, по-охотничьи храпел Ноздрачев, так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерррр-бах! Фейерррр-бах!»

Барсучья ночь тянулась долго, и высоко поднялся Орион, медленно наклонился набок, догоняя скрывающегося за горизонт Тельца. Под утро ушел Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго еще светила над елками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием — Бетельгейзе.

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз. Сопя и кряхтя, залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улегся, над далекими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое тьяканье, шорох увядших трав,

припорошенных снегом. Кто-то бежал по следу песцов. Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься наверх.

Наполеон ошетинился.

Вздрогнул, зашевелился куст можжевельника — и низенький, рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил. Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

МАРКИЗ

Наполеон хорошо знал этого рыжеватого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пышным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решетку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел выжать из своего незатейливого инструмента целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопёсок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску — не хотел, а она притягивала, заманивала.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и Сто шестнадцатого, который тоже вылез из пещеры, утомленно зевая.

И вход в пещеру, и подножие елки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

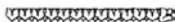
Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку.

Он был старше, сильнее и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвел Маркиз голубые горизонты и нацелился на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопёску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос

точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый потоптался на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, кляцнул зубами у его уха, оттер плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожаком. И в этот спор Сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко было ему на проложенных следах.

Скоро осталась позади барсучья верёя, поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заприметил беглецов, но не шелохнулся в еловом шатре, хоть и невиданными показались ему бегущие звери — рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и голубой Сто шестнадцатый.

С полчася бежал Маркиз на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле.

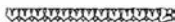
В первый раз, так же как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободранный, вернулся на ферму. Через год сбежал другой песец, по имени Рислинг. Дело было летом, и следов беглеца не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдогонку Маркиза. Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший вольной жизни, обязательно вернется на ферму. И верно, Маркиз вернулся к обеду, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на волю в третий раз, но никогда еще так далеко в лес не забирался. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая буреломы, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвел беглецов вокруг вереи, поставил их к северу хвостом.

Наполеон понял, что Маркиз хитрит, но очень уж уверенно вел его вожак, а сзади поторапливал Сто шестнадцатый, который ни в чем не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники, и неожиданно небо раскрылось над головой, и прямо перед ними легло широкое белое поле. А за полем — дощатый забор, редкие елки с обрубленными до самых макушек сучками и между ними огромный кирпичный гриб — водокачка, отмечающая над черными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко слышалось тьяканье песцов, кислый запах мерзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук — песцы играли на тарелочках.

СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ РАЗРЫВАЕТСЯ НА ЧАСТИ

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, игриво вильнул хвостом в сторону зверофермы: давайте, мол, вернемся, ребята, пожрем, выспимся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал Сто шестнадцатый — голубой двухлеток — от этой бестолковой беготни и чувствовал себя сейчас путеше-

ственником, который после долгих странствий вернулся домой.

А дома всегда хорошо. Дома ждет тебя уютная, в общем-то, клетка, сколько хочешь кормовой смеси, пойлушка, старые соседи, старые привычки, размеренная нормальная жизнь. Да, плохо тем, у кого нет своего дома. Толкуются эти вечные странники там да сям, то прибьются к одному берегу, то приткнутся к другому, а за душой нету ничего — ни клетки, ни пойлушки.

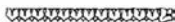
Звон предобеденный между тем стих, зато усилился запах кормовой смеси — работницы начали кормить зверей. Из щелей в заборе слышались их высокие голоса.

Звон, запах, голоса разбредили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Что же это такое, откуда снова взялась звероферма? Задумался недопёсок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого зверя, похож он был на дворняжку, которую пнули сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попятился к дырке в

заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно таякнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивленно Сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопёсок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего песца. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к ферме, а нос установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам. Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на части. С одной стороны, хотелось перекусить и выспаться, с другой — тянул за собой недопёсок, убегающий в открытое поле.

О недопёсок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная черная морда обращена точно на север, и, как стрелка компаса, рассекла ее ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост — легкий, как тополиный пух, теплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика.

Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею, вечный странник, и валяй хоть на Северный полюс.

О хвост недопёска! Ни лиса, ни соболь не похващаются таким пышным хвостом цвета облака, которое тает в голубых небесных глубинах над березняком иль осинником. Торжественнейший хвост, формой похожий на дирижабль.

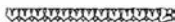
Душа Сто шестнадцатого разрывалась на части. Одна так и хотела нырнуть в дырку забора, пожрать и выспаться, в другой же части его души зрело чувство товарищества: все-таки вместе с недопёском они бежали, вместе страдали.

Виновато заскулил Сто шестнадцатый, будто извиняясь перед Маркизом, и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого поворота. Он хотел было догнать беглецов, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскливо завыл им вслед.

На краю поля песцы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко виден был Маркиз на светлом снегу, перед щербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

СЕРАЯ ЛИСА

Песцы пересекли поле и попали на проселочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился желтый кисель, но дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остается следов.

Песцы долго бежали по дороге.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рев.

Громяхая пустыми молочными бидонами, скрипя и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина ЗИЛ.

Недопёсок прыгнул в кювет, затаился, а Сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофер Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пышным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! — подумал Шамов. — Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подшибить зверя.

Рука нащупала гаечный ключ. Он вытащил его из-под сиденья, высунулся из ка-

бины и швырнул изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок — гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелет!» — огорченно подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было. Была отвертка, но для охоты на лису она не годилась. Пошарив под сиденьем, он вытащил огромную стальную рукоятку, которой заводят грузовик, и мощно метнул ее в серую лису.

Заводило до лисы не долетело.

Волнуясь, он скинул телогрейку и вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промасленное крыло, и стал подкрадываться к Сто шестнадцатому.

Сердце у шофера билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но еще отчаянней стучало сердце Сто шестнадцатого. Оно стрекотало, как кузнечик.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и накрыл песка телогрейкой, прижал коленом к земле.

Сто шестнадцатый не дергался и не кусался. Он потрясенно смотрел на шофера Шамова и не мог понять, что же это такое.

— Серую лису поймал! Серую лису поймал! — закричал Шамов. Уши его пылали от радости. Шапка подскакивала на голове.

Он скинул брючный ремень, связал Сто шестнадцатого и вдруг подумал: «Да это ведь не лиса! Это, наверно, со зверофермы зверь».

Тут в голове Шамова началась сложная работа: что делать — затаить ли добычу или везти на звероферму как государственную собственность?

«Затаю — найдут, — огорченно думал Шамов. — Зря, дьявол, ключами кидался».

Лениво нажал он на педаль, поворотил грузовик к звероферме.

— Эй, тетка, — крикнул он сторожихе у ворот, — где у вас начальник? Я тут какого-то зверя поймал. Не вашего ли выводка?

Сторожиха глянула в кабину, ахнула, засвистела в милицейский свисток. И тут же началась вокруг Шамова кутерьма.

Прибежал Некрасов, прибежал бригадир Филин, они хлопали Шамова по плечам, тащили его в кабинет, расспрашивали, где и как и не видал ли он Наполеона Третьего. Потом выдали ему премию — двадцать рублей.

Премия Шамова ошеломила. Он долго мял ее в руках и повторял однообразно:

— Ну как раз к праздникам!

Да, повезло шоферу Шамову. Не искал он в жизни никаких чудес, сроду не гонял-

ся за синей птицей и вдруг — серую лису поймал.

С тех пор шофер Шамов, катаясь по дорогам, всегда зорко глядел по сторонам и нарочно имел в запасе несколько гаечных ключей. Но больше никогда в жизни серая лиса ему не попадалась.

КОЛПАКИ И КОЛЕСА

Когда грохот машины заглох, недопёсок вылез из кювета и обнюхал место, где лежал Сто шестнадцатый. Куда девался его спутник, Наполеон не понял, но с дороги решил поскорей убираться.

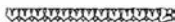
Пока он соображал, из-за поворота вынеслись два мотоциклиста. Они были в оранжевых колпаках, которые страшно горели над пасмурной землей.

— Смотри, — заорал первый мотоциклист, — лисенок!

Второй не расслышал ничего за ревом мотора, а только весело махнул рукой и помчался по дороге. В последний момент Наполеон отпрыгнул в сторону — мотоциклы промчались мимо.

Не понимая ничего, Наполеон спрятался в кювет, упал на землю и закрыл глаза.

Мотоциклисты вдруг заглушили моторы, слезли с мотоциклов и стали подкрадываться, растопыбив длинные руки в зазубренных перчатках, похожих на огромных бабочек.

Недопёсок выскочил из кювета, побежал через поле в сторону от дороги.

— Догоняй! Уйдет! — закричали мотоциклисты, завели моторы и дунули вдогонку.

По корявому полю ехать им было трудно — мотоциклы с ревом подпрыгивали на мерзлых кочках. Как тысячи пустых пойлушек, визжали в них стальные шестеренки, снежная грязь фонтаном била из под колес.

Вправо, влево кидался недопёсок, то бежал изо всех сил, то припадал к земле, стараясь спрятаться от этого рева, разрывающего уши.

Наконец один из мотоциклистов неловко поворотил — мотоцикл грохнулся набок. Второй наехал на него, зацепился колесом, подпрыгнул и вылетел из седла — заварилась на поле грохочущая каша из колес и колпаков.

Страшная зазубренная перчатка соскочила с руки мотоциклиста и вдруг подползла к Наполеону, собираясь, видно, схва-

тить его. Наполеон зарычал, укусил перчатку изо всех сил.

С перчаткой в зубах он побежал к дороге и увидел, что под нею проложена какая-то труба. Недопёсок нырнул в трубу и затаился.

БОЙ С ДВОРНЯЖКАМИ

Наполеон сидел в трубе и слушал, как ругались мотоциклисты. Они долго не уезжали, что-то подкручивали, подтягивали, стучали ключами.

Искусанная мотоциклетная перчатка жалобно попискивала в зубах Наполеона — звала, наверно, хозяина.

Когда колпаки наконец уехали, недопёсок вылез из трубы и побежал вперед, на север. Перчатку мотоциклетную он держал в зубах, и она слабо трепыхалась, пытаясь вырваться.

Теперь недопёсок бежал не по дороге, а вдоль нее и, заслышав машину, сразу прятался за какой-нибудь кочкой. Поле пошло в наклон, опустилось в овраг. За оврагом лежала деревня Ковылкино.

Недопёсок добежал до забора, не раздумывая нырнул в дыру и увидел другой за-

бор и снова пролез через щель. Но не успел он пробежать и десятка шагов, как опять наткнулся на глухой забор. За ним чернел деревянный горб — дом.

Недопёсок побежал было назад, потом — в сторону, но всюду вокруг него были заборы и дома с какими-то нехорошими трубочками, свисающими с крыш. Неожиданно выбежал он к деревенскому магазину. Уже стемнело. Над дверью магазина зажглась электрическая лампа. Поднялся ветер, и лампа со скрипом раскачивалась на проволоке под железным колпаком.

У крыльца стояла желтая дворняжка Дамка. Она поджидала своего хозяина, который уже битый час торчал в магазине. Увидев недопёска, Дамка злобно оскалилась и зарычала. Тут же из-под крыльца выскочила вторая дворняжка. Эта вторая была низенькая, ростом в полтабуретки, и напоминала чем-то поросенка.

Недопёсок перепугался, попятился назад, но Дамка стремительно кинулась к нему, разинула острозубую пасть. Наполеон махнул головой — и мотоциклетная перчатка, как большая противная жаба, прыгнула Дамке в глаза. От ужаса Дамка пала на землю, а перчатка уселась на нее верхом.

Но тут к Наполеону подскакала Полтабуретка, отвратительно затыкала и схватила его зубами за шиворот. Огромное количество меху набилось ей в пасть. Она вырвала клочок, стала отплевываться и тут же завопила во все горло, потому что песец вцепился острыми когтями ей в морду и потряс хорошенько.

— Наших бьют! — кричала Полтабуретка.

Со всей деревни к магазину стали сбегаться дворняжки, и скоро у крыльца закипела собачья свара. На шум из магазина выскочил какой-то человек в резиновых сапогах.

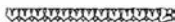
— Ку! — заорал он, расталкивая собак сапогами. — Провались! Провались!

Дворняжки разбежались. Только недопёсок остался у крыльца на земле, а рядом с ним валялась на снегу изжеванная мотоциклетная перчатка. Человек поднял ее, примерил, и перчатка впору пришлась по левой руке.

— Какая дурацкая рукавица! Неуж из-за нее псы грызутся? — сказал человек и поглядел по сторонам: не видно ли где второй перчатки?

Этот человек был плотник Меринов.

ХОРОШИЙ ПЛОТНИК МЕРИНОВ

Меринов считался в деревне хорошим плотником.

Он умел рубить избы, баньки, выстругивал ульи для пчел, делал березовые табуретки. Кроме того, он был ложечник, вырезал деревянные ложки, разукрашивал их цветами и птицами, а после возил на базар.

Разглядевши недопёска, Меринов понял, что перед ним щенок.

«Английский шпиц, — подумал он. — Наверно, его дачники бросили».

Плотник Меринов в собаках мало разбирался, но относился к ним добродушно. Во дворе у него жила собака Пальма, которую плотник любил почесать за ухом.

Потолкавши сапогом английского, как он думал, шпица, Меринов хотел идти домой, но шпиц застонал, уткнулся в плотницкий резиновый сапог.

— Что такое? — удивился плотник. — Чего скулишь? Ступай к своим дачникам!

Шпиц английский к дачникам, однако, не пошел, а все, как мертвый, лежал на земле. Потерял Наполеон былую свою красоту и был похож теперь на самого ободранного в мире щенка, в котором нет ни толку, ни породы. Грязными кло-

чьями торчал драгоценный мех, сваялся колтунами. И, глядя на него, никто бы, конечно, не мог подумать, что такие неважные звери выращиваются на зверофермах.

— Потрепали тебя, бедняга, — говорил плотник. — А в другой раз будь умнее — не связывайся с дворняжками. Ну ладно, сейчас я тебя куда-нибудь пристрою.

Он взял шпица за шкурку, будто котенка, и понес его в магазин. В магазине было шумно, народ толпился у прилавка, а на ящике с макаронами в уголке сидел охотник Фрол Ноздрачев.

— Кому щенка? — закричал плотник. — Английский шпиц! Его дачники бросили! Дрессированная собачка! Кушает конфеты «Озеро Рица»!

В магазине засмеялись, зашумели. Продащица Ася крикнула:

— Иди, Мерин, домой. Надо нам твоего щенка!

Охотник Фрол Ноздрачев поглядел на недопёска туманными глазами и сказал:

— Это шпиц не чистокровный. У него хвост лисий. Брось его.

Плотник Меринов покричал еще, предлагая щенка, потом купил махорки-крупки и пошел из магазина.

— Ладно, — бормотал он, выходя на крыльцо, — не хотите — не надо. Отнесу его домой, Веруне в подарок. На, скажу, тебе, Веруня, подарок — английского шпица. Пускай на дворе живет. Да и Пальме будет веселее.

Плотник сунул недопёска за пазуху, а мотоциклетную перчатку в карман.

Сухо и тепло было за пазухой у плотника. Пахло махоркой и столярным клеем.

ПАЛЬМА

Со звоном топая сапогами по мерзлой земле, плотник Меринов подошел к своему забору и остановился, докуривая сигарку. Хозяйка у него была строга, дома курить не велела. А плотник хозяйку свою уважал. Он постоял у забора, попыхтел дымом. Из сигарки сыпались на землю махорочные звезды.

Затоптав огонь, плотник распахнул калитку и вошел во двор.

— Ну вот, — сказал он, вытаскивая недопёска из-за пазухи. — Вот мы и дома. Видишь этот дом? Это наш. И сарай наш. И вишни наши, шубинки. А Пальму не бойсь, она не тронет... Пальма! Свои!..

Плотник опустил недопёска на землю, вынул из кармана мотоциклетную перчатку, кинул на крыльцо, а сам пошел в дом. В открытую дверь блеснуло электрическим светом, и донесся на редкость приятный, сытный и жирный запах — это хозяйка вынимала из печки вечерние щи.

Добротный двор был у плотника Меринова. Дом он срубил из толстых сосновых бревен, наличники на окнах разукрасил травяным узором. Под окнами росли коренастые вишни-шубинки. С их веток свешивались длинные серые сосульки. Сбоку от дома был сарай, в котором тепло шевелилась мериновская корова Варя.

У сарая стояли козлы и собачья конура, покрытая толем.

Из конуры вылезла толстая рябая псина. Она зевнула и, заметив недопёска, лениво гавкнула.

Это и была Пальма Меринова.

Она походила на сосновый чурбак, укутанный войлоком, а на голове у нее росли развесистые уши, которые и придавали сходство с пальмой в кадushке.

Большим и мокрым, розовым даже в темноте носом обнюхала Пальма воздух и вобрала сразу все запахи, которые имелись в нем: вечерних щей, мотоциклет-

ной перчатки, Наполеона Третьего и даже запах луны, выскочившей на минуту из холодного облака.

Запах недопёска Пальме не понравился, очень он был жесткий, жестяной. Но в то же время не вызвал особого раздражения.

«Что поделать, — добродушно, наверно, подумала Пальма. — Бывают и такие запахи. Беда не велика. Главное — сердце, душа».

Потряхивая своими тропическими ушами, подошла Пальма к недопёску. Он тут же упал на спину, выставив отросшие в клетке когти. Но Пальма не обратила на них внимания. Она высунула огромнейший язык, который был ей явно не по росту, и лизнула Наполеона. Теплым, ласковым и приятным был этот язык. Сравнить его можно было только лишь с корытом, в котором мамыши купают своих младенцев.

Вцепиться в такой язык недопёсок никак не мог. Он заскулил, подставляя Пальме живот и платиновые бока, и в один миг превратился из Наполеона Третьего в обычного щенка. Пальма облизала как следует Наполеона и решила, что запах стал поприличнее. Она подтолкнула недопёска к конуре.

Пальма Меринова была вообще-то добродушная хозяйюшка, из тех, которые, зазвавши гостя, сразу же выставляют на стол всякие коврижки и шанежки. Под конурую у нее припрятаны были разные кусочки и огрызочки, и, раскопавши кое-что из своих запасов, Пальма принялась угощать Наполеона.

Урча, накинулся он на хлебные корки и петушинные головы, а Пальма похаживала вокруг него, ласково ворчала, потчевала.

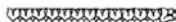
Да, Пальма Меринова была радушная хозяйюшка, и если б у нее в конуре был самоварчик, она, конечно, раскочегарила бы его.

НОЧЬ В КОНУРЕ

Сгустились сумерки, превратились в темноту, и сразу со всех сторон навалилась ночь на ковылкинскую землю. Не поймешь, откуда она взялась: опустилась ли с неба или поднялась из глухих оврагов, заросших дудником, из барсучьих пещер.

К полуночи ударил мороз, и вокруг луны, которая вышла из сизых облаков, засияла голубая радуга. Эта ночная холод-

ная радуга нагнала на деревенских псов волчью тоску, и дружно залаяли они и завывали, глядя на луну.

Свет луны опечалил и Пальму, она тоже завывала, поддерживая своих односельчан. Голос ее, теплый вначале и бархатный, подымался все выше, выше, растерял по дороге теплоту и бархат и уже тянулся к луне тонкой шелковой нитью. Добравшись до самой луны, стала Пальма медленно опускать голову и увидела окна мериновского дома, освещенные электричеством. Электрический свет взбудоражил ее, и Пальма залаяла, будто вызывала хозяев на улицу разделить с нею ночную тоску.

Голос Пальмы растревожил Наполеона; вспомнились хриплые крики песцов, голоса работниц, алюминиевый звон.

Глядя исподлобья на луну, он хотел подхватить, подвыть деревенским дворянкам, но ничего не получилось — из горла его вырвалось лишь тявканье, похожее на старческий хриплый кашель. Никак не вязался этот простуженный звук с домашним собачьим воем, и не нужен был он в ночном деревенском хоре, как не нужен был здесь, в деревне, и сам Наполеон, чудный зверь, ни ди-

кий, ни домашний — искусственный, выведенный человеком.

Под вой собак заполз Наполеон к Пальме в конуру, забился в самый дальний угол, зарылся в какие-то жаркие тряпки и задремал.

Перчатку мотоциклетную он взял с собою, потому что стала она совсем ручной.

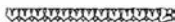
Ветер, который гулял высоко в небе, рассеял облака, и стало видно, как из ковылкинского оврага выливается на небо Млечный Путь — молочная дорога. И по дороге этой вдогонку за Тельцом, отмеряя ночные часы, медленно помчался Орион.

Грозно сверкнул кинжал на его поясе, изогнулся тугой лук, и вот стремительная стрела прочертила небесный свод, ударила в лоб небесному буйволу.

От грозного удара по всему небу посыпались искры — шальные кометы — и сгорели где-то над водокачкой, маленьким кирпичным грибом, отмечающим над черными лесами звероферму «Мшага».

Нет, не догнал Орион Тельца, не догнал вчера, не догонит сегодня и завтра. Куда проще директору Некрасову найти недопёска, вернуть на звероферму Наполеона Третьего.

«Надо было дать Прасковьюшке премию, — думал в этот миг директор Некрасов. — Все же она старается... а теперь — одни неприятности».

«Ладно, проживу и без премии, — думала тем временем Прасковьюшка, — не в деньгах счастье...»

Засыпая, она беспокойно ворочалась на высокой кровати с серебряными шарами в изголовье, вздыхала, жалела себя и Наполеона, который бродит сейчас неизвестно где, голодный и одинокий.

Шофер Шамов, укладываясь спать, думал только об одном: что делать с премией — отдать жене или затаить на личные нужды?

«Затаю пятерочку», — решил в конце концов он и на этом заснул, и снилась ему ровная дорога без луж и без колдобин.

На небо набежала глубокая снежная туча, закрыла луну, плащом окутала плечи небесного охотника. И разом смолкли деревенские псы, загремели цепями, укладываясь спать. Только Пальма лаяла долго, пока не погас свет в окнах мериновского дома.

Пальма забралась в конуру, притиснула Наполеона к стенке. От нее исходил такой мощный жар, что Наполеон задохнул-

ся, задержался, не просыпаясь, установил нос свой точно на север и обнаружил щель в стенке конуры. Он приник к ней носом и успокоился. Из щели тянуло холодом, пахло снегом, падающим с неба.

Заснул недопёсок Наполеон Третий, и, пожалуй, никогда раньше не спалось ему так спокойно, как в эту ночь во дворе плотника Меринова, под защитой горячей и добродушной Пальмы. Снились ему длинные ряды клеток, Маркиз, крутящий миску, и Сто шестнадцатый, который ничком лежит на дороге.

Пальма спала уютно, похрапывала и посапывала. Ей снилась большая кулебяка, которую испекут, наверно, к празднику.

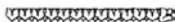
БОЛЬШАЯ ВЕРА МЕРИНОВА

К утру повалил снег, да такой густой, что плотник встал пораньше — расчищать дорожки деревянной лопатой.

Пальма вылезла из конуры и сладко зевнула. За Пальмой появился недопёсок и тоже принялся зевать и потягиваться.

— Вишь ты, — засмеялся плотник, — зеваешь! Пригрела Пальма-то? Верунь, выдь на крыльцо, глянь, кого я тебе принес!

На крыльцо вышла дочка плотника Вера, большая девочка, которая училась во втором классе. По росту Вера догоняла своего папашу, а на плечах у нее лежала туго сплетенная коса, потолще корабельного каната.

— Это что за типчик? — спросила Вера, глянув на недопёска. — Папань, ты зачем шутики шутишь?

— Это, Верунь, английский шпицок, — ответил плотник, который, кстати, и дочку свою слегка побаивался, потому что она была строга. — Его дачники бросили, а я пожалел.

— Разве это собака? Смотри, какой хвост, и морда лисья.

— Может быть, это помесь собаки с лисой? — неуверенно рассудил плотник.

— Папань, ты думай, что говоришь. Ну откуда возьмется такая помесь? Лиса эвон где, а собаки — в деревне. Это зверь, а не собака.

Мамаша Меринова Клавдия Ефимовна, обширная, как копна сена, вышла на крыльцо с полотенцем в руках. Как и у Веры, на плечах мамыши лежала коса, куда, правда, тоньше, чем у дочери. Клавдия Ефимовна работала в колхозе счетоводом, а два года назад была с председа-

телем на звероферме, видала и песцов, и черно-бурых лис. Она сразу поняла, кто такой сидит на снегу у конуры.

— Песец, — сказала она. — Он с фермы сбежал.

— Я его вчера у магазина от собак отбил, — хвастливо сказал плотник.

— А что это, интересно, ты делал у магазина? — спросила Клавдия Ефимовна.

— Так, Клав... — замялся плотник. — Сама знаешь, махорки-то надо купить. А где ж ее взять, как если не в магазине?

— Весь двор провонял своим табачищем, — недовольно заметила мамаша Меринова и, присевши на корточки, стала разглядывать недопёска.

— Какой мех красивый, — говорила Вера. — Мам, налей ему щец.

— Нечего зверей прикармливать. Пускай отец сядет на велосипед да отвезет его на ферму.

— Не надо его на ферму, мам, — сказала Вера. — Пускай он у нас поживет. Будет как собачка. Давай мы его пригреем.

— Куда я, Клав, теперь поеду, — поддержал Веру плотник. — Разве я проеду по такому снегу? К тому же задняя ось, похоже, треснула.

— У тебя я знаю, где треснуло, — сказала мамаша Меринова, недовольно поглядевши плотнику в глаза. — Ты скажи-ка лучше, что это ты у магазина делал?

Плотник Меринов смешался, закашлялся, вытащил из-под крыльца какую-то веревку и пошел за калитку, сказавши загадочно:

— Схожу за жердями.

ВЧЕРАШНИЕ ЩИ

Осторожно по шерсти попробовала Вера погладить недопёска. Он сжался и, насупившись, поглядел куда-то за забор. Легкие прикосновения человеческой руки удивили Наполеона, но ничего страшного в этом не было, и вдруг теплая приятная дрожь пробежала по спине.

А Веру удивляло, какой у него чуткий мех. Он струился, шевелился под пальцами, был живым и даже на ощупь серебристым. Вере очень хотелось провести пальцем вдоль белой полоски, рассекающей нос недопёска, но она не решилась.

— Мам, принеси щей. Давай мы его прикормим.

Мамаша Меринова погладила Веру по голове и сказала:

— Ты у меня молодец. Животных любишь. Ладно, все равно сегодня новые ставить.

Она сходила в дом и вынесла чугунок тех самых щей, что так вкусно пахли вчера. Эх, были в запасе у мамыши Мериновой бараньи вареные мослы, но не сумела она их оторвать от сердца!

Пальме налили в миску, а недопёску разыскала Вера бывшую сковородку с обломанной ручкой, крошила в щи хлеба.

Пальма завиляла хвостом, подошла к своей миске и весело ударила по щам языком.

— Хлебай, хлебай, не робей, — подталкивала Вера Наполеона.

Он упирался, хотел для начала крутануть сковородку и лапой неожиданно зачерпнул щей. Облизнул и сразу понял, что никогда не пробовал ничего столь острого и соленого. Снова обмакнул лапу и зацепил какой-то лохматый узел.

— Это капуста, — пояснила Вера. — Хлебай, хлебай... Тут и луковки попадают, кругленькие, да, наверно, уж разварились, упрели. И картошка.

Наполеон слизнул капусту. Так и стал он есть: обмакивал в щи лапы и облизывал. Вчера щи пахли, может быть, и вкус-

нее, но и сейчас были они хороши. Кислый и жирный валил от них пар.

Пока налегал недопёсок на вчерашние щи, Вера Меринова принесла веревку, ласково, легким бантиком обхватила его за шею, а другой конец привязала к кольцу, вколоченному в стенку конуры.

— Посидишь так до обеда, — сказала она.

Только облизавши дочиста свою сковородку, заметил Наполеон, что на шее у него что-то мешается. Вывернул голову и лапой попытался скovyрнуть веревку, но плотно уже сомкнулась она на шее, зарылась в мех. Тогда ему показалось, что от этой штуки можно убежать. Он прыгнул в сторону — веревка схватила за горло, и Наполеон упал в снег.

Нет, Наполеон, не убежать вам от плотницкой веревки. Простейший предмет, а легко превращает в собачку свободного зверя. И Пальма, и теплая конура, и вчерашние сытные щи — это только обман, пригодный дворовым собачкам. На север, на север надо было, Наполеон, как раз ведь туда показывает верный компас, рассеченный белою полосой. Пропал, поник Наполеон, попался в петлю, сложенную бантиком из плотницкой веревки.

— Не волнуйся, не волнуйся, — успокаивала его Вера. — Посидишь так только до обеда. Чтоб не убежал. А приду из школы, я тебе устрою домик.

Вера ласково гладила недопёска, уговаривала его, как мамыши уговаривают детей.

«Назову его Тишей», — думала она.

Вера Меринова была добрая девочка. Она любила животных, всех животных, все равно каких. Но желательно — млекопитающих.

ПОЛТАБУРЕТКА

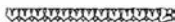
Мамаша Меринова ушла на работу, Вера — в школу. Дома никого не осталось.

А Пальма по характеру была домоседка. Она не слишком-то любила болтаться по улицам, ей нравилось, когда гости сами приходили.

Наевшись, Пальма вспрыгнула на конуру и улеглась на ее плоскую крышу ждать гостей.

Наполеон, пришибленный веревкой, заполз в конуру. Ему казалось, что какой-то страшный, сильный и невидимый зверь

схватил за шею и держит. Вот нажмет по-сильней — разорвет горло. Мотоциклетная перчатка, которая дремала в куче тряпья, зашевелилась, ласково провела указательным пальцем по черному его носу, рассеченному белой полосой. Наполеон заскулил, но не смогла перчатка развязать веревку на его шее.

Скоро во дворе появилась гостья.

Это была старая приятельница Пальмы собачонка Полтабуретка.

Маленькая и зловредная Полтабуретка имела скверный характер. Она воровала все, что попадалось на глаза, любила укусьить сзади. Деревенские псы терпеть не могли Полтабуретку. Только Пальма жалела ее.

«Маленькие собаки — злые, — рассуждала Пальма. — Их надо жалеть. У них жизнь не удалась».

Пальма всегда делилась с голодной Полтабуреткой костями, которые перепали от мериновского стола, и Полтабуретка заходила каждое утро перекусить и вообще покалякать.

Увидевши гостью, Пальма приветливо махнула хвостом. Полтабуретка издали оскалилась, захихикала, подскакала к конуре.

Вдруг она замерла на месте, наморщила нос: чем это у вас тут противным пахнет? Пальма фыркнула добродушно: мол, не беспокойся, затесался тут один знакомый или родственник, что-то вроде племянника.

Из конуры вылез недопёсок с мотоциклетной перчаткой в зубах.

Полтабуретка зарычала, глазки ее загорелись скандальным огнем. Она сразу вспомнила, кто ей вчера всю морду расцарапал.

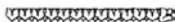
Не рассуждая, кинулась она к недопёску, клацнула зубами и выдрала клоч платиновой шерсти. Наполеон вцепился ей в нос, и снова раздался неприятный визг.

Пальма соскочила с конуры, оттерла Полтабуретку плечом и встала между нею и недопёском.

«Погодите, погодите, ребята, — как бы говорила она. — Давайте вначале разберемся, в чем тут дело».

Но Полтабуретка вовсе не хотела ни в чем разбираться. Из носу у нее текла кровь, а пасть была забита шерстью. Она не просто лаяла, она орала во все горло.

На голос Полтабуретки прибежали рыжая Дамка, маленькая собачонка Мошка и бродячий пес Шакалок. Кольцом обложили они Пальму и Наполеона и грозно вор-

чали, а Полтабуретка шмыгала вокруг и разжигала.

Вся эта комедия Пальме не понравилась. Она загнала Наполеона в конуру и сама влезла в нее, выставив наружу только лишь свою добродушную морду. Пальма миролюбиво ворчала, объясняя, что нечего разжигать сыр-бор, что это ее знакомый или даже родственник и что, в конце концов, это ее личное дело, кто живет у нее в конуре.

Но уговоры Пальмы не помогали. Сво-ра вплотную приблизилась к конуре, а коварная Полтабуретка вскочила на крышу и стала скрести ее когтями.

Собачонка Мошка, двоюродная сестра Полтабуретки, совсем обнаглела. Задними лапами она корябала землю — комья земли и снега полетели в морду добродушной хозяйюшке.

Терпение Пальмы лопнуло. В ярости выскочила она из конуры и ужасно укусила двоюродную сестру. И тут же сцепились в одно лохматое колесо и Мошка, и Пальма, и Дамка, и Полтабуретка, и бродячий пес Шакалок. А Наполеон взволнованно выглядывал из конуры и чем-то напоминал, в конце концов, своего знаменитого тезку, который наблю-

дает из маршальского шатра за ходом сражения.

Псы свились в клубок, связались двойным морским узлом. Их морды были в середине узла, а хвосты трепетали снаружи. Узел прокатился по двору, перевернул козлы, но тут прилетела вдруг откуда-то консервная банка и врезалась в самую середину свары. И страшный послышался, грозный крик:

— Артиллерия! Огонь! Левое орудие разрывными снарядами — пли!

Градом посыпались на собак разрывные снаряды — осколки горшков и гремящие консервные банки. Первым рванул в сторону Шакалок, за ним — двоюродная сестра. Через четыре секунды двор опустел.

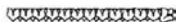
Из-за забора заглядывал на мериновский двор какой-то человек в офицерской фуражке. Это был дошкольник Серпокрылов.

Часть вторая

ДОШКОЛЬНИК СЕРПОКРЫЛОВ

После завтрака дошкольник Серпокрылов имел обыкновение прогуливаться по деревне. Проводив на работу своего папашу, уважаемого слесаря Серпокрыло-

ва, дошкольник надевал офицерскую фуражку, закидывал на плечо винтовку, сделанную из водопроводного железа, и выходил в дозор.

Все друзья дошкольника учились в школе, поэтому до часу дня Серпокрылов был свободен и одинок. Но одиночество не мучило его, потому что он был занят военным делом.

Взявши винтовку наперевес, солдат Серпокрылов крался вдоль забора, стараясь подстрелить какого-нибудь вражеского разведчика или адъютанта.

Около клуба ему попался почтальон дядя Илюша, который мгновенно был ранен в ногу.

— Смотри, Лешка, — крикнул дядя Илюша, — сколько снега навалило! Надо тебе надевать маскировочный халат!

Сержант Серпокрылов стрельнул еще разок, но, как видно, не попал. Прихрамывая, дядя Илюша двинулся по деревне. Он кидал газеты и письма в почтовые ящики, приколотенные к калиткам.

Из проулочка появился тем временем неприятельский батальон, обутый в красные сапоги.

— Солдаты! За мной! — шепнул своим разведчикам старшина Серпокрылов. — Возьмем их в клещи!

Будто лавина, обрушились разведчики на врага. Хлопая от ужаса белыми маскировочными рукавами, вытягивая в страхе белые маскировочные шеи и даже маскировочно гогоча, враги рассыпались по огородам и замаскировались.

Неожиданно послышалось ворчание танка. Лязгая гусеницами, из-за ближайшего блиндажа вываливался тяжелый бронированный механизм.

— Погибать — так с музыкой! — крикнул лейтенант Серпокрылов, держа в руке противотанковую гранату.

Раздался чудовищный взрыв — механизм выпустил облако дыма и отправился умирать в сторону силосной ямы.

После боя установилась над землей тишина. Такая тишина, какой не услышишь в мирное время. Но это была обманчивая тишина.

Со двора плотника Меринова вдруг послышался визг и лай.

— Вперед! По-пластунски! — скомандовал капитан Серпокрылов, упал в снег и стремительно пополз к забору, за которым разгорелся невиданный бой.

Заглянувши в дырку между штакетин, майор Серпокрылов сразу оценил обстановку.

— В штгыки! — слышалась команда. — Ребята, рубай их! Не подведите своего подполковника!

Град огня и снарядов обрушился на врага.

— Спасибо вам, товарищ Серпокрылов, — сказала Пальма. — Ваши активные боевые действия привели к полной победе.

— Я — солдат! — скромно ответил полковник Серпокрылов.

Дошкольник хотел продолжать пугь боевых подвигов, как вдруг заметил пушистого, с огромным хвостом солдатика, привязанного за веревку к конуре.

«Вон какую штуку завела себе Верка Меринова!» — изумленно подумал он, раскрыл глаза пошире, и в голову его хлынули сугубо штатские мысли: кто это такой, чего он сидит у конуры и при чем здесь огромная перчатка, валяющаяся на снегу?

Дошкольник перелез через забор, поднял перчатку и примерил. Рука вошла аж до плеча, и дошкольник засмеялся от удовольствия.

— А ты кто такой? — спросил он Наполеона, присел на корточки и перчаточным пальцем провел ему по носу.

Наполеон зажмурился.

Новые стремительные мысли пронеслись в голове дошкольника, и главная на-

счет Верки Мериновой: мол, надо бы ее немного подразнить, а то чего-то загордилась, давно недразненная ходит.

— Ты мой трофей, — сказал он Наполеону и отвязал веревку.

Потягивая за собой недопёска, дошкольник вышел через калитку на улицу.

Победные флаги трепетали над головой генерала Серпокрылова.

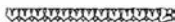
НА ПОЛЮС!

«Это, наверно, росомаха, — думал дошкольник, выходя из калитки на дорогу, вдрызг перепаханную тракторами. — А может, барсук? Как раз полосочка на носу. Нет, он похож на лису. Но не очень. Какой-то недолисок!»

Тут мысли дошкольника побежали по дороге, проторенной уже плотником Мериновым: «Может, это помесь собаки с лисой? Лисья собачка? Лисопес... Лисица-псица!.. Лисец...»

— Песец! — закричал вдруг дошкольник, подпрыгнул на месте и выпалил из водопроводной винтовки. — Песец! Песец! Чтоб мне треснуть! Это песец!

Восхищенный своей догадливостью, он

палил безостановочно в воздух. Бах-тарах-ба-бах! Наполеон поник, пришибленный неслыханным салютом. Никогда в жизни не приходилось слышать ему ничего подобного.

Дошкольник быстро израсходовал все боеприпасы и дернул за веревку. Ему хотелось немедленно куда-то бежать. Песец неожиданно заупрямился, уперся лапами в землю и затряс головой.

— Пойдем, пойдем, — торопил дошкольник.

Наполеон завертел головой, упал на бок, перевернулся на спину, стараясь задними и передними лапами сорвать с шеи веревку.

Дошкольник Серпокрылов, надо сказать, был человек сообразительный. Он подождал, пока Наполеон успокоится, а потом заманчиво помахал мотоциклетной перчаткой.

— Пойдем со мной, — сказал он. — Перчатку получишь. Хорошая перчаточка!

Однако перчатка не помогла. Песец вовсе ее не заметил.

— Ну ладно, — сказал дошкольник. — Ты не идешь за мной, тогда я пойду за тобой. Беги куда хочешь.

Разных людей повидал за свою жизнь Наполеон Третий, но никогда не встречал

он таких маленьких, чуть выше елового пня. Это Наполеону неожиданно понравилось, и еще понравилось, что дошкольник перестал дергать веревку и палить.

Недопёсок обнюхал снег и валенки дошкольника Серпокрылова. От валенок пахло мышами.

Наполеон оглянулся на мериновский двор. Пальма стояла у калитки, печально помахивая тропическими ушами. Наполеон кивнул ей и установил нос точно на север.

— Валяй! — шепнул дошкольник, и на север, точно на север побежал недопёсок через деревню Ковылкино, а за ним — дошкольник Серпокрылов.

Ему хотелось свистнуть, как свистят кавалеристы, скачущие в степи, или взречь мотоциклом «Ява», на котором ездит агроном, но он боялся напугать зверя, бегущего перед ним.

«Куда же он бежит? — думал Серпокрылов. — Наверно, на север. Северный зверь должен бежать на север. На полюс!»

Серпокрылов смеялся, ему казалось, что он все знает, все понимает, и действительно, он все больше понимал, что это за зверь бежит перед ним, куда бежит и зачем.

«Назову его Филькой», — думал он.

Кто из нас, людей деревенских или городских, поймет сердце песка, душу недопёска? Даже и в собачьей душе мы только чуть научились читать, а о песцах и ведать не ведаем. Есть, конечно, десяток на земле знатоков, которые расскажут о песцах. Но что скажут они о душе песка, не того, что бродит по белым пустыням тундры, а вот этого — искусственного, платинового, выведенного в клетке! Что там бьется у него в груди — сердце или моторчик, заведенный на время человеком?

Не видно в платиновом Наполеоне сходства с его свободными родственниками, и не слишком похож он на придуманного плотником английского шпица.

Более всего схож Наполеон с тюфячком на коротких ножках. И вся душа его ушла, наверно, в этот густой теплейший мех, в этот красивый волос. А сердце бьется лишь для того, чтобы волос становился все длиннее и краше.

Наполеон спешил. Ему казалось, еще немного — и он убежит от веревки. А дошкольник старался так поспевать, чтоб веревка не резала песцу шею.

«Мы бежим на полюс! — думал дошкольник Серпокрылов. — А куда же иначе нам

бежать? Вперед! Я там давно хотел побывать!»

Позвякивая боевыми наградами, бежал дошкольник Алексей Серпокрылов через деревню Ковылкино вслед за недопёском Наполеоном Третьим.

С каждым шагом увеличивалось на его груди количество орденов и все ближе был Северный полюс.

КОЛЕСА, КОТОРЫЕ ВИДИТ СТАРИК КАРАСЕВ

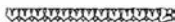
Настало наконец-таки время поговорить о старике Карасеве, о ковылкинском человеке с небритою бородой и носом кисельного цвета.

Старики такие есть во всех деревнях. Они сторожат колхозные сады, подшивают валенки. Этими делами занимался и старик Карасев — и сад стерег, и валенки подшивал. Короче, это был обычный старик, и только одна черта отличала его от всех других стариков.

Старик Карасев был колдун.

Впрочем, разобраться в этом деле — умеет Карасев колдовать или нет — никто толком не мог.

Печник Волопасов спросил как-то:

— Ну что, дедок, ты вправду, что ль, колдовать умеешь?

— Колдуем помаленьку, — ответил на это старик Карасев.

— Да ладно врать-то, — сказал печник.

Карасев равнодушно улыбнулся и вдруг глянул на печника через левое плечо. Волопасов вздрогнул и отошел в сторону сельсовета.

А на другой день на шее у него выросла болячка.

С каждым днем болячка разрасталась, и жена Волопасова уговаривала его пойти к старику повиниться.

— Против колдовства имеется наука! — возражал Волопасов.

Он купил йоду и стал смазывать им болячку. Научное лекарство вступило в борьбу с колдовской болячкой и в конце концов, конечно, победило.

Но не болячками удивлял старик Карасев белый свет. Главная сила его заключалась в другом: старик Карасев видел колеса!

Что это за колеса, Карасев и сам толком объяснить не мог. Но, по словам его, получалось, что возле каждого человека имеется в воздухе какое-то цветное коле-

со. Вроде радуги. Да только колесо это не всякому дано увидеть.

Например: плотник Меринов никаких колес не видит, и слесарь Серпокрылов не видит, да и вообще никто не видит. А вот старик Карасев видит.

В тот день, когда появился в Ковылкине Наполеон, Карасев сидел на лавочке у калитки, а соседка Нефедова шла из магазина и присела передохнуть.

— Куда ты столько хлеба набрала? — сказал Карасев. — Десять кирпичей.

— Как это куда! — закричала в ответ Нефедова и принялась считать, сколько у нее в доме народу, да куры, да корова, да поросята, да праздники впереди. Своими крикливыми подсчетами она оглушила старика на оба уха, потом перевела дух и решила поболтать о колесах: — Неуж все-таки вправду бывают колеса вокруг людей?

— А как же, — ответил Карасев. — Обязательно бывают.

— И ты видишь это?

— А как же мне не видеть-то их, если они видны, — возразил старик.

— Ну а вокруг меня есть такое колесо?

— Виднеется, — подтвердил Карасев. — Да только не слишком уж большое.

— Что уж, совсем, что ли, маленькое? — спросила Нефедова чуть огорченно.

— Ну как тебе сказать, — ответил Карасев, закуривая сигарку, — сантиметра на четыре.

— И какого ж оно цвета?

Тут старик Карасев поглядел на соседку внимательно, выпустил в воздух дыму и сказал:

— Коричневое.

Такой цвет Нефедову почему-то обидел.

— Старый ты пес, — сказала она. — Напустил дыму, вот и натемнил в колесе.

— Табачный дым колесам не помеха, — ответил старик Карасев, равнодушно еще раз взглянувши на соседкино колесо.

— Тьфу! — плюнула Нефедова. — У тебя небось и вовсе никакого колеса нету.

— Мне свое колесо видеть не дано.

Старик покуривал сигарку, а Нефедова искоса взглядывала на него, прищуривалась, словно хотела разглядеть, не видно ли какого колеса. Но, кроме шапки солдатской, носа да сигарки, она не видела ничего. И на улице не видно было никаких колес, только у дороги валялась, как обычно автомобильная покрывка.

На дорогу выскочила из-за угла собачка

на веревке, а за нею бежал дошкольник Серпокрылов.

— Смотри-ка, дед, вон мальчишка слесарев бежит. Неуж и вокруг него есть чего-то?

— А... это Лешка Серпокрылов. Вокруг него радуга васильковая с розовым разводом.

— И вокруг собаки есть?

— Ну нет, — сказал Карасев. — Вокруг собак не бывает... Они их видят, а сами не имеют. Постой, постой... Что за оказия? Вроде что-то намечается синеватое! Да это не собака!

Старик Карасев разволновался, достал из кармана очки.

— Эй, Лешка, подь-ка сюда!

— Некогда, дедушка Карасев! — крикнул в ответ Серпокрылов. — На полюс бегу! — И скрылся за углом.

— Странное дело, — взволнованно рассуждал старик Карасев. — Вокруг собак никогда не бывает, а тут что-то синеватое.

Пока старик рассуждал, на улице появился новый человек.

В шапке «пирожок», в овчинном полушубке романовской дубки, он быстро шагал, почти бежал по улице. В руках он держал толстую палку, окованную полосо-

вой сталью, а на спине его подпрыгивал зеленый, через плечо на ремне, сундучок.

— Это что за человек? — спросила Нефедова. — Какое вокруг него будет колесо?

— Тьфу! — плюнул старик Карасев. — Салатовое!

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ...

Последним уроком во втором классе был урок рисования.

Кончилась переменка. Техничка Амброва пробежала по коридорам.

— Звонок не работает! — кричала она. — Движок барахлит. Току нету! Расходись по классам!

— Без звонка не пойдем! — кричали Белов и Быкодоров из четвертого класса.

— Дззззззз... — зазвенела Вера Меринова.

— Дзынь-трынь! Трам-блям-блям! — подхватил весь второй класс, и скоро в школе раздался такой звон, какого никогда в жизни не устроить электрическому току.

— Кончай звонить! — закричал учитель рисования Павел Сергеевич. — Готовь карандаши да альбомы!

Во втором классе очень любили рисование, и рисовали здесь отлично.

«Таланты! — говорил о них Павел Сергеевич. — Петровы-Водкины!»

Уроки свои Павел Сергеевич начинал обычно с какого-нибудь фокуса. Вдруг доставал из кармана огромный гипсовый нос или приносил в рюкзаке лошадиный череп. Сегодня он пришел с пустыми руками, и напрасно таланты глядели с надеждой на учительские карманы. Карманы не оттопыривались, гипсовый нос оттуда не высывался.

Павел Сергеевич прошелся по классу, остановился у окна.

— Сколько снегу навалило, — сказал он. — Скоро настоящая зима.

Ребята поглядели в окно на старые березы, присыпанные снегом. Черные грачиные гнезда на березах накрылись белыми колпаками.

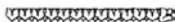
— Видите за фермой сосну? — спросил Павел Сергеевич.

— Видим, видим! — закричал хорошист Миша Чашин.

— Посмотрите на нее хорошенько, — попросил Павел Сергеевич.

Ребята с любопытством принялись рассматривать сосну, как будто ожидали, что Павел Сергеевич сейчас устроит с нею какой-нибудь фокус.

Но Павел Сергеевич ничего не устраивал, а сосна стояла не шевелясь, подпирала мудрой головой серое ковылкинское небо.

Эта сосна была знаменита. Ни в деревнях, ни в окрестных лесах не было дерева выше ковылкинской сосны, а медовый ее ствол был толще самой огромной бочки. Старики говорили, что сосна заколдована. В нее ни разу не попала молния. Другие, мелкие деревья июльские грозы крошили каждый год, а сосну обходили стороной.

— Это очень старая сосна, — сказал Павел Сергеевич. — И вот каждое утро, по дороге в школу, я думаю, что это про нее написал Лермонтов стихотворение... Послушайте.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим,
Как ризой, одета она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Ребята помолчали, обдумывая стихотворение, а потом сразу стали спорить, про какую это сосну написано.

— Да не про нашу это!

— Про нашу! Про нашу!

— Погодите, — сказал Павел Сергеевич. — Давайте по порядку. Миша Чашин!

Второклассники замолчали. Хорошист Миша Чашин пользовался в классе авторитетом. Его уважали.

— Это не про нашу, — сказал Миша Чашин. — Нету горной вершины. Почему ничего не сказано про ферму, а ведь она под сосной?

Миша Чашин сел на место, и слово взял Коля Калинин.

— Горной вершины нет, зато есть бугорок, — сказал он. — Но дело не в этом. Стихотворение про сосну, которая стоит одиноко. Значит, и про нашу. Значит, это наша сосна спит и видит пальму.

— Пальму Меринову, — сказал Миша Чашин и засмеялся.

— Кокосовую! — закричал Коля Калинин. — Не тебя же во сне видеть!

— Спокойно! — сказал Павел Сергеевич. — Калинин, сядь. Говори, Вера.

— Это написано не про сосну, — сказала неожиданно Вера, — а про одинокого человека. Он стоит, и ему печально.

— Ну сказанула!

— Тогда б так и было написано: на голой вершине стоит человек!

— Ну ладно, — сказал Павел Сергеевич. — Хватит кричать. Я согласен с Верой. Поэт пишет стихотворение о сосне, а сам думает, конечно, о своей судьбе, о других людях. Мы читаем и тоже задумываемся о себе и о других. Вот так. Ну, начали рисовать.

— Чего рисовать?

— Как чего? Сосну, пальму, все, о чем написал Лермонтов.

— Вот это задание!

— Давайте лучше гипсовый нос!

Ребята задумались, стали вспоминать, как выглядит пальма. Только лишь Коля Калинин немедленно кинулся в бой.

— Во — сосна! — шептал он. — А во — пальма! Во — песок! Во — скала!

— Не спеши, — сказал ему Павел Сергеевич. — Продумай композицию.

Коля остановился на минутку и тут же снова зашептал:

— Во — снег идет! Прямо на ветки! Прямо на ветки! Во — гора! Во — ферма под горой, коровы, куры! Во — школа!

— Вера Меринова пойдет к доске рисовать цветными мелками.

— Повезло, повезло Верке, — бормотал Коля. — Во — лошадка везет сено. На возу мой папаня.

Тихо стало в классе. Слышался только приятный шорох карандашей да стук мела по грифельной доске.

Синяя северная гора, изрезанная скалами, изрытая пещерами, охватила полдоски, красным мелом наметила Вера сосновый ствол. Горел огненный ствол, оранжевые ветки уползали вверх и добирались чуть ли не до портрета знаменитого химика Менделеева, который висел над доскою. На верхушке, там, где у сосны голова, нарисовала Вера кружок, а в нем — песок, песок, горючий утес, одинокую — пальму. И так уж получилось, что листья ее были похожи на уши Пальмы Мериновой.

— Хорошо, — похвалил Павел Сергеевич. — А это кто такой под сосною?

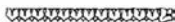
— Песец, — ответила Вера. — Северный зверь.

— Очень хорошо, — подтвердил Павел Сергеевич.

Вера почти закончила рисунок и решила еще разок глянуть на ковылкинскую сосну. Она подошла к окну, и тут же все смешалось у нее в глазах.

За школьным забором бежал по улице Лешка Серпокрылов, а перед ним на веревке — Тишка, песец, северный зверь. Заприметив в окошке Веру, дошкольник остано-

вился, поднял водопроводную винтовку, прицелился и, конечно, попал в самое сердце. Песец дернул веревку — дошкольник состроил нехорошую рожу и скрылся из глаз.

Из-за поворота тем временем появился новый человек — в овчинном полушубке, с зеленым сундучком на плече. Вера не видела его. Она так разволновалась, что еле дотянула рисунок до конца.

Павел Сергеевич поставил ей пятерку, посадил на место.

Тысячи мыслей проносились в голове Веры Мериновой, и из всех мыслей она выбрала одну, самую верную.

Вера написала записку и перекинула ее Коле Калинину:

«Готовься! Будет дело!»

К чему надо готовиться, Коля не понял и, какое будет дело, не знал, но все последние пять минут сидел как на иголках и готовился к делу.

«Будь спокойна, Вера, — думал он. — Я готовлюсь!»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

К этому моменту погоны на плечах дошкольника Серпокрылова выросли уже до каких-то ненормальных размеров.

Куда больше на них сверкало звезд, чем в созвездии Ориона, и установить армейский чин дошкольника было трудновато. Получалось что-то вроде супергенералиссимуса.

Вслед за песцом дошкольник пробежал через всю деревню. Веревку он старался не натягивать, и Наполеону почудилось даже, что он вновь свободен, а маленький человечек просто бежит за ним на правах Сто шестнадцатого.

На бугре под ковылкинской сосной Наполеон остановился, оглянулся на дошкольника. Нет, не был похож дошкольник на Сто шестнадцатого, но хоть вперед не забегал и веревку не дергал.

Запыхавшись немного, Лешка сопел и ласково глядел на недопёска.

С бугра от края до края видна была деревня Ковылкино. Что ж, настало время прощаться с нею. Много здесь прожито — шесть с половиной лет, — много пережито. Все теперь позади, а впереди долгий путь на полюс, бураны, метели, выюги.

Впереди морозы в сто градусов и отряд полярников, во главе которых начальник Серпокрылов. В меховых унтах, с пистолетом в руке.

А Верка Меринова — фельдшерица.

«Товарищ начальник, — скажет она, — разрешите залезть на айсберг».

«Ладно, лезь да смотри не задерживайся на макушке, а то скоро задует пурга. Сама знаешь, что такое Север».

«Я мигом. Только слазию — и обратно».

И вот Верка полезла на айсберг, и тут же задула пурга.

«Сидите в красной палатке! — приказал Серпокрьлов полярникам. — А я пойду спасу ее».

И он быстро-быстро стал карабкаться на айсберг.

Пурга дула с нестерпимой силой, и не было ничего видно на земле, но все же начальник заметил Верку. Полумертвая от холода, она лежала в снегу. А над нею стоял белый медведь. Тут начальник хлоп из пистолета — медведь шмякнулся...

Тогда Серпокрьлов взвалил Верку на плечи и потащил ее вниз.

«Оставь меня, Лешка, — слабым голосом просила Верка. — Дай мне умереть в снегу!»

«Ни за что, — отвечал Серпокрьлов. — Я спасу тебя».

«Спасайся сам, ты еще нужен людям, а я уже не нужна».

«Мы оба нужны», — отвечал начальник

и брел в пурге, шатаясь, брел и брел, брел и брел и нес на плечах Верку Меринову.

— Эй, малый, погоди! — услышал вдруг он.

Дошкольник оглянулся.

— Погоди, погоди, — говорил человек в овчинном полушубке, взбегая на бугор.

— Тебе чего, дядь?

— Хочешь крючочек?

— Какой? — не понял Леша.

— Рыболовный, номер пять. На окунька, подлещика. Хочешь?

— А то, — ответил дошкольник.

— Вот и хорошо. Все путем. Насодишь каши, а подлещик — хлям! — и болтается на крючке. Грамм на двести!

Человек в полушубке скинул с плеча сундучок и, бормоча: «Окуньки, подлещики», щелкнул замком.

Леша заглянул в сундучок, и сердце его восхищенно стукнуло. Золотом, серебром сияли-переливались в сундучке рыболовные драгоценности: блесны-плотвички, перья-поплавки.

«Подлещик» же тем временем вытащил из сундучка коробку из-под монпансье, поддел крышку ногтем. Сотня самых разных крючков — стальных и латунных, гнутых и кованых — оказалась в коробке.

— Выбирай.

— А можно два?

— Бери, уж больно ты малый хороший.

Дошкольник Серпокрылов не считал себя таким уж бесконечно хорошим малым, но все-таки выбрал крючки, снял с головы фуражку и зацепил крючки за подкладку.

— А на акулу есть? — спросил он.

— Чего на акулу?

— Крючок.

— Нету.

— Ну ладно, я побежал.

— Постой-постой! Я тебе крючки, а ты мне чего? Дай и ты мне чего-нибудь.

— Идет, — согласился дошкольник и вынул из кармана медный предмет неясного назначения. Это был носик от чайника.

— Зачем он мне? — удивился человек в полушубке.

— А вот так, — сказал дошкольник и вдруг приляпал этот носик на свой собственный нос.

Полушубок вздрогнул. Самый настоящий чайник в офицерской фуражке глядел на него и вращал глазами, как будто собираясь закипать.

— Нет-нет, малый. Это не годится. Ты лучше дай мне собачку.

— Не могу.

— Да ведь я же совсем одинок, а собачка мне будет вечным спутником. Отдай.

— Никак не могу, — сказал дошкольник.

— Крючочки взял, а собачку жалеешь. Не ожидал от тебя такого.

Человек в полушубке оглянулся и вдруг подпрыгнул на месте и схватил веревку, за которую привязан был Наполеон.

— Отдай собачку, — неприятно зашептал он. — Это моя собачка, а не твоя!

Он рванул веревку, изо всех сил толкнул дошкольника в грудь.

Дошкольник Серпокрылов упал в снег, теряя ордена и медали.

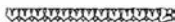
БОЙ У КОВЫАКИНСКОЙ СОСНЫ

Техничка Амбарова всунулась в дверь, оглядела класс равнодушным взглядом и сказала:

— Свету нету, Павел Сергеевич... Дзынь... Конец уроков...

Как ни любили ребята рисование, конец уроков они любили еще больше. Все вскочили из-за парт, зазвонили на сто ладов.

— Беги за мной! — крикнула Вера Коле Калинину и выскочила из класса.

Коля в таких случаях долго не рассуждал. Когда ему говорили «беги за мной», его всегда охватывало волнение, он срывался с места и летел сам не зная куда. Выбежав на улицу, он с ходу обошел на повороте Веру Меринову и ударил по снежной дороге подшитыми валенками. Только через полсотни шагов Коля остановился.

— Куда мы, Вер?

— В погоню! Серпокрылов песца увел!

— Песца! — закричал Коля. — Ура! В погоню! Какого песца?

— Настоящего.

От таких слов у Коли голова кругом пошла, он не стал разбираться, что это за песец и откуда, он только подпрыгнул на месте, будто горячий конь ударил в землю копытом, и помчался напрямик к одинокой ковылкинской сосне, под которой маячила фигура в офицерской фуражке.

Подбежав к сосне, Коля удивился, что у дошкольника не видно никакого песца. Но, с другой стороны, он не так уж хорошо знал, на что похож настоящий песец. Да может, дошкольник его за пазухой прячет! Поэтому Коля не стал рассуждать, где у дошкольника песец — за пазухой или под шапкой.

— Ура! — закричал он. — Вот он, дошкольник Серпокрылов! Дави дошкольника!

С разгона налетел Коля на Серпокрылова, сбил в снег офицерскую фуражку. Но дошкольник был не из тех людей, которых можно было взять на ура. Он уперся коленом в живот противника, сообразив, что наконец-то настал час, когда можно применить известный ему прием японской борьбы дзюдо.

— Стой! — закричала Вера, подбегая. — Песца замнете!

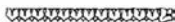
Ей почему-то казалось, что недопёсок принимает живое участие в схватке.

Слово «замнете» притормозило Колю Калинина. Он теперь совершенно убедился, что песец у дошкольника за пазухой. Поэтому Коля ослабил мертвую хватку. Но дошкольник Серпокрылов точно знал, что за пазухой у него ничего нет, кроме гордого, яростного сердца. Тут Коля и попал на прием. Одним махом дошкольник перекинул его через бедро, и Коля так грянулся о землю, что вздрогнула одинокая ковылкинская сосна и увидела наконец-таки пальму на юге далеком.

Лешка поднял с земли офицерскую фуражку и сказал:

— Семь раз отмерь и лучше не отрезай.

— Я те отмерю!.. — закричал обиженный Коля, горячо поднимаясь с земли. —

Я те отрежу... Я те сейчас так отрежу, что и отмеривать нечего будет!..

— А ну постой! — сказала Вера, дернув Колю за рукав. — Где же песец?

Большая Вера Меринова посмотрела дошкольнику Серпокрылову прямо в глаза.

Взгляда Веры Мериновой дошкольник Серпокрылов вынести не мог. Он мог сражаться с лазутчиками, мог ловить на прием Колю Калинина, спокойно мог глядеть в глаза своего папаши слесаря, но перед Верой он бледнел и терялся. Поэтому дошкольник не стал глядеть ей в глаза. Поглядел под ноги, повел глазами по растоптанному снегу, добрался до подножия ковылкинской одинокой сосны, а там по стволу, по стволу, белочкой, белочкой, все выше и как раз добрался до небес.

— Где песец, Серпокрылыч?

Это слово «Серпокрылыч», такое ласковое и тревожное, разбредило сердце дошкольника.

— Ты зачем отвязал песца?

И действительно, зачем? Ну зачем отвязал он песца?

— Подразнить хотел.

— Кого?

— Тебя.

О Орион! Да что же это на свете делается? Уж и подразнить нельзя симпатичного тебе человека!

— Где песец, Серпоккрылыч?

— Дяденька отнял.

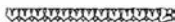
СЕРВЕЛАТ

Впилась-впиявилась веревка в шею, натянулась струной, придушила. Померк белый свет в глазах Наполеона.

— Шевелись, шевелись, собачка, — торопил человек в полушубке, тянул изо всех сил за веревку к лесу, к оврагу, тому самому, из которого выливается на небо Млечный Путь — молочная дорога.

Наполеон пробовал упираться, но веревка так схватила за горло, что ноги подкосились. Он еле поднялся и, спотыкаясь, поспешил к оврагу, куда тянула веревка. То рысью, то галопом бежал человек, а то тормозил, как бы делая вид, что он просто с собачкой прогуливается. Страшная палка, окованная полосовой сталью, тяжело лежала на его плече, а на спине подскакивал зеленый сундучок, бренькали в нем блесны, крючки и коробочки.

Ковылкинский овраг глубоко разрезал землю. Склоны его сплошь заросли глу-

хой бузиной, одичавшей малиной, завалены были истлевшим хворостом, который вяло трещал под ногами.

У бузинных кустов веревка ослабла. Наполеон ткнулся в бурелом, пытаясь спрятаться.

— Сейчас-сейчас, — сказал полушубок. — Сейчас все будет в порядке. Я тебе колбаски дам.

Он резко дернул веревку, поволок недопёска вниз по склону.

На дне оврага чернел в снегу старый колодец. Бревна, из которых сложен был его сруб, давно сгнили, обросли грибами, похожими на оранжевые копыта.

— У фуфу! — вздохнул наконец полушубок, захлестнул Наполеонову веревку за скобу, вколотенную в бревна. — Ну вот и все путем. Сейчас будем колбаску есть. Хорошая колбаска, ну прямо сервелат.

Он открыл сундучок и вынул из него газетный сверток.

— На-ка, — сказал он и бросил Наполеону колесико колбасы с напухшим на нем маслом и крошками хлеба, а сам принялся жевать бутерброд. Белый его нос выглядывал из-под шапки и внимательно шевелился, как бы следя и за Наполеоном, и за поеданием бутерброда.

Недопёсок тяжело дышал. Очень бодела шея, нарезанная веревкой.

Он лег в снег, закрыл глаза.

— Ешь колбаску. Будь культурным зверьком. Все, кто нас увидит, так и подумают: культурный человек кормит свою собачку. Никто не догадается, что и человек-то я не очень культурный, а собачка — не собачка вовсе, а Наполеон!

Тут засмеялся человек, и действительно некультурно как-то засмеялся. От смеха вылетели из-под носа хлебные крошки.

— То-то бабы в автобусе болтают: Наполеон, мол, сбежал. Редкий зверек, мех золотой, государственного значения. А он, глядь, Наполеон, — вот он, в овражке сидит. Ху-ху! Сейчас мы поиграем в игру. Ты будешь Наполеон, а я Кутузов. И зовут меня как раз дядя Миша.

Он дожевал бутерброд, поднял с земли палку, окованную полосовой сталью.

— А то жена говорит, — толковал он Наполеону, — ну чего ты зря на рыбалку едешь, только деньги переводишь! Вот я и привезу ей рыбку на воротник. Скажу: баба, ну что ты все ругаешься? Вот тебе окунек. Государственный окунек. Наполеон Третий! Видишь эту палочку? — спросил дядя Миша. — Это,

Наполеоша, рыбацкая пешня, которой лед колют.

Тут он подпрыгнул и взмахнул рыбацкой пешней, Наполеон отскочил в сторону, спрятался за сруб колодца. Дядя Миша опустил пешню.

— У фуфу! — вздохнул он. — Не могу, Наполеоша. Какой я все-таки не очень хороший человек. Зверька хочу погубить из-за глупой бабы. Ну зачем ей воротник с такою рожей? Лучше уж воротник продать, а на деньги сервелат покупать...

Дядя Миша поднял пешню над головой.

— Что наша жизнь? — сказал он, подходя к Наполеону. — Сервелат!

«ВСЕ ПУТЕМ»

Исподлобья, из-под круглых бровей глядел недопёсок на скачущего и бормочущего дядю Мишу. Трудно сказать, понимал он или не понимал, что задумал дядя Миша, но только больше Наполеон не прятался, а просто стоял и снизу вверх глядел на человека. Почему-то Наполеон успокоился, в глазах его мелькнуло действительно что-то императорское. Он глядел на дядю Мишу снизу вверх, но в то

же время и сверху вниз. Да он уж и не видел человека — бескрайнее снежное поле лежало перед ним.

— Не могу, — сказал дядя Миша. — Какой я все-таки слабовольный человек. Ничего не достигну в жизни.

Он подошел к колодцу и заглянул в затхлую глубину.

— Все путем! — крикнул он, успокаивая сам себя. Крик его ухнул вниз, провалился, завяз где-то, и эхо не вылетело обратно. — Все путем, все путем... В руках у меня ценный зверек. И никто ничего не узнает. У фуфу...

Дядя Миша потел, в душе его происходила тяжелая борьба, и неизвестно, в какую сторону склонилась бы чаша весов, если б стеклянно и неожиданно не прозвенел вдруг голос:

— Сюда!

— Куда? Куда? — заволновался дядя Миша. — Куда это сюда? Ну не сюда же!

— Заходите с флангов! — закричал в бужине и другой голос. — Возьмем их в клещи!

Послышался треск валежника. На склон оврага, будто танкетка, выкатился человек в офицерской фуражке:

— Огонь!

Он выхватил из кармана не то пистолет, не то гранату, прицелился, и — свись! — свистнула над головой дяди Миши — что ж это, неужели пуля?

— Озоровать! — нехорошим голосом закричал дядя Миша. — Я те уши пооборву! Спрячь рогатульку!

Но в это время на другом склоне завыл миномет, и коровья бомба повисла над дядей Мишей.

— Крой беглым!

И тут действительно беглым стали крыть дядю Мишу. Небо над его головой наполнилось комьями, палками, и особенно неприятен был изжеванный кем-то ботинок, который, квакая, ударил прямо в грудь.

— Прекратить огонь! — послышался голос.

Прямо к колодцу из кустов выбежала девочка и отвязала Наполеона.

— Нехорошо, гражданин, — сказала она. — Стыдно!

— Ты что это? Нет, постой. Кто тебе разрешил? Это мой зверек!

— Артиллерия, огонь!

— Отставить!

Цепляясь за ветки бузины, в овраг спустился Павел Сергеевич. Глаза его поучительно блистали, а на плече висело двустольное ружье — Зауэр «Три кольца».

— Не трогай мою собачку! — закричал дядя Миша. — Это моя собачка, я ее дрессировать буду — на лапках ходить, в барабан стучать.

— Отпустите веревку! — строго сказал Павел Сергеевич и сдернул с плеча ружье.

— Это что же такое! — засуетился дядя Миша. — Вооруженным конфликтом пахнет.

— Пойдемте в сельсовет, гражданин.

— Что вы! Что вы, молодой человек! Все путем! Берите вашу проклятую собачку!

Дядя Миша подхватил сундучок и побежал, побежал по оврагу в сторону.

— Стреляйте, Пал Сергеич! Стреляйте, а то уйдет!

Павел Сергеевич не стал долго рассуждать, он поднял ружье вверх стволами и пальнул вдогонку. Грозно, назидательно прозвучал учительский выстрел. В душе дяди Миши что-то оборвалось раз и навсегда.

БЕГ НА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Странно подействовал выстрел на старый колодец. Дремавший последние двадцать лет колодец вдруг ожил, ворчливо буркнул: «Все путем» — и после этого заглох навсегда.

В. Бианки. «Мышонок Пик»

Ю. Коваль. «Недопёсок»

Дошкольник Серпокрылов и Коля скатились тем временем к месту происшествия.

— Во чудо-то! — восхищался Коля, хлопая себя восторженно по бокам. — Вот это песец! Во бы кого нарисовать!

— Красив! — соглашался учитель. — Удивительный мех. Давайте отведем его в школу.

— Тиша, вставай! — сказала Вера и дернула веревку.

И тут спасенный Наполеон должен был, конечно, встать, улыбнуться, но вместо этого он злобно оскалился, будто сроду не был знаком с Верой Мериновой.

— Тиш, Тиш, ты чего?

— «Тиша»! — презрительно фыркнул дошкольник. — Его звать Филька.

— Не Филька, а Тиша, — заспорила Вера. — Тоже мне придумал.

Серпокрылов уважал Веру Меринову и мог без конца снимать ее с айсберга и носить на руках. Но когда его задевали за живое, он становился упрям как бык. Поэтому пару минут у колодца только и слышно было: «Тиша... Филька... Дурак... Сейчас по шее... А ну попробуй... Сейчас попробую... Ну пробуй, пробуй, что ж стоишь...»

И Леша хотел попробовать, но в дело вмешался учитель.

— Ладно вам, — сказал он. — Неважно, как его зовут. Важно другое: что с ним делать?

— В деревню отведем, — ответила Вера.

— А дальше что?

— Будет жить у меня. Я его воспитаю.

— Ишь придумала, — сказал дошкольник, как будто и не уважал никогда Веру Меринову. Он терпеть все-таки не мог, когда его задевали за живое. — Ну ладно, бери Фильку себе. А мы посмотрим, как ты это сделаешь.

— И возьму.

Вера решительно дернула веревку. Опять померк в глазах недопёска белый свет. Он уперся в землю короткими своими лапами, изловчился и злобно схватил веревку зубами.

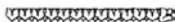
— Ну, ловко! Ай да Верка! Прямо животновод.

— Тиша, Тиша, — нежно говорила Вера, — успокойся.

Она достала из кармана конфету, осторожно протянула руку, чтобы погладить песка. Наполеон огрызнулся — конфета упала в снег.

— Фу, какой злой. Тиша, что с тобой?

— А ты думала, из-за конфетки он тебе валенки будет лизать? Дай сюда веревку и

отойди в сторону. Он пугается. Вылезай совсем из оврага. За дело берется Серпок-рылов!

— Отойдем, ребята, — рассудительно сказал Павел Сергеевич. — Посмотрим, как у Леши получится.

Павел Сергеевич и ребята вылезли на гребень оврага и стали глядеть сверху, что будет делать дошкольник.

Он ничего не делал, только вытянул из кармана мотоциклетную перчатку и бросил ее прямо под нос Наполеону. Потом не удержался, поднял конфету «Озеро Рица» и сунул в рот. И больше не шевелился, руками не махал, за веревку не дергал. Правда, порой раздавались в овраге какие-то диковатые звуки, похожие на чмоканье лошади, — это дошкольник Серпоккрылов сосал «Озеро Рица». Наполеону эти звуки чем-то понравились, даже успокоили.

Легонечко носом толкнул он мотоциклетную перчатку, взял ее в зубы. Перчатка слабо запищала.

Наполеон тряхнул головой, обнюхал знакомые валенки, установил нос свой на север и решительно стал выбираться из оврага. Дошкольник поспешил за ним, стараясь не натягивать веревку. Неизвестно, что успокоило Наполеона: перчатка

или валенки. Наверно, он просто понял, что дошкольник — порядочный человек: веревку не дергает, пешней не машет. Он только бежит следом, вроде Сто шестнадцатого.

— Ну дает дошкольник! — изумлялся Коля Калинин.

Наполеон вылез из оврага шагах в тридцати от ребят и побежал прямо в открытое поле.

— Куда это вы?

— На Северный полюс!

— Поворачивай, поворачивай в деревню! — закричала Вера и побежала за ними вдогонку, а за нею тронулись Коля и Павел Сергеевич. — Поворачивай! Поворачивай!

Но Наполеон не собирался поворачивать в деревню. Он пробежал озимое поле, пересек клеверище, опустился в овраг, теперь уже в другой овраг, не ковылkinский, а кадошкинский, по гнилым мосткам перебежал речку Мшажку и снова выскочил на поле. На север, точно на север бежал Наполеон и странную вел за собой компанию — дошкольника, двух второклассников и учителя с ружьем.

— Что ж, так и будем бегать? — кричал Павел Сергеевич.

— Ага, — оборачивался дошкольник. — Мы мчимся на Северный полюс! Мы — песцы!

Вера и Коля засмеялись от счастья и тут же стали легонько тявкать на бегу, как, очевидно, делают это песцы.

Павлу Сергеевичу скоро надоела бестолковая беготня.

— Теперь мы не песцы! — закричал он. — Теперь мы охотники! Вера, Коля, заходите справа, прижимайте его к деревне!

Наполеона подогнали к деревне. Павел Сергеевич сбросил куртку и накинул ее на недопёска.

— Отнесем его в школу, — сказал он.

СИКИМОРА

Уроки в школе давно кончились. Ребята разошлись по домам.

Техничка Амбарова мыла в классах полы, а Белов и Быкодоров из четвертого класса, наказанные директором, таскали ей ведра с водой и вообще мешали как могли.

Перемывши полы в классах и в учительской, техничка вышла на крыльцо и тут столкнулась с Павлом Сергеевичем, который нес на вытянутых руках что-то

бьющееся, пушистое, закутанное куртками и шарфами.

Из-под курток и шарфов блистали гордые и угрюмые глаза Наполеона.

— Батюшка, Пал Сергеич! — закричала Амбарова. — Какую-то сикимору принесли!

Так Наполеон Третий получил четвертое в своей жизни, совершенно уж несуразное имя — Сикимора! Что это за слово, откуда оно взялось, этого не могла бы сказать и сама Амбарова. Оно внезапно созрело в груди да и выскочило на язык.

Как водится, самое глупое имя понравилось больше всего.

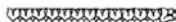
— Сикимора! Сикимора! — восторженно закричали Белов и Быкодоров. — Тащите ее на пришкольный участок. Посадим ее в клетку!

— Какая он вам Сикимора, — недовольно сказал дошкольник Серпокрылов. — Это — песец, он с Северного полюса.

— Молчал бы, соплячишко! — орали Белов и Быкодоров. — Ты вначале «А» да «Б» писать научись.

— Ты ошибаешься, — сказал дошкольнику и Павел Сергеевич. — Он, конечно, не с полюса. Видимо, он сбежал со зверофермы «Мшага» — от нас семь километров.

— Вовсе я не ошибаюсь. Вот и Вера подтвердит. Она его первая открыла.

И дошкольник Серпокрылов поглядел Вере прямо в глаза.

Конечно, Вере раньше и в голову не приходило, что Тишка мог прибежать с полюса. Сейчас ей такая идея понравилась, но, как ты ни крути, правда жизни брала свое.

— Нет, — вздохнула Вера, отводя глаза. — Тиша не с полюса. Он со звериной фермы.

Камень сорвался с горы и рухнул в пропасть. Точно так, как этот камень, рухнула Вера Меринова в глазах дошкольника Серпокрылова.

Дошкольник не стал больше ни с кем объясняться. Отошел в сторону.

Да и что было делать здесь, в школе, ему, дошкольнику. Школа для него была за горами. Здесь заправляли матерые школьники Белов да Быкодоров.

Под их крики Наполеона отнесли на пришкольный участок, сунули в пустую кроличью клетку. Ничего более позорного не происходило до сих пор в жизни Наполеона Третьего! Его, песца с императорским именем, гордость директора Некрасова, платинового недопёска, рвущегося на Северный полюс, назвали Сикиморой и сунули в кроличью клетку. Это было падение! О Наполеон!..

— Пускай посидит здесь до завтра, — ре-

шил Павел Сергеевич. — С утра позвоним на ферму.

Павел Сергеевич ушел в учительскую, а Белов и Быкодоров устроили вокруг Наполеона настоящую карусель: хохотали и свистели в кулак, лупцевали друг друга портфелями, подкидывали в воздух чужие учебники — в общем, веселились как умели.

Наполеон забился в угол и закрыл глаза.

— Оставьте его в покое! — уговаривал дошкольник. — Он устал.

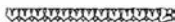
Но разве мог он остановить эту карусель? Карусель крутится и должна докрутиться до конца.

Дошкольник в ярости сжимал кулаки, чувствовал, что надо принять какое-то решение. Но оно никак не созревало в его голове. Впрочем, дошкольник Серпокровлов был человек с философским складом ума.

— Ладно, — решил он. — Пойду обедать.

В КАЖДОМ ПРИЛИЧНОМ ДОМЕ ИМЕЮТСЯ МЫШИ

После обеда дошкольник Серпокровлов дома обыкновенно не задерживался и, как правило, прогуливался по деревне. В этот день он решил привычке своей не

изменять, а лепешку с творогом, собственноручно испеченную слесарем Серпокрыловым, он есть не стал и попытался засунуть ее в карман. Лепешка, похожая на коричневый таз средних размеров, в карман не влезала.

— Ты куда это лепешку потащил? — спросил уважаемый слесарь, который приходился дошкольнику папашей.

Кстати сказать, слесарь Серпокрылов действительно человек был в деревне многоуважаемый. Его уважали за хорошую работу. Все трактористы в праздничные дни носили слесаря на руках. Уважал его и плотник Меринов, которому слесарь точил стамески, и председатель сельсовета дядя Федя, уважал его старик Карасев, который говорил, что вокруг слесаря имеется колесо цвета увядшей незабудки.

Жил слесарь вдвоем со своим дошкольником, потому что мамаша уехала в город Гомель. Хотя и жили они без матери, обед в доме Серпокрыловых всегда проходил серьезно. Перед обедом отец долго умывался, стонал под рукомойником, а Леша нарезал хлеб и расстановливал приборы. Слесарь переснимал рубаху, садился к столу, и в тот же миг Леша ухватом выхватывал из печки чугуны с кашей, ставил его

посередке стола. Обедали они молча. Леша только успевал подбрасывать отцу добавку.

— Так куда же ты лепешку потащил? — спросил слесарь, отодвинув прибор.

— Куда надо, туда и потащил, — ответил дошкольник, ни секунды не теряясь под слесаревым взглядом.

— Лешка, — сказал отец и постучал кулаком по столу, — ты знаешь, что я обычно делаю с такими сыновьями?

— Знаю, — спокойно ответил дошкольник. — Ты их убиваешь.

— То-то же! — сурово сказал отец. — Пол-лепешки мои.

Дошкольник не стал спорить. Он вытащил лепешку из-за пазухи и разломил ее пополам.

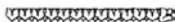
— Бать, у нас мышей нету? — неожиданно спросил дошкольник.

— Как же нету! — удивился слесарь. — Куда ж они денутся? В каждом приличном доме имеются мыши. Если не станет мышей — пиши пропало. А много ль тебе надо?

— Десятка два. Фильку покормить.

— Возьми мышеловку на потолке да поставь за печкой, — только и ответил слесарь, ничуть не удивляясь, что какой-то Филька

ест мышей. Слесарь понимал, что его сын зря ловить мышей не станет, а если ловит, значит, Филька мышей заслужил.

Дошкольник достал с потолка три мышеловки, наживил салом и поставил за печкой.

— Ты всех-то не отлавливай, — попросил слесарь. — Оставь пару на развод.

— Два десятка отловлю, а остальных не трону.

Дошкольник надел офицерскую фуражку и вышел из дома. После обеда он имел обыкновение прогуливаться по деревне и этой привычке сроду не изменял.

Слесарь Серпокрылов долго еще, задулавшись, сидел за столом, потом встал, помыл посуду и полил увядший на окне закавказский лимон.

МАСЛО, ПОДЛИТОЕ В ОГОНЬ

Вера сбегала домой и принесла Наполеону два бараньих мосла. Мослы были здоровенны. Они имели таинственное сходство с турецкими барабанными палками.

Хороши были мослы, мозговиты, но даже не глянул на них Наполеон.

Устал недопёсок Наполеон Третий. Слишком уж много пережил он за сегодняшний день. Болела шея, нарезанная веревкой, поблек-потускнел драгоценный мех, набилась в боярскую шубу мотоциклетная грязь, припорошила сенная труха и песок из барсучьей пещеры. Не имел уже Наполеон царственного вида, увял, как увял закавказский лимон на окошке слесаря Серпокрылова.

Что поделаешь? Ведь если б даже Жар-птице пришлось ночевать в барсучьей норе, бежать от мотоциклистов, кусаться с дворняжками, небось и она потускнела бы. А если б заперли ее в кроличью клетку да сунули б под нос две бараньи барабанные палки, что сказала б тогда она?

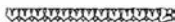
«Ну вас всех к черту!» — вот что бы сказала Жар-птица.

— Ешь, Тишенька, ешь, — уговаривала Вера, подсовывая недопёску кости.

Прибежал Коля Калинин, притащил из дому какой-то сушеной ерунды вроде окуней, стал подкидывать в клетку.

— Оставьте его в покое! — слышалось из-за школьного забора. — Не видите, что ли, он устал!

— Да ладно! — закричал Коля, нехорошо подражая Белову и Быкодорову. — Тебя не спросили. Иди в свои ясли.

Вера искоса только глянула на офицерскую фуражку и промолчала. Она понимала, что камень давно уж сорвался с горы, рухнул в пропасть.

— Он у вас подохнет.

— Что ты все ругаешься, Серпокрылыч, — мягко сказала Вера. — Помоги нам, покорми Тишу.

— Он устал. Сейчас есть не станет, а завтра я наловлю мышей.

— Разве песцы едят мышей?

— Что он, кошка, что ли? — неумно засмеялся Коля Калинин.

— Вот и видно — ни черта не смыслите. И лисы, и песцы едят мышей. Они мышкуют.

Погрубел дошкольник Серпокрылов. Без уважения глядел на Веру Меринову. И слово удивительное «Серпокрылыч» пролетело мимо его ушей, как ласточка мимо березы.

— Мышей-то я ему наловлю, — продолжал дошкольник. — А завтра — тю-тю! — увезут нашего Фильку на звериную ферму. Разве ж это честно? К вам на двор он сам прибежал. Значит, он ваш.

— Он государственный, — ответила Вера.

— Ничего подобного. Он к вам сам прибежал. Значит, он теперь ваш, мериновский.

Разбередил дошкольник душу, и ведь действительно, получалось что-то не то: они спасали песца, отнимали его у дяди Миши, а теперь отдавать?

Задумалась Вера, а дошкольник усмехнулся и посыпал раны солью:

— Да что мы, сами, что ль, его не воспитаем? Наловим мышей, выкормим, вырастим. А живет он пускай у Пальмы Мериновой или у меня.

— И у меня можно, — вставил Коля.

— Да пускай он живет по очереди, — обрадовался дошкольник, — сегодня у Пальмы с Веркой, завтра у меня, а там у Кольки.

— Ну нет, — сказала Вера. — У нас ему будет спокойней.

— Да пускай живет у кого угодно. Главное — на ферму его не отдавать!

Разгорался понемногу огонь в душе Веры Мериновой и в глазах Коли Калинина. Серьезно поглядела Вера на дошкольника, прежде она никогда так на него не смотрела.

— Не отдадим, — твердо вдруг сказала она. — Ты молодец, Серпоккрылыч.

На этот раз ласточка покрутилась над березой да и нырнула прямо туда, куда надо. Дошкольник поймал эту ласточку,

улыбнулся и подлил еще немного масла в огонь.

— А что на ферме, — сказал он, — там его в клетку посадят, а потом воротник сделают!

ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Быстро и неожиданно потемнело небо над ковылкинской сосной. В полчаса обволокла темнота раскидистую больше-лобую крону. Пропала сосна, исчезла в ночной темноте. Гляди — не к пальме ли прекрасной удалилась она?

О ночь! Третья свободная ночь Наполеона Третьего!

Темной волной смыла ночь и сосну, и горбатые ковылкинские дома, беззубые заборы и кирпичный далекий грибок, отмечающий над черными лесами звероферму «Мшага». Заволокла ночь глаза, — кажется, ничего уже не осталось на земле, все пропало, все кануло в колодец, такой огромный, что не только деревня Ковылкино, а и вся земля в нем песчинка. В тот самый колодец, который вечно над головой — и на дне его играет серебряным поясом небесный охотник Орион.

Но нет, все осталось на своих местах. Защищаясь от ночи, зажглись в домах слабые огоньки, задрожали: здесь деревня Ковылкино прочно стоит на земле, и сонна здесь у силосной ямы, и нету ей дела до южных, пускай даже прекрасных пальм.

— Ну ладно, — сказал плотник Меринов. — Надо бы в магазин сходить, купить, что ли, махорки-крупки!

Мамаша Меринова ничего в ответ не сказала, но так грозно нахмурилась, что плотник закричал, потрогал для чего-то нос свой и пробормотал рассудительно:

— С другой стороны, махорка вроде бы и оставалась где-то в кисете, крупка.

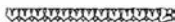
«Жив он или нет? — думала в этот миг Прасковьюшка, укладываясь спать. — Вдруг да его собаки загрызли?»

Прасковьюшка затуманилась, вспомнив о Наполеоне, стала жалеть его, потом стала жалеть себя. Только директора Некрасова жалеть ей никак не хотелось.

«Воротник! — волновалась Вера, засыпая. — Неужели сделают из него воротник? Сделают, сделают! Как же быть? Надо спасти Тишку. Тишенька. Тишенька...»

Вера хотела вскочить, бежать немедленно куда-то спасать песца, но сон уже ох-

ватил ее, теплый и пушистый, как хвост Наполеона.

Целый день ничком лежал Наполеон, а ночью поднялся, облизал бараньи мослы, сжевал окунька. Пусто было на школьном дворе. Черным льдом мерцали окна школы. Млечный Путь отражался в них.

Неизвестным чем-то и неприятным пахло в кроличьей клетке: перепревшей соломой, сгнившими мокрыми досками и зверем — может быть, страшным. Вдруг зверь этот затаился где-то рядом — вот распахнет дверцу и вцепится в горло.

Наполеон сжался в клубок, ошетинился и кинулся на дверцу, затянутую сеткой, — железная сетка ржаво завизжала. Недопёсок метался по клетке, царапал стены, бился о железную сетку. В эту ночь он вдруг потерял голову, и никогда раньше на звериной ферме с ним не случалось такого.

Ночь, глухая ночь охватила деревню Ковылкино. Погасли электрические окна, заснула деревня, заснули собаки. Стало очень тихо. И в тишине вдруг громко хлопнуло что-то: раз, другой, третий. Это сработали мышеловки дошкольника Серпокрылова.

РАННЕЕ УТРО В ДЕРЕВНЕ КОВЫАКИНО

Часов в шесть утра проснулась техничка Амбарова, стукнувши дверью, вышла на школьное крыльцо.

Она долго зевала на крыльце, жаловалась, что ноют коленки, что все ученики просто-напросто головорезы, бранила солнце, которое никак не встает, и рассвет, который долго не наступает. Отзававши все свои сны, она пошла набрать из поленницы дров и по дороге заглянула в кроличью клетку.

— Не спишь, Сикимора? Спи, спи, а то скоро придут Белов и Быкодоров. Они тебе весь тулуп общиплют.

Техничка наносила дров, затопила школьные печи, и, когда повалил из труб к небу сизый дым, стало ясно, что дым темнее неба, — значит, уже светало.

Вместе с Амбаровой проснулись в деревне все хозяйки — и мамаша Меринова, и соседка Нефедова — словом, все те, кто должен топить с утра печку, ставить в нее чугуны с картошкой, с борщом, с кашей. Проснулся и слесарь Серпокровлов.

Запылали печи во всех домах, затрещали в печках дрова. От треска этого теплей

становилось под одеялом, глаза слипались сильнее и так не хотелось вставать. Славно спалось под этот утренний согревающий треск дошкольнику Серпокрылову.

Прошел час, печки разгорелись сильнее и отогрели серое ковылкинское небо. Наметились в нем розовые разводы, похожие на цветы клевера. Пospела утренняя каша, заньли приятно самовары, и хозяйки стали будить своих хозяев, мамыши — детей.

Только слесарь пожалел сына, уселся пить чай один.

— Бать, — сказал в полусне дошкольник, — мыши попали?

— Попали.

— Сколько?

— Много, много... спи пока.

Слесарь попил чаю, ушел в мастерские, а дошкольнику snились мыши. Вначале приснилась одна мышь, потом другая, третья. Странное дело, во сне в них не было ничего противного. Это были теплые домашние мыши, от которых пахло валенками.

Скоро мыши доверху заполнили сон дошкольника, и наконец, когда число их перевалило за миллион, он проснулся.

Раннее было еще утро, но взрослые пошли уже на работу, а школьники дожевы-

вали дома последние ватрушки, кидали в портфели учебники.

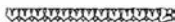
«Проспал!» — в ужасе подумал дошкольник, вскочил с кровати и не стал даже умываться. Он вытащил из мышеловок пойманных мышей, схватил офицерскую фуражку и дунул к школе. Надо было покормить песка, пока не начались уроки, пока в школе было еще пусто.

Дошкольник мчался по деревенским улицам, перепрыгивая примороженные лужи. Над головой его на розовом зимнем небе тяжело двигались синие осенние облака.

Скоро дошкольник был уже у кроличьей клетки и кормил Наполеона. И в тот момент, когда Наполеон прикончил третью мышь, проснулся директор школы товарищ Губернаторов.

УТРЕННИЕ ВЗГЛЯДЫ ДИРЕКТОРА ГУБЕРНАТОРОВА

Проснувшись, директор первым делом решил побриться. В потный граненый стакан нацедил он из самовара кипятку, взмахнул помазком барсучьего волоса и мигом покрыл лицо свое мыльной пеной.

От теплых снов огнем пылали щеки директора Губернаторова — белоснежная пена таяла на щеках, как мороженое.

Директор взял в руки очень и очень опасную бритву, придвинул к себе зеркало и так сурово поглядел в него, что, если б это было не зеркало, а, к примеру, Белов и Быкодоров из четвертого класса, вздрогнули бы они и торжественно поклялись никогда больше с криками не бегать по коридору.

Тремя взмахами расправился директор с пеною на щеках, набрал в ладонь одеколону «Кармен» и, хорошенько искупавши лицо в одеколоне, сказал:

— Где яичница?

Через полсекунды на столе перед ним стояла уже сковородка, кривая, как Ладожское озеро. На сковородке щебетала пятиглазая яичница с салом, шептала о чем-то и глядела на директора своими застенчивыми оранжевыми глазами.

Директор Губернаторов поднял вилку и так глянул на яичницу, что если б это была не яичница, а все те же Белов и Быкодоров, то крепко б призадумались они и, возможно, стали бы учиться на одни пятерки.

Скоро яичница закрыла свои незатейливые глаза, директор же нахмурил бро-

ви, взял в руки портфель с двух золотых замках и направился в школу.

Бритье и яичница славно освежили директора, а на улице взбодрил утренний морозец. Хороший впереди намечался денек — особый, последний в этой четверти. Сегодня в школе подведут итоги, сегодня станет ясно, сколько в школе отличников и двоечников, сегодня кто-то будет смеяться, а кто-то плакать, а завтра всем будет весело, завтра праздник.

Директор был в отличном настроении. Он решил сегодня же крепко прибрать к рукам Белова и Быкодорова.

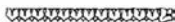
У сельсовета директор прибавил шагу, услышав отдаленный шум, который удивил его и насторожил.

Шум усиливался, и теперь директор явно разобрал объединенный голос Белова и Быкодорова:

— Сикимора! Сикимора!

На школьном дворе развернулась настоящая ярмарка, здесь собралось человек сто народу, и все они кричали, гомонили, спорили. В воздухе летали синие, желтые портфели, шапки, кепки, книжки, варежки, то там то сям вспыхивали красные галстуки, горели щеки и глаза.

Директора никто вначале не заметил,

но это его ни секунды не огорчило. Он вошел в самую сердцевину ярмарки, кашлянул, поглядел вправо-влево и сказал:

— Так-так!

И сразу вдруг поблек праздничный базар, побледнели лица, шапки перестали летать, а портфели сами собой все до одного позастегнулись. Стройными ручьями втекли ученики в двери школы. Белов и Быкодоров замешкались было на крыльце, но, попавши под бинокль директорского взгляда, жестоко пожалели, что забыли дома тетради по математике.

Опустел школьный двор. Только у кроличьей клетки остались три человека. Это были Вера, Коля Калинин и дошкольник, на которого директор вовсе не обратил внимания.

— А вам что, особое приглашение надо?

Вера и Коля скромно опустили глаза и расступились перед директором, давая ему дорогу к кроличьей клетке.

Директор заглянул в клетку так строго, что, если б случайно оказались в ней Белов и Быкодоров, они бы просто-напросто превратились в пепел. Но тут получилось иначе. Заглянувши в клетку, вздрогнул сам директор Губернаторов. Из-за решетки злобно и пристально смотрел на него Наполеон Третий.

ХАРАКТЕР ВЕРЫ МЕРИНОВОЙ

- Это что такое? — спросил директор, и брови его изумленно поползли по направлению к прическе. — Что это такое, я вас спрашиваю?

Вера и Коля испуганно молчали.

В дело вмешался дошкольник Серпокрылов.

— Это песец, — просто ответил он.

Директор перекинул взгляд свой на дошкольника, как бы спрашивая: «А сам-то ты кто такой?» Дошкольник не шелохнулся, а Колю Калинина пробила неприятная дрожь. Он вспомнил, что дневник его до сих пор не подписан родителями. Коля пошевелил плечами и вдруг исчез, легко и неожиданно, как бабочка.

Директор поднял к небу брови и сказал:

— Песец? А откуда он взялся?

Вера попыталась открыть рот, но в разговор снова влез дошкольник:

— Сам прибежал.

— А откуда он прибежал? — спросил директор у Серпокрылова, предполагая, что Вера замолчала надолго.

Но теперь умолк неожиданно дошкольник. Насчет того, откуда прибежал пе-

сец, у него было свое мнение, и он решил больше не навязывать его другим.

Дошкольник молчал, а брови директорские летали над ним, как чернокрылая ворона над ковылкинским оврагом.

Когда камень срывается с горы, он на эту гору уже никогда не заберется, если только не найдется человек, который втащит его обратно. И вот неожиданно такой человек нашелся. Взвалил камень на плечи и потащил на вершину.

— Как откуда взялся? — сказала Вера. — Прибежал с Северного полюса.

Услыхав такие слова, ворона изумленно сложила крылья и уселась директору точно на переносицу.

Директор задумался, ушел в себя, прикидывая, очевидно, расстояние от полюса до деревни Ковылкино. На лбу его нарисовались параллели и меридианы.

— С добрым утром! — закричал Павел Сергеевич, вбегая на школьный двор. — Видели, кого мы поймали? Это ведь голубой песец!

— Голубой песец?! — повторил директор и сомнительно покачал головой.

Нет, никак не увязывался в его голове песец с пришкольным участком. Взять, например, песка и взять пришкольный

участок — нет, это никак не вязалось. Но с другой стороны, вот школа, вот пришкольный участок, а вот в клетке какая-то (верно сказано) «сикимора».

— Откуда ж он взялся?

— Со зверофермы сбежал, — ответил Павел Сергеевич. — Тут недалеко звероферма — семь километров.

— Ах, вот оно что!

— Ничего подобного, — сказала Вера. — Вовсе не с фермы. Он прибежал с Северного полюса.

— Вера! — изумился Павел Сергеевич. — Что с тобой?

— Он прибежал с полюса, — ясно повторила Вера, — Серпокрылыч прав.

— Меринова, в класс! — коротко скомандовал директор, увязавши наконец песка с пришкольным участком.

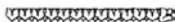
На крыльцо высунулась техничка Амбурова.

— Движок барахлит! — крикнула она и выхватила откуда-то из-под полы поддужный колокольчик работы валдайских мастеров.

Хорош был колокольчик, а на ободке его отлиты были такие слова:

Купи — не скупись, ездь — веселись!

Техничка щедро взмахнула рукой — ве-

селем серебром залился валдайский колокольчик, и, как лихие кони, вскачь, под звон его понеслись школьные уроки.

ТРИ ТЕЛЕФОНОГРАММЫ

Горячий выдался в школе денек — последний день четверти. Вспыхивали в журналах четвертные отметки, а за ними кумачом горел завтрашний праздник.

Хлопотливый был сегодня денек, сегодня двойку можно было исправить на тройку, четверку на пятерку. Сегодня можно было стать отличником, а можно и хорошистом.

Директор Губернаторов сидел в учительской и, как говорится, подбивал итоги. К сожалению, итоги не слишком радовали его, уж очень много высыпало в этот день троек, никак не меньше, чем веснушек на носу дошкольника Серпокрылова. Тройки огорчали директора, ему хотелось, чтоб побольше было в школе отличников.

«А тут еще этот песец, — раздраженно думал директор. — Оставлять его в школе никак нельзя. За праздники сдохнет. Надо звонить на звероферму».

Но телефона в школе не было, а оторваться от школьных дел директор Губернаторов не мог, как не может мудрый извозчик бросить на произвол судьбы своих коней.

— Пошлю телефонограмму, — решил директор.

На первой же перемене красным карандашом набросал он на листочке несколько слов, и техничка Амбарова помчалась в сельсовет.

Председатель сельсовета дядя Федя как раз в этот момент разговаривал по телефону с райцентром.

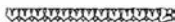
— Тысячу штук яиц уже собрали! — кричал он. — Але! Собрали тысячу!

Из телефонной трубки слышалось грозное шипение и выстрелы, будто где-то на линии топили печь очень сырыми дровами, а то и баловались пистолетом.

— По яйцу? — кричал дядя Федя. — По яйцу больше не могу! Могу по маслу.

Но в райцентре долго его не понимали, и Амбарова сидела скромно на лавке, поджидая своей очереди. От нечего делать она разглядывала плакат, на котором акварельными красками была нарисована большая муха с изумрудными глазами. Под мухой написаны были стихи:

Муха на лапках разносит заразу.
Увидишь муху — прибей ее сразу!

По стихам лениво ползала настоящая живая муха.

— Ну давай, чего там у тебя, — сказал наконец дядя Федя и потер упревший лоб, как бы стараясь выкинуть яйца из головы.

Техничка протянула листок, дядя Федя развернул его и бодро начал читать:

— «Пойман зверь неизвестной породы...» Что? Что такое?

— Пес его знает, что это такое, — бойко ответила техничка. — Право слово, какая-то Сикимора!

— И где ж она?

— Да в ящике сидит.

— Маленькая, что ли?

— Здоровенная. Хвост эвон какой! — И техничка развела руками так широко, что охватила ими и председательский стол, и самого председателя. — Давай звони, мне бежать надо.

Дядя Федя снял трубку, снова телефонный треск наполнил комнату, и в треск этот председатель смело вклинил слова телефонограммы:

ПОЙМАН ЗВЕРЬ НЕИЗВЕСТНОЙ ПОРОДЫ
ПОХОЖ ПЕСЦА

СОДЕРЖИТСЯ КОВЫЛКИНСКОЙ
НЕПОЛНОЙ
СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ
ТОЧКА
ДИРЕКТОР ГУБЕРНАТОРОВ

Добиться зверофермы дядя Федя долго не мог: то попадал на молокозавод, то в ремонтные мастерские, но наконец телефонограмму кто-то принял, кому-то передал, и скоро загредел в ковылкинском эфире ответ зверофермы:

ПРОПАЛ ПЕСЕЦ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ВАЖНОСТИ
НАШЕДШЕМУ ПРЕМИЯ
ДВАДЦАТЬ РУБЛЕЙ
БЕРЕГИТЕ ПЕСЦА
НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЮ
ТОЧКА
ДИРЕКТОР НЕКРАСОВ

Подхватив телефонограмму, техничка поспешила в школу и как раз успела грянуть валдайским колокольчиком.

— Премия! — ахнул директор Губернаторов. — Чрезвычайной важности!

Он схватил красный карандаш, и снова техничка Амбарова мчалась в сельсовет, и новая гремела под сводами сельсовета телефонограмма:

ПЕСЕЦ НАДЕЖНЫХ РУКАХ
ТОЧКА
ДИРЕКТОР ГУБЕРНАТОРОВ

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Уже на первом уроке диковинные слухи поползли по Ковылкинской неполной средней школе. Будто Верке Мериновой с полюса прислали песка и песец этот дрессированный: если привязать его на веревочку, он, как собака-поводырь, приведет на Северный полюс. В четвертом классе стала собираться группа полярников, которые хотели бежать за песцом и добраться хотя бы до полуострова Канин Нос, пока про это дело не пронюхали родители. Белов и Быкодоров составили на промокашке список походных продуктов.

«Тушонки раз», — написал Белов. «Згущенки два», — добавил Быкодоров.

Всешкольная громкая слава навалилась на Веру Меринову и Колю Калинина. Неприметные второклассники стали героями, за ручку, за ручку здоровались с ними лбы из пятого класса.

Голова Коли Калинина отяжелела от славы, он ничего не видел вокруг себя —

ни доски, ни учителя, огненная слава пылала у него на ушах.

На первой же перемене вся школа валом повалила глядеть песца, но тут на крыльцо вышел директор и взглядом разогнал народ по классам. На второй перемене приступил народ к Вере Мериновой, требуя ответа на свои вопросы. Вера и Коля сбивчиво и наперебой рассказывали, как было дело; но слишком уж большая собралась у печки толпа, все кричали, гомонили, и никто ничего не понял. Поняли только, что был овраг, была стрельба, был человек с зеленым сундучком и что в деле этом странным образом замешан дошкольник Серпокрылов.

Куцые сведения еще больше разожгли фантазию, и слухи сделались еще чудесней и странней.

Жил будто на свете полярник с зеленым сундучком, и был у него песец. Погиб полярник, а песца подобрала Верка Меринова. Вопрос: где теперь сундучок, в котором хранились царские червонцы и почтовые марки Оранжевых островов?

На третьем уроке начала сколачиваться группа изыскателей зеленого сундучка, но тут в дело решительным образом вмешались учителя, вызвали к доске с десятков

Ю. Коваль. «Недопёсок»

Ю. Коваль. «Недопёсок»

кладоискателей, и постепенно, под стук мела, под лепет книжных страниц, стали забываться песец и полярник, стрельба и зеленый сундучок. Последний день четверти сделал свое дело.

И только во втором классе о песце не забывали ни на секунду, хотя и здесь был ответственный день, и здесь тройки сыпались, как семечки. Коля, к примеру, Калинин нахватал столько троек, сколько не съест ему за все праздники пирожков с капустой.

Второклассники волновались, и на втором уроке волнение достигло наивысшей точки. Кто-то видел, как техничка Амбарова бегала в сельсовет, кто-то слышал, что ей наказывал директор, и все поняли, что песца немедленно вернут на ферму.

В конце второго урока Вера разослала по классу секретнейшие записки, и все тридцать три второклассные головы слились в одну большую думающую голову, частично обритую наголо.

«Что делать? — думала эта гигантская голова. — Отдавать песца на ферму? Так ведь там из него воротник сделают!»

«Как чего делать! — решила наконец Вера Меринова. — Надо его так спрятать, чтоб не нашли».

КАША, ЗАВАРЕННАЯ НА БОЛЬШОЙ ПЕРЕМЕНКЕ

Отзвенел валдайский колокольчик, кончился урок. Вынимай бутерброды, баранки, яблоки — началась большая перемена. А большая перемена — это десять минут. За десять минут можно столько каши наварить, что потом и за двадцать не расхлебашь.

— Как чего делать! — крикнула Вера, как только учитель вышел из класса. — Надо так его спрятать, чтоб не нашли!

Второклассники окаменели. Но ненадолго. Всего лишь на секунду. И за эту секунду сразу поняли, что другого выхода нет.

— Куда?

— Я знаю такое место, — сказал хорошист Миша Чашин. — Только закройте дверь, чтоб никто не слышал.

Дверь заперли учительским стулом, и весь класс столпился вокруг хорошиста.

— Я знаю такое место, — шептал Миша так, чтоб всем было слышно. — Там его никто не найдет. А нас все-таки тридцать три человека — вырастим, воспитаем. Важно только, чтоб среди нас не было предателя.

— Верно, верно! — подхватили второ-

классники. — Важно, чтоб не было предателя.

Тут все переглянулись и поняли, что предателя среди них нет.

— Ну давай, давай, не тяни! Что за место? — нетерпеливо спросил Коля Калинин, немного огорченный тем, что его отодвинули на второй план.

Миша приложил палец к губам, огляделся тревожно — не слышит ли его посторонний. Но посторонних в классе не было, разве только знаменитый химик Менделеев, который выглядывал из рамы над классной доской.

И все-таки Миша не решался так просто брякнуть, куда надо спрятать песца. Он выдрал листок из тетради по математике и быстро начеркал: *«В баню колдуна Карасева»*.

— Место хорошее, — шепотом решили все. — Там его никто не найдет!

— Надо поскорей увести песца из школы, — сказала Вера. — А то будет поздно.

— Давайте я сбегу с уроков, — предложил Сашка Самолетов, вылезая неожиданно на первый план.

— Ладно тебе, — сказала Вера, возвращая Самолетова на его место. — Ты лучше двойку по русскому исправь.

— Может, я сбегу? — неуверенно сказал Коля Калинин.

— Не надо никому бегать, — ответила Вера и подошла к окну. — Есть один человек. Он сделает.

Вера стукнула пальцем в стекло, и за окном сразу же появилась круглая голова в офицерской фуражке. Лязгнули шпингалеты, окно распахнулось, и дошкольника Серпокрылова за руки втянули в класс. Отряхнувши снег с валенок, он прислонился к печке.

— Серпокрылыч, — прошептала Вера, — ты был прав. Тишку надо спрятать. Бери веревку и, как только начнется урок, отведи его...

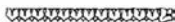
— Стоп! — многозначительно оборвал ее Миша Чашин и, таинственно подмигнув, подал дошкольнику записку.

— «Бэ», — напряженно прочел Серпокрылов, повертел записку, причитался как следует и добавил: — «А-а... Ба...»

— Да он читать не умеет! — восхищенно загомонили второклассники, а Вера наклонилась к дошкольнику уху и что-то щекотно и горячо зашептала.

— Сделаю, — согласно кивнул дошкольник.

— А записку уничтожь, — добавил Миша.

Дошкольник хотел разорвать записку, но тут зазвенел поддужный колокольчик, загремела дверь, зашатался стул, просунутый в дверную ручку.

Дошкольник прощально помахал запиской и вдруг засунул ее в рот. Под огнем шестидесяти шести глаз с тревожным хрустом он сжевал творчество Миши Чашина.

— Дайте чем-нибудь зажевать, — сказал дошкольник, направляясь к окну.

Кто-то кинул ему кособокое яблоко, и со звоном откусил Серпокрылов половину косого бока, вылезая в окно.

Уже будучи ногами на улице, он обернулся, поглядел Вере в глаза и повторил: — Сделаю.

И ведь сделал, все сделал дошкольник Серпокрылов, и как раз вовремя.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЗАДУМКИ ДИРЕКТОРА ГУБЕРНАТОРОВА

Ни минуты покоя не было сегодня у директора Губернаторова. То набегали в кабинет совещаться учителя, то пристаивал с какими-то лопатами завхоз, то сам директор торопился навести в пятом классе необходимый порядок.

Особо много хлопот доставили директору двоечники. На третьей переменке директор устроил в своем кабинете настоящее собрание двоечников.

Двоечники выстроились по росту у книжного шкафа, и первую минуту директор просто прохаживался перед ними.

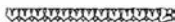
Испачканные мелом двоечники бестолково переминались с ноги на ногу, сильно чем-то напоминая маляров или штукатуров.

Всю эту бригаду возглавляли отпетые Белов и Быкодоров, которых, впрочем, даже нельзя было назвать двоечниками. Не было в школьном словаре такого слова, чтоб обозначить Белова и Быкодорова. И директор нашел такое слово — «коловики».

С них-то и начал директор и сразу взял Белова и Быкодорова за рога.

— А вы, голуби, — сказал он и ткнул правой рукой в грубую грудь Белова, а левой — в бодрую Быкодорова, — а вы, голуби, доколе позорить будете вашу школу? Вы, наверно, думаете, что я собираюсь хиханьки-хаханьки разводить? Ошибаетесь! Я сделаю из вас настоящих людей! Прямо здесь, в этом кабинете, вы дадите обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно».

Припертые к стенке коловики вяло грянули:

— Прямо здесь, в этом кабинете, даем обещание учиться только на «хорошо» и «удовлетворительно»!

После коловиков директор занялся рядовыми двоечниками. Он буквально перепахал их души и засеял перепаханное разумными семенами. Двоечники, как гуси, вытягивали шеи, уши их загорались от слов директора, а прически вскулдычивались. Особенно сильное впечатление произвел на двоечников рассказ о том, как поступали с такими, как они, в старое время. Некоторые двоечники плакали навзрыд.

Отделав двоечников по первое число, директор отутюжил каждого в отдельности и только после этого распустил их по классам.

Мысли директора побежали по новой дороге и натолкнулись на премию, которая полагалась за чрезвычайного зверя.

«Кто же ее получит? — размышлял директор. — Неужели Меринова? Да зачем же второкласснице деньги! К тому же здесь замешан Калинин, потом Павел Сергеич да еще какой-то дошкольник. А если премию поделить на четверых, что получается? По пятерке на брата. Ну, это чепу-

ха. Пускай Меринова и Калинин пятерки на уроках получают!»

В этом месте своих размышлений директор остановился, прервал размышления на минутку и улыбнулся. Ему понравилась собственная шутка, и он повторил ее вслух, щелкнув ногтем по глобусу:

— Да-да, пускай лучше пятерки на уроках получают.

Повизгивая, крутился глобус, мелькали океаны и материки. Крутящийся глобус навел директора на мысли глобального масштаба. Он взглядом остановил глобус и продолжил размышления:

«А что, если получить премию и послать ее в какой-нибудь город, пострадавший от землетрясения? Вот это интересная задумка!»

Директор Губернаторов заволновался, снова щелкнул по глобусу и внимательно теперь разглядывал мелькающие части света, как бы выискивая город, пострадавший от землетрясения.

Директор Губернаторов вообще любил интересные задумки и частенько сам задумывал их.

«Ладно, — решил директор. — Получим премию сами и купим на нее десяток глобусов, а Мериновой и Калинин у объявим

благодарность. Вот это задумка так задумка! Остается дошкольник Серпокрылов. Но тут дело проще пареной репы. На будущий год, когда он поступит в школу, посадим на первую парту — это будет хорошая награда. Да-да! Сегодня же после уроков надо собрать во втором классе собрание и объявить благодарность. Вот настоящая праздничная задумка!»

Директор Губернаторов посмотрел на часы. Через три минуты должен был кончиться последний урок, и, наверно, подъезжал уже к школе «газик» со зверофермы.

Директор Губернаторов решил глянуть еще раз на необычайного зверя и вышел на крыльцо, повторяя про себя:

«Хорошая, интересная задумка!»

Он пересек пришкольный участок, заглянул в кроличью клетку, и, как испуганные с дороги грачи, поднялись на крыло директорские брови и вовсе улетели со лба — дверца клетки была распахнута, пропал зверь чрезвычайной важности, исчез, растаял.

И тут залился-заклокотал за спиной директора валдайский колокольчик: кончился, кончился последний урок первой четверти, а завтра каникулы — свобода и ве-

селе. Завтра зазвелят и сбудутся слова, отлитые на колокольчике: «Купи — не скупись, ездь — веселись!»

ВТОРОЙ КЛАСС ГЛЯДИТ НА МЕНДЕЛЕЕВА

Барабанной россыпью, пулеметной дробью простучали крышки парт, ученики подхватили портфели, кое-как покидали туда учебники и, как пехотинцы с криком в атаку, бросились из школы на улицу.

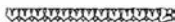
Кончился последний урок первой четверти!

Гуляй, двоечники и троечники, отличники и хорошисты, веселись, неслыханные коловики!

Только во втором классе не слышно было криков и веселья. Здесь стояла та самая тишина, которую называют мертвой. Выпрямив спины, сидели второклассники на своих местах, и сидели так ровно, так чисто и хорошо, что даже самый придиричивый человек не мог бы сказать, что вот, дескать, они «плохо сидят».

От окна смотрел на них Павел Сергеевич, покачивал печально головой, а у дос-

ки, прямо перед ребятами, как великан перед карликами, возвышался директор Губернаторов.

Во второй класс директор заходил редко, и всем было ясно, что явился он неспроста, что сейчас начнется нехороший разговор.

Огромный, как гора, стоял директор под портретом Менделеева и на плечах своих, казалось, держал грозовую тучу.

Тишина становилась все тише, она нагнеталась, нагнеталась и наконец сгустилась до такого состояния, что ее можно было уж разливать в банки, как сгущенное молоко. Тишину пора было разрядить, и директор сделал это.

— Так, — сказал директор.

Это простейшее слово он произнес настолько сильно, что оно врезалось в головы второклассников, как гвоздь в липовую доску. Во втором ряду кто-то тихо, но явственно задрожал.

— Значит, вы не знаете, куда девался песец. А кто ж тогда знает?

Директор Губернаторов прекрасно понимал, что знает об этом весь класс. Ни секунды не думал он, что песца увел посторонний. Как только увидел пустую клетку, сразу вспомнил разговор с Верой Мериновой

и понял, что без нее тут не обошлось. Знал директор, что Вера ребята уважали и, скорей всего, поддались на ее агитацию и спрятали песка. Директор Губернаторов был мудрый человек и всех своих учеников видел насквозь. Одного только не мог он понять: как им удалось спрятать песка, не выходя из школы? Но этот вопрос он надеялся прояснить в самое короткое время.

— Меринова! И ты не знаешь, где песок?

Вера вскочила из-за парты и молча установилась в портрет Менделеева.

— Что ж ты молчишь?

Вера не отвечала. В тишине слышно было, как колотится ее сердце.

— Меринова, как видно, онемела, — сказал директор.

Он пригляделся, посмотрел на Веру повнимательней, как дровосек, который хочет расколоть полено и выбирает, с какого бока ударить, но решил пока ее оставить и выбрать чурбанчик помягче.

— Калинин!

Коля с громом вскочил из-за парты. С таким громом в лесной тишине вдруг в кустах подымается тетерев.

— А ты что скажешь?

Коля открыл рот, глянул в окно и осекся.

— И этот онемел, — заключил директор. — Ты куда смотришь? Воробья увидел?

— А чего он рожи строит?! — неожиданно и плаксиво сказал Коля.

Директор Губернаторов кинул взгляд в окно и увидел за стеклом дошкольника Серпокрылова, который действительно строил рожи в глубину класса. Тут директор так посмотрел на дошкольника, что состроенная рожа мигом превратилась в симпатичное и милое лицо и скромно скрылась куда-то вниз.

— Ну, Калинин, так куда же пропал пёс?

Коля молчал, его заинтересовал портрет Менделеева. Пышная борода знаменитого химика буквально приковывала взор.

— Так, — сказал директор. — Ну что ж, продолжим! Чашин!

Миша Чашин неторопливо встал из-за парты, хотел поглядеть в глаза директору, но не тут-то было. Менделеев притягивал, как магнит.

Минуты через три весь класс стоял уже на ногах и рассматривал портрет великого ученого. Даже дошкольник Серпокрылов, вновь появившийся в окне, тоже глядел на Менделеева.

Опять установилась в классе неприятная тишина. С минутой была она мертвой, но скоро стала превращаться в гробовую. В тишине грозовою тучей темнело лицо директора Губернаторова, задумчивы были ребята, и печально глядел на них Павел Сергеевич.

Только лишь знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев ласково улыбался, распустив свою великую бороду над головой директора.

— Павел Сергеевич, — сказал неожиданно директор, — приведите дошкольника Серпокрылова.

Легкий шелест прошел по классу, и директор Губернаторов понял, что он попал в точку. Директор Губернаторов был мудрый человек, он умел связывать концы с концами.

О мудрый директор Губернаторов!

Как опытный капитан, обходя подводные рифы, ведете вы школьный корабль и без подзорной трубы видите, что творится в душах и сердцах двоечников, троечников и коловиков. Как плотник Меринов видит насквозь стакан с лимонадом, как мамаша Меринова видит насквозь самого плотника, так точно и вы видите насквозь их дочку, а с нею вместе всех своих учеников и даже дошкольника Серпокрылова,

вводимого в эту минуту в класс. Страшно человеку, случайно разбившему стекло, подходить к двери вашего кабинета, страшно лентяю, нарочно забывшему дома тетрадку по математике, встретиться с вами в коридоре, плохо придется ему, одним взглядом пронизанному насквозь. Лишь человек с чистой душой, с чистыми ногтями и тетрадями, отличник и хорошист может спокойно пройти мимо вас, да и то, наверно, вздрогнет и подумает про себя: а так ли уж я чист, а не я ли на прошлой неделе обманул самым бессовестным образом классного руководителя?

— Ну вот, — сказал директор. — Явился главный свидетель. Ну-с, гражданин дошкольник, как вы поживаете?

Дошкольник Серпокрылов почтительно отряхнул на пороге валенки и прислонился к печке. Он стоял так скромно, тихо и неподвижно, что можно было усомниться: да Леша ли это, дошкольник ли, не еловый ли это пенек? И директор понял, что наконец-то попало ему полешко послабже. Директор уж взмахнул топором, чтоб расколоть его, как вдруг зафырчал у ворот школы «газик», взревел белугой и заглох. Открылась дверца, и высунулась из машины знаменитая пыжиковая шапка.

ДВА ДИРЕКТОРА

Очень и очень постным да пресным сделалось лицо директора Губернаторова. В глупое, в неприятное положение попал директор. Посылал телефонограммы про надежные руки, а получилась чепуха. Неодобрительно осмотрев свои руки, оказавшиеся не такими уж надежными, он убрал их в пиджачные карманы.

— Садитесь, — сказал директор ученикам, а Павлу Сергеевичу шепнул два слова, и тот побежал на крыльцо встречать представителя зверофермы.

В окно видно было, как пыжиковая шапка пересекла школьный двор, поднялась на крыльцо, а тут перехватил ее Павел Сергеевич и стал что-то объяснять, горячо размахивая руками. Что говорил Павел Сергеевич, слышно не было, но пыжиковая шапка недовольно шевелилась в ответ.

Наконец объяснения кончились, простучали по коридору неслыханные еще в школе полуботинки, приоткрылась дверь, и директор Некрасов вошел в класс, длинный, сухопарый, в пыжиковой шапке.

Второклассники с громом вскочили из-за парт, приветствуя директора зверофермы.

— Во жердина-то! — восхищенно шепнул Коля Калинин. — Во журавель, во сушеный лещок!

— Сядьте, дети, — мягко сказал Губернаторов. — А ты, Калинин, встань столбом и постой пока!

— За что? — заныл Коля. — Я больше не буду.

Но директор Губернаторов знал за что. Он имел чуткое ухо, которое сразу ухватило и «журавля» и «лещка сушеного». Только лишь «жердину» проморгало оно. Директор Некрасов прошел между парт к доске и протянул руку директору Губернаторову.

Встретились два директора и поглядели друг другу в глаза.

Властным был взгляд директора Некрасова, волевым — директора Губернаторова.

Встретились два директора — и тесно стало во втором классе, захотелось чуть-чуть раздвинуть стены, распахнуть окна.

Директора крепко пожали друг другу руки. Некрасов после рукопожатия руку положил в карман и уселся, а директор Губернаторов свою руку, на которой написано было «Таня», поднял в воздух и грозно покачал пальцем.

— Так, значит, вы не знаете, куда девался песец? — сказал он, не глядя на директора Некрасова. — Весь день сидел в клетке, а теперь, когда приехал ответственный товарищ, он вдруг пропал... Так-так, но мне известно, что песца вы спрятали. Его надо вернуть на ферму — и никаких разговоров.

Директор закончил короткую речь и в конце ее поставил яростную точку.

После точки тишина в классе сделалась еще более тягостной и опасной. Никто не шевелился. Попробовал шевельнуться неопытный дошкольник, но тут же устремились на него директорские взгляды, и дошкольник замер.

Наконец у окна зашевелился Павел Сергеевич. Он решил, как видно, спасти положение.

— Ребята, — начал он, — песца надо вернуть. Это не наш песец. Он стоит больших денег и принадлежит государству. А если вам хочется выращивать зверей — пожалуйста. У нас есть кролики, можно завести черно-бурых лисиц.

Павел Сергеевич перевел дыхание и, заметив, что второй класс не подает признаков разговора, продолжал:

— Я просто не понимаю, почему вы

не хотите его отдавать? Ну объясните мне.

Павел Сергеевич остановился и попытался заглянуть ребятам в глаза. Но взгляды второклассников блуждали по классу и по проторенной дорожке устремлялись понемногу к Менделееву.

— Вера, — ласково сказал Павел Сергеевич, — я не спрашиваю, где песец. Скажи, почему вы не хотите его отдавать?

Вера любила рисование и очень уважала Павла Сергеевича. К тому же он был замешан в этом деле, и, если б не он, неизвестно, чем бы кончилось приключение в ковылкинском овраге. Павел Сергеевич имел право на ответ.

Вера собралась с духом и выпалила несколько фраз. Однако она так разволновалась, что разобраться в ее словах никто не смог.

— Что такое? Что?

— Что ты сказала? Повтори! — сказал и директор Губернаторов.

И долго еще упрашивали Веру повторить, прежде чем она снова собралась с силами и ясно высказалась.

— Мы Тишку на ферму не отдадим, — сказала она. — Из него там воротник сделают.

— Воротник? — изумился Павел Сергеевич и руками развел от неожиданности. Он хотел было сказать что-то в ответ, но никак не мог подобрать подходящие слова.

Павел Сергеевич замялся, а ребята оторвались от Менделеева и глядели на учителя.

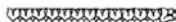
Вот теперь Павел Сергеевич имел возможность посмотреть ребятам в глаза, но взгляд его побрел по классу, уперся на миг в пыжиковую шапку и нашел наконец-таки интересное местечко. Павел Сергеевич смотрел на Менделеева.

Затейливым был все-таки портрет знаменитого химика: багетовая рамка, пышная борода и подпись печатными буквами — «ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МЕНДЕЛЕЕВ». «А вот вы, Дмитрий Иванович, как бы вы поступили в таком случае? Что бы вы сказали насчет воротника? Сделают ведь, а?»

Но не успел ответить Дмитрий Иванович — вдруг раздался в классе неожиданный грохот. Это ударился об стол кулак директора Некрасова, и второклассники все, как один, вскочили из-за парт и встали по стойке «смирно».

Директор Некрасов вытянулся во весь рост и снял с головы пыжиковую шапку.

Второклассники, конечно, не знали, что директор Некрасов делает это очень редко. Только в самых ответственных случаях.

РЕЧЬ ДИРЕКТОРА НЕКРАСОВА

Собралась наконец-таки над вторым классом туча. Нависла, нависла над партами грозная пыжиковая шапка, зарницами засверкали сухие некрасовские глаза, и взгляд директора Губернаторова потускнел в сравнении с этим стихийным огнем.

Один только лишь вид директора Некрасова вызывал чувство огромной ответственности, и слова, которые он готовился произнести, должны были прозвучать вулканически. И вот послышался отдаленный гром, который все нарастал, нарастал и взорвался наконец над головами. Это был просто кашель, но, схожий с землетрясением, он вызвал уважение и трепет.

У Веры Мериновой сам собою развязался на косе бант, сполз на плечо голубой змейкой.

— Садись! — медвежьим голосом рявкнул Некрасов и махнул своей шапкой справа налево.

И пока шапка была еще справа — второй класс стоял, а когда уехала она влево — все уже сидели на своих местах. И даже дошкольник Серпокрылов присел на корточки у печки.

— Скажите-ка, ребята, — сказал Некрасов, — разве похож я на негодяя?

Пауза, только пауза могла появиться на свете после такого вопроса, пауза и полная тишина. Все, что угодно, ожидали ребята, они ожидали крика: «Где песец?», ожидали чего-нибудь вроде: «Ну, берегитесь!», но такого вопроса они никак не могли ожидать. Общее и пугливое недоумение охватило второклассников. Ошеломленно глядели они на директора Некрасова. Ни Павел Сергеевич, ни директор Губернаторов тоже не ожидали такой постановки вопроса.

Однако вопрос был поставлен и требовал ответа.

— Я вас спрашиваю: похож я на негодяя или нет?

Ребята слегка зашевелились, стали переглядываться, но никто не решался, конечно, открыть рот и ответить — слиш-

ком уж необычным и опасным казалось такое дело.

— Вот ты, девочка, — сказал Некрасов и ткнул пальцем в Веру. — Ответь, пожалуйста.

В который уж раз вскочила Вера из-за парты и молча уставилась на директора Некрасова, как будто изучала, что в самом деле — похож или не похож.

— Что ты молчишь, будто в рот воды набрала? — подал голос директор Губернаторов. — Отвечай.

Вера окостенела, и неизвестно, чем бы все кончилось, если б в дело не вмешался дошкольник Серпокрылов.

— Ну, не похож, не похож, — сказал он, спасая Веру.

— Вот и хорошо, — обрадовался директор Некрасов. — На негодяя я не похож и на живодера тоже. Так вот, я вам говорю, а мое слово — закон. Я говорю вам, а вы слушайте: этого песка на ферме никто пальцем не тронет! Понятно? Ах, не понятно? Ну, так я объясню. Этого песка звать Наполеон Третий! Понятно?

Вздых удивленного облегчения прошел по классу, обстановка немного разрядилась, ребята стали даже перешепты-

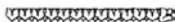
ваться и подталкивать друг друга под бока.

— Наполеон! Вот здорово!

— Да-да, Наполеон Третий! — подтвердил директор Некрасов, чувствуя, что ледок начал таять. — Его дед был Наполеон Первый, а отец — Наполеон Второй. Так вот, слушайте дальше. Наполеон Третий еще недопёсок, щенок, но он очень драгоценный зверь. Вы ведь заметили, какой у него прекрасный мех. Таких песцов, как он, на свете больше нет. Поэтому никто не станет делать из него воротник. Этого песца мы будем беречь как зеницу ока, потому что собираемся вывести от него новую породу. Ясно вам? Это говорю вам я, директор Некрасов, а мое слово — закон.

Директор выждал некоторую паузу, давая второклассникам переварить сказанное, а когда решил, что все переварено, продолжал:

— Я не мастер много говорить. Я мастер много делать. Поэтому я добавлю вот что: все ребята, которых интересует звероводство, могут приходить на ферму. Мы организуем кружок звероводов, а вот эту девочку, которая здесь, кажется, главная, мы изберем старостой.

Вы сами будете ухаживать за Наполеоном и другими песцами, а также норками. Больше я говорить ничего не буду. Решайте. Все.

Директор Некрасов махнул своей шапкой, с размаху нахлобучил ее на голову и сел. Внутри у него щелкнул какой-то выключатель, и глаза потухли.

НАПОЛЕОН ПЯТНАДЦАТЫЙ

Мудр был директор Губернаторов, но и директор Некрасов ни в чем ему не уступал. Два метких выстрела — и второй класс, как подбитый рябчик, лежал в охотничьей сумке директора и только лишь взволнованно трепыхался.

Слова Некрасова разворошили мысли второклассников, как ветер ворошит плохо сметанный стог. Разлетелись мысли во все стороны и только минуты через две снова собрались в стаю и потекли по новому руслу. А русло это оказалось весьма широким: Тишка-то был не Тишка, а Наполеон! Вот это новость! И никто не собирался делать из него воротник. Но самое главное — это ворота, которые распахнулись перед ребятами, ворота в

новый мир — на звериную ферму! Это действительно здорово!

— Забирайте Наполеона! — крикнул Миша Чашин.

— Он в бане сидит!

— Парится!

— Да здравствует Наполеон Третий!

Хорошо сразу и светло стало в классе, прояснились лица, раздвинулись стены и свободно уже умещали двух директоров.

— Кто хочет записаться в кружок? — крикнул Коля Калинин, и сразу поднялся над партами лес рук, будто кавалерийский эскадрон выхватил сабли наголо.

Коля достал клочок бумаги и с видом ученого секретаря стал записывать желающих записаться.

— Меня, меня запиши! — теребил Колю Миша Чашин. — Я буду ухаживать за песцами.

— И меня за песцами! За Наполеоном!

— Меня за Наполеоном!

— Да нельзя же всем за Наполеоном, — возражал Коля. — Надо бросить силы и на чернобурок.

Но всем хотелось ухаживать за Наполеоном, кормить Наполеона, выращивать Наполеона и будущих его наполеончиков. В глазах второклассников горела

мечта о новой породе, о Наполеоне Четвертом, Наполеоне Пятом и даже, если дело пойдет хорошо, о Наполеоне Пятнадцатом.

Гвалт и вороний грай раздались в классе, засиял у окна Павел Сергеевич, с гордостью поглядывая на любимый им второй класс, улыбнулся директор Некрасов, и даже в бровях у директора Губернаторова потеплело. И вот в этот самый момент раздался хрипловатый голос:

— Чепуха!

— Что чепуха? — переспросил Павел Сергеевич.

— Все это чепуха, — повторил дошкольник.

— Почему чепуха? Какая чепуха? — зашумел народ, а дошкольник Серпокровлов снял с головы офицерскую фуражку. Надо сказать, что он делал это в исключительно редких случаях. Когда ложился спать.

ЗУБ ДОШКОЛЬНИКА СЕРПОКРЫЛОВА

Все-таки сегодня выдался удивительный денек. Скучать не приходилось.

Дошкольник помахивал рукой, успокаивая народ. Он явно собирался произнес-

ти речь, но не знал, как ее начать. Слова типа «ребя» или «пацаны» для такого случая не годились.

Когда класс немного затих, дошкольник простер ладонь свою к Менделееву и сказал:

— Товарищи!

Второклассники опешили.

Директор Губернаторов нахмурился. Дошкольник понял, что попал в глупое положение. Ему захотелось тут же провалиться на месте, но крепок был школьный пол, который перестилал плотник Меринов.

— Филька бежит на Северный полюс, — упавшим голосом продолжал дошкольник. — Чего ж ему в клетке сидеть?

Он снова растерянно замолчал, как будто ожидая аплодисментов, но не дождался их. Стало страшно. Но деваться было некуда, и дошкольник ринулся в бой.

— Он сбежал с фермы и теперь бежит на полюс, потому что он сам северный. На полюсе ему будет хорошо, хоть и холодно. У него там и дети народятся. Пускай он бежит на север, кому ж охота в клетке сидеть? А потом все песцы изберут его атаманом.

Дошкольник остановился. Хотелось чего-то добавить, но что именно доба-

вить, он не знал. Второклассники почему-то не смеялись — то ли они задумались, то ли, стыдно сказать, немного оробели и решили не связываться с человеком, который городит про Северный полюс. Второклассники оглядывались на директоров.

— Это что еще такое? — изумленно сказал директор Губернаторов и взмахнул бровями.

Но тут директор Некрасов положил руку на плечо директору Губернаторову, успокаивая его. Директору Губернаторову такое потрепывание никак не понравилось. Не родился еще на земле человек, которому позволил бы директор Губернаторов трепать себя по плечу. Но директор Некрасов тоже был директор, и поэтому директор Губернаторов не стал скидывать с плеча его руку, но просто-напросто взял да и положил свою руку на плечо директору Некрасову. Потрепавши друг друга по плечам, директора успокоились, а потом директор Некрасов улыбнулся и пошел через весь класс прямо к дошкольнику Серпокровову.

Директор Некрасов приближался и с каждым шагом улыбался все шире и веселей. Когда Серпокровову улыбались, он тоже обычно не оставался в долгу.

Лицо его, похожее все-таки на заварной чайничек, засияло, заискрилось ответной улыбкой.

— А ты откуда взялся, такой маленький? — ласково спросил директор Некрасов.

— Я, дяденька, тутошний, — ответил дошкольник, сияя.

Он улыбался так широко, что директор Некрасов сумел сосчитать все зубы, которые имелись у дошкольника в резерве.

— Семь штук, — сказал директор Некрасов. — Что ж это ты, парень, так обеззубел? Страшно небось к врачу-то ходить, зубы выдирать?

— А я, дяденька, к врачу не хожу, — ответил дошкольник, не оробевши ни на секунду. — Я свои зубы сам вынимаю.

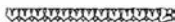
— Хе-хе, — снисходительно сказал директор Некрасов и подмигнул вдруг всему классу. — А ну-ка вынь для меня зубок. На память.

В классе кое-кто слегка засмеялся.

— Ну что ж, — солидно ответил дошкольник, — это можно.

Тут он вдруг поглядел тоскливо на Менделеева, а потом щелкнул пальцами да и выхватил изо рта у себя зуб.

Класс ахнул, а директор Некрасов побледнел.

— Берите, берите, — успокаивал его дошкольник, — у меня новые отрастут.

Директор Некрасов засуетился, снял для чего-то пыжиковую шапку, снова нахлобучил ее и осторожно принял зуб из рук дошкольника.

— Грррыхм, — кашлянул он и сунул зуб в нагрудный карман, из которого торчала золоченая китайская авторучка.

— Нет-нет, — сказал дошкольник, — его надо бросить за печку и сказать:

Мышка, мышка!
На тебе зуб репяной,
А дай мне костяной.

— Ладно, ладно, — сказал директор Некрасов, приходя немного в себя. — Не учи ученого. Знаю что делаю. Ты скажи, парень, как тебя зовут?

— Леша.

— Так вот, Леша, откуда же это у тебя такие сведения? С чего ты взял, что Наполеон бежит на север?

— А куда же? — не растерялся дошкольник.

— Не знаю, не знаю, — сказал директор и недоверчиво покачал головой. — Но если он рвется на полюс, чего он тогда

делает в деревне Ковылкино? Не знаешь? Не можешь ответить? А я знаю. Потому он и крутится возле деревни, что ему кушать хочется. А сам он себе пропитание добыть не может. Он родился в клетке и вырос в ней, и он просто не добежит до полюса, пропадет. Его разорвут собаки, или подстрелят охотники, или задавит машина, или просто он сам помрет от голода. Так что у Наполеона единственный выход — жить на ферме. А что зуб подарил — так за это спасибо.

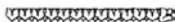
ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ НАПОЛЕОНА

Вот так все и кончилось, все разрешилось. Директор Некрасов поставил дошкольника на место да еще и зуб его унес в нагрудном кармане.

Откуда вообще-то взялся этот дошкольник? И что это он берется рассуждать за Наполеона? С чего взял он, что Наполеон рвется на Северный полюс? А зачем он тогда болтался в деревне Ковылкино? Ночь провел у Пальмы, топтался у магазина. Нет, не прав дошкольник, ни капли не прав.

— Долой дошкольника! — крикнул Коля Калинин, и все охотно засмеялись. Уста-

ли второклассники, и пора было кончать затянувшееся собрание.

Кончился последний день четверти. Гуляй, ребята, кончай рассуждать! А после праздников все пойдем на ферму, будем кормить песцов, воспитывать норок и серебристых лис!

— Пойдемте, товарищ директор! Пойдемте в баню! Пойдемте, мы вам покажем! — кричали второклассники, собирая портфели.

Развеселились ребята. Целый день держались они молодцами и теперь заслужили веселье. И Вера Меринова заслужила. Уж она-то сделала все по справедливости, честно тащила камень на вершину горы.

— Леш, — сказала она, подходя к дошкольнику, — а ты пойдешь на ферму?

— На ферму? — переспросил дошкольник, не слишком слушая Веру, а только лишь наблюдая за тем, как директора жмут друг другу руки. — Не знаю... Если меня возьмут...

— Вот и хорошо! — обрадовалась Вера. — Ты не сердись.

Вслед за директорами весь народ повалил на улицу. Все знали, где находится баня старика Карасева, и все хотели показать к ней дорогу.

Впереди, рядом с директорами, шагали Коля Калинин и шофер со зверофермы, который нес на вытянутых руках походную клетку. В самом конце отряда шагали Павел Сергеевич, Вера Меринова и дошкольник Серпокрылов.

— Эх, брат, — говорил дошкольнику Павел Сергеевич, — не всегда так получается, как хочется.

— Это верно, — солидно соглашался дошкольник.

— Взять, к примеру, меня, — продолжал Павел Сергеевич. — Всю жизнь мечтал быть художником, а не получилось.

— Ну уж нет, — возразил дошкольник. — Вы здорово рисуете. И корову можете, и быка.

— Ха-ха, рисую я и правда неплохо, а Репин из меня не получился. Не я написал картину «Иван Грозный убивает своего сына». Мне только баню карасевскую рисовать.

Карасевская баня между тем действительно заслуживала рисования. Она так скособочилась, что никакой художник из головы придумать такого не мог.

За всю свою долгую жаркую жизнь не видала баня старика Карасева такого скопления народу. Шум, смех, громкие голоса

перепугали ее, баня еще сильнее скособочилась, а заприметив двух директоров, от страха осела в землю. Нет, баня сегодня была именинница — и одного-то директора сроду не видала она, а тут сразу двое, да еще какие директора — отборные, матерые, крепкие, как белые грибы.

— Так вот в какую тюрьму спрятали вы Наполеона! — засмеялся директор Некрасов. — Ну, у нас на ферме ему получше. В такой квартире его крысы загрызут.

Смеясь, директор Некрасов распахнул со скрипом щелястую дверь и вошел в предбанник, из которого пахло дегтем и березовыми вениками. Директор Губернаторов решил не отставать от своего сотоварища и тоже вошел для чего-то в предбанник, проломивши головою низенький потолок.

Перевертывая ушата и громыхая листовым ржавым железом, неведомо для чего наваленным в бане, директора потолкались внутри и вылезли наружу.

— Черт знает что такое, — растерянно сказал Некрасов и развел руками. — Пусто.

— Это что за шутки! — грозно сказал Губернаторов, одним взглядом охватив всех второклассников. — Это что за шутки! Где песец?!

— Там, там! — зашумели ребята. — Он там, в бане! Он должен быть там!

Заволновались второклассники, замахали портфелями, и тридцать три руки схватили за шиворот дошкольника Серпокрылова.

— Где песец?

— Где Наполеон? — ревели возмущенные второклассники.

— Какой еще Наполеон? — отбивался дошкольник. — Не знаю никакого Наполеона!

— Говори, где песец? Где Наполеон?!

— Сейчас сколько время? — спросил дошкольник, стряхивая с себя чужие руки.

— Половина третьего, — сказал Павел Сергеевич.

— Ну что ж, — сказал дошкольник, — я думаю, он уже на полюсе.

ОКРУЖЕНИЕ И ПОГОНЯ

Верно сказано, что человеческое терпение имеет границы. Оно похоже на яичную скорлупу, внутри которой зреет усталость, отчаяние, гнев.

И вот лопнула скорлупа терпения, и страшный цыпленок гнева выскочил на свет и кинулся клевать дошкольника.

— Где Наполеон? Куда ты его дел?

— Да чего вы пристали? — отвечал дошкольник. — Нет Наполеона! Я его отпустил! На полюс!

— Он его отпустил! — кричали второклассники, обманутые нагло и бесповоротно.

От грозных криков еще больше съежилась карасевская баня, переползла от греха подальше на новое место.

— Товарищи директора! Мы ему доверили! А он отпустил!

— Прекратить базар! — рявкнул директор Некрасов, и даже пыжиковая его шапка побледнела от злости. Он выхватил из кармана зуб дошкольника Серпокрылова и растоптал его.

Дошкольник отошел немного в сторону, независимо, впрочем, выглядывая из-под офицерской фуражки. Он был готов ко всему. А Вера растерялась — никак не могла понять, что же случилось.

Да неужели и вправду Леша отпустил песка? Неужели серьезно толковал он о полюсе и можно ли верить в такую ерунду?

Вера поглядела на дошкольника и поняла раз и навсегда, что сомневаться не приходится. По глазам его было видно,

что он верил в ерунду и сделал черное дело — отпустил Наполеона.

— Это Верка виновата, — сказал Коля Калинин. — Она за него ручалась.

— Мы доверились.

— А ты, Меринова, — сказал директор Губернаторов, — придешь в школу с родителями.

Локтями, портфелями вытолкали второклассники Веру из своих рядов по направлению к дошкольнику, а сами сплотились вокруг директоров.

Недолго продержалась Вера на вершине славы. Все делала по справедливости, а все-таки пал на ее голову гнев второго класса, и бывший помощник Коля Калинин вышел на первое место да еще и обвинял ее во всем. Как быстро, как неожиданно меняется все в жизни!

— Окружить деревню! — зычно скомандовал Некрасов.

— Закрыть все входы и выходы! — поддерживал его директор Губернаторов.

Размахивая портфелями, бросились второклассники, как воробьи, врассыпную, помчались выполнять приказ директоров. В мгновение ока деревня Ковылкино была окружена. Из-за каждого кустика, баньки, стожка выглядывали второклассники, и не

то что Наполеон Третий — мельчайшая курица не вышла бы из деревни незамеченной.

Взявши друг друга под руки, директора посовещались и решили сами взять деревню в кольцо, оглядеть все входы и выходы дозорным взглядом.

Директор Некрасов пошел на север, директор Губернаторов на юг, и минут через десять они уже встретились на востоке. Следов Наполеона они не нашли. Наверно, ушел Наполеон по дороге, которая так была перепахана, что на ней и сам слон не оставил бы следов.

— Надо расспросить местных жителей, — предложил Некрасов.

— Интересная задумка, — поддержал директор Губернаторов.

Около магазина директора сразу наткнулись на местного жителя. Это была соседка Нефедова, которая тащила очередной десяток хлебных кирпичей.

— Здравствуйте, тетушка, — почтительно сказал Некрасов. — Вы не видали маленькую такую собачонку?

— А на кой же мне пес маленькая собачонка?

— погоди, не ругайся, — остановил ее Губернаторов. — Это не простая собачонка, а вроде лисы. Хвост пушистый.

— С хвостом видала.

— Где?

— Да эвон на дороге.

— Ну так и есть! — воскликнул директор Некрасов. — Ушел по дороге! Скорей к машине.

Директора добежали до школы, повскакивали в «газик», который мгновенно же взревел и помчался вслед за Наполеоном.

Ковылкинская дорога бессовестно подкидывала «газик», хватала за колеса, стараясь их оторвать, швыряла в чудовищные бездны — колдобины, вытряхивала из «газика» душу.

Гайки с автомобиля сыпались на дорогу, как чешуя с плотвы.

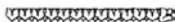
Минут через десять они увидели на дороге какое-то низкорослое пятно. Это был зверек неясного цвета, кажется, и вовсе без хвоста.

— Наполеон! — закричал директор Некрасов, и в голове его мелькнула ужасная мысль, что хвост чрезвычайному зверю отгрызли дворняжки.

Заслышав рев «газика», бесхвостое существо соскочило в кювет и злобно затыкало.

Это была незабываемая Полтабуретка, которая рассорилась со всей деревней и решила покинуть ее навсегда.

ДВА ДЕРЕВА В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Разбежались второклассники ловить Наполеона, ушли директора. Только Вера и дошкольник Серпокрылов остались у бани.

Они стояли поодаль друг от друга, и каждый глядел себе под ноги.

На два дерева были сейчас похожи дошкольник и Вера, на два дерева, которые оторвались от родного леса и стоят посреди поля. Вроде бы вместе растут, недалеко друг от друга, а все-таки поодиночке, и каждое само справляется с ветрами и непогодой.

Павел Сергеевич хотел вначале бежать вместе с директорами, но, увидев такие деревья, задержался.

— Леш, — сказал Павел Сергеевич, подходя к дошкольнику, — объясни все-таки, что случилось? Зачем ты отпустил Наполеона?

Дошкольник молчал.

— Упорный парень, — вздохнул Павел Сергеевич, — но нам-то с Верой ты можешь сказать. Ведь мы тебе друзья.

При слове «друзья» Вера передернула плечами, а дошкольник, увидев такое презрение, совсем одеревенел. Потом вдруг вспомнил что-то, достал из кармана

веревку, на которой водили Наполеона, и отдал Вере. Она равнодушно сунула веревку в портфель.

И снова два дерева стояли посреди поля, чуть ближе друг к другу, а все-таки совсем чужие и, наверное, разных пород.

Павел Сергеевич хотел было сказать им какие-то правильные слова, но слов таких не нашел.

— А я, пожалуй, схожу за красками, — задумчиво сказал он, — да баню нарисую. Вы подождите меня, вместе рисовать будем.

Павел Сергеевич похлопал дошкольника по плечу, махнул рукой и скрылся за сараями.

— А тебе нравится баня? — тихо сказал дошкольник.

Вера молчала. Ей даже глядеть не хотелось на человека, который так бессовестно ее подвел, обманул, бросил тень на честное до сих пор имя. Она ушла бы сейчас домой, но почему-то не уходила.

Прошло минуты две. Дошкольник вздохнул и тронул Веру за рукав.

— Вер, — сказал он.

Как противную гусеницу, сбросила Вера дошкольникову руку со своего рукава.

— Ну ладно тебе.

Вера молчала из последних сил. Наконец она не выдержала, окинула дошкольника ледяным голубым взглядом:

— Зачем ты это сделал, Серпокрылов?

— Сама знаешь — ему надо на полюс.

— Какой полюс?! Ты мне-то зубы не заговаривай.

— Я точно знаю.

— Что он, сам тебе рассказал?

— Я проверил. По компасу.

— Ну что ты врешь? Откуда у тебя компас?

— Откуда надо, — ответил дошкольник и достал из кармана плоский и круглый предмет, сильно смахивающий на ручные часы. — Отцовский.

А ведь это и верно был компас, настоящий компас с красной стрелкой, на кончике которой виднелись остатки фосфора.

Дошкольник дернул рычажок, и стрелка подскочила на месте, закрутилась, выискивая север.

— Он бежал на север, — сказал дошкольник, — от магазина — до вашего дома — точно на север. От вашего дома к сосне — тоже.

— Ну и что?

— Значит, Наполеон бежал на север. Тогда я взял да и отпустил его.

Вера недоверчиво покачала головой, взяла компас и положила на ладонь — стрелка указала на ковылкинскую одинокую сосну. Там, где-то далеко за сосною, лежал Северный полюс — макушка земли — и над ним полыхало полярное сияние.

Вера осторожно шагнула на север. Дошкольник потянулся за ней.

Когда Павел Сергеевич вернулся к бане, он не застал здесь ни Веры, ни дошкольника.

Учитель раскрыл альбом, хотел начать набросок — и раздумал. И баня показалась ему неприглядной, серым, скучным — небо над нею, и обидно вдруг стало, что ребята его не дождались.

ГОРА С ПЛЕЧ

Дорога на полюс шла, оказывается, точно через деревню Ковылкино, мимо магазина, школы, силосной ямы, мимо дома старика Карасева. И Вера шла по ней, глядя на стрелку компаса, и удивлялась, что никто не видит этой дороги и не ходит по ней.

Старик Карасев, который сидел на лавочке у калитки, приметил ребят, хотел

достать из кармана очки, но раздумал. Слишком ярко, наверно, сияли колеса вокруг ребят, и старик улыбнулся, залюбовался ими, как будто букетом полевых цветов.

— Как думаешь, поймают они Наполеона? — спросила Вера.

— Наполеон уже тютю, — свистнул дошкольник, — мчится на север!

Дошкольник подпрыгнул и бешено задвигал локтями, показывая, с какой именно скоростью мчится Наполеон. Тут он и сам не выдержал, схватил компас, сорвался с места и помчался прямо на полюс.

— Поймай! — крикнула Вера, но дошкольник уже скрылся за углом.

Вера поглядела ему вслед и пошла домой.

Разные мысли крутились у нее в голове, и главное — решала она сейчас, что сделала в жизни правильно, а что неправильно.

Как только увидела Наполеона — сразу его покормила. Это, конечно, правильно. Потом привязала на веревку. Тоже правильно. Чтоб не убежал. Но если он спешил на полюс, тогда это неправильно. Но ведь она ничего про полюс не знала. Ладно, пускай веревка неправильно. Сажать на веревку всегда неправильно. Но зато в овраге все было правильно, и Вера хорошо сделала, что позва-

ла Павла Сергеевича. Потом Наполеона посадили в клетку. И вот тут уже не поймешь, правильно это или нет. Как государственную собственность его надо было посадить в клетку, но, если он рвался на полюс, его надо было отпустить. И тут Вера сплеховала. Но зато исправилась — решила спрятать Наполеона. В общем, кое-что сделала она правильно, кое-что неправильно.

Были в жизни ошибки, были удачи. «Но зато теперь, — думала Вера, — теперь я за него не отвечаю».

И Вера вдруг почувствовала, что с плеч ее свалилась гора. Все! Больше она за песца не отвечает.

Оказывается, целый день Вера таскала гору на плечах, а даже и не заметила. Нелегкий выпал для нее денек: не только камень тащила она в гору, а еще и другую гору держала на плечах.

Вера распахнула калитку и тут почувствовала, что здорово проголодалась. Долго тянулось классное собрание, наверное, обед уж в печке остыл. Ну ладно, главное — гора свалилась с плеч.

Больше Вера ни за что не отвечает. Только за себя. Как это все-таки хорошо и легко — ни за что, ни за кого не отвечать. А обед можно разогреть на плитке.

Услыхав стук калитки, из конуры вылезла Пальма, ласково заворчала. Вера наклонилась погладить ее и вздрогнула.

Утомленно потягиваясь, из конуры вышел недопёсок Наполеон Третий с мотоциклетной перчаткой в зубах.

ГОРА ЗАЛЕЗАЕТ ОБРАТНО

Когда камень срывается с горы, а потом его тащат обратно — это еще куда ни шло. Но когда гора валится с плеч и вдруг опять залезает на плечи — это уже никуда не годится. Это может человека подкосить.

Царственное появление Наполеона буквально сшибло Веру с ног. Она уронила портфель, пала на крыльцо. Ужасную усталость почувствовала Вера, и гора, хихикая, залезла на плечи второклассницы, навалилась так, что заболели лопатки.

Гордый, независимый стоял Наполеон у входа в конуру. Как мантия, стелился по земле его императорский хвост, и, как символ власти, держал он в зубах мотоциклетную перчатку.

Редкая выпала доля этой мотоциклетной перчатке. Пропахшая бензином,

раньше она только и знала, что хвататься за рогульки мотоцикла, накачивать шины, и каждую минуту чувствовала, что зависит от руки, на которую надета.

Удивительная судьба свела ее с Наполеоном — закружилась перчатка в вихре событий, попала в переплеты, какие не снились варежкам и рукавицам.

Но, наверно, страсть к приключениям заложена была в перчатке с детства, и хоть потрепали ее, покусали — она прожила яркую жизнь и, если б пришлось начать сначала, снова пошла бы тем же путем.

Редко, очень редко рождаются на земле перчатки, у которых есть в жизни своя собственная, верная, постоянная линия. О мотоциклетная!

Наполеон на Веру внимания не обратил, снова направился в конуру, легким кивком головы пригласив туда и Пальму.

Нет, жизненные передраги никак не повлияли на его характер — все те же благородные манеры, та же глубокая внутренняя культура чувствовались в нем. Ашуба Наполеона выглядела теперь чистой, ухоженной. Видно, Пальма постаралась, выбила из нее пыль да грязь, помыла недопёска, причесала. Белей сахара

блестела полоска на его носу черного бархата.

«Опять он здесь, — растерянно думала Вера. — Опять!»

Гора наваливалась на плечи, давила, тянула на дно, погружала в болото размышлений.

Как только вылез Наполеон из конуры, Вера сразу поняла, что теперь ей некуда деться, что судьба Наполеона только лишь в ее руках и нужно немедленно, сию минуту решать, что с ним делать.

«Серпокрылыч», — подумала Вера и хотела уж бежать за дошкольником, но остановилась.

Она ясно представила себе, что скажет дошкольник. У него была своя верная линия, которая вела прямо на Северный полюс.

Надо было самой решать, что делать: хватать Наполеона или отпустить на полюс.

«Надо отпустить, — думала Вера. — Пусть живет на полюсе. У него будут детки. А как блестит полоска на носу! Отпущу. Пусть бежит на полюс».

На минутку стало легче.

«От него разведутся самые красивые песцы. Только не в клетке, а на воле».

Вера улыбнулась, успокоилась, только какая-то маленькая трещинка мешала успокоиться окончательно.

«Постой, — подумала Вера. — А ведь я его не держу. Если он бежит на полюс — зачем в конуру забился?»

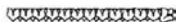
У Веры закружилась голова, от волнения так заколотилось сердце, что Наполеон даже выглянул из конуры: что это, дескать, колотится?

Он пристально глядел на Веру, будто соображал, что ж она за человек — хороший или плохой, почему так странно смотрит и что собирается сделать.

А ты что делаешь здесь, свободный зверь? Зачем забрался в собачью конуру? Беги, если хочешь бежать, живи в клетке, если устал. Видно, не нужен тебе Северный полюс, тебя манит теплая конура, вчерашние щи. Если так, то Вера Меринова ничем не может помочь. Наполеон Третий — государственная собственность и пусть тогда возвращается на ферму. В конуре, быть может, лучше, чем в клетке, но такой уж большой разницы в этом нет.

— Ладно, — сказала Вера. — Подожду еще пять минут. Если уйдет — пусть уходит.

Она подождала пять минут, а потом расстегнула портфель и вынула из него веревку.

ДРУЗЬЯ ЗВЕРОВОДСТВА

«Надо мне тоже завести пыжиковую шапку, — думал директор Губернаторов. — Это настоящий директорский головной убор. И солидно, и красиво».

«Газик» возвращался в деревню, безрасудно подпрыгивая на ковылкинской дороге. Директора рядышком сидели на заднем сиденье и туго толкались плечами над самыми заковыристыми колдобинами.

Директору Губернаторову очень хотелось примерить шапку, но он не решался попросить.

— А то бывают еще шапки из ондатры, — сказал директор Некрасов, будто угадавши мысли своего спутника, — но самые лучшие — из песка.

— Лично мне нравится пыжик, — мягко подчеркнул директор Губернаторов.

— Нет, серьезно? — воскликнул Некрасов. — Мне тоже!

Директора улыбнулись друг другу, радуясь такому чудесному совпадению.

Кстати сказать, директор Некрасов давно уже замечал, что директору Губернаторову чего-то не хватает, и только сейчас понял чего. У директора Губернаторова не было пыжиковой шапки. А что такое директор без пыжиковой шапки? Это все равно что генерал без погон и лампасов. Директору Некрасову стало на миг неловко, что у него есть такая шапка, а у спутника нету. Но в то же время он чувствовал и некоторую гордость, понимая, что такие шапки бывают только у важных директоров.

У ковылкинского оврага «газик» остановился. В кустах бузины директора заметили фигуру с удивительной сосновою головой. Это был Коля Калинин, несущий дозорную службу. Для пущей маскировки он натывал себе за шиворот сосновых веток и, как белочка, выглядывал теперь из них.

— Разрешите доложить! — по-солдатски рявкнул Коля Калинин.

— Докладывай.

— Наполеон нигде не замечен!

— Снимай посты!

Через десять минут все второклассники собрались у школы. Наполеона они не видели и ужасно хотели есть.

— Ребята! — сказал директор Некрасов, взойдя на школьное крыльцо. — Наполеона мы не поймали. Но кто ищет, тот всегда найдет. И мы найдем Наполеона. Он далеко уйти не может. Он будет крутиться около деревни, и мы должны быть на чеку. Он придет в деревню за пропитанием. А пока — до свидания!

— Приезжайте к нам еще, — ответили второклассники, собираясь махать руками, но тут слово взял директор Губернаторов.

— Товарищи школьники! — сказал он. — Пионеры и октябрюта! Вы все теперь юные друзья звероводства. И мы должны обещать директору Некрасову, что не будем смыкать глаз, пока не отловим этого Наполеона.

— Обещаем, обещаем! — подхватили друзья звероводства.

— Потому что Наполеон, — продолжал директор Губернаторов, — ценная зверушка и приносит пользу государству. Такие звери, как этот Наполеон, являются настоящим золотом, потому что их шкурка дорого стоит. Она дорогая потому, что у него красивый мех.

Директор Губернаторов считал себя неплохим оратором и, пожалуй, в этом деле

мог заткнуть за пояс директора Некрасова.

Некрасов сразу почувствовал, что его затыкают за пояс, и пожалел, что сам не сказал про друзей звероводства и государственную пользу.

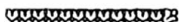
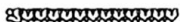
— Правильно сказал товарищ директор Губернаторов, — подхватил Некрасов. — Очень большую пользу государству приносит наша звероферма. Только лишь за этот год мы сдали мехов на миллион рублей.

Услыхавши такие замечательные слова, директор Губернаторов хлопнул в ладоши, и юные друзья звероводства дружно зааплодировали. Портфели они зажимали под мышкой.

Директор Некрасов поднял руку, чтоб добавить еще что-то посильней миллиона, да так вдруг и застыл.

С вытянутой к небу рукою директор Некрасов напряженно глядел вдаль, в глубину деревни Ковылкино.

Оттуда, из глубины деревни, по дороге, перепаханной тракторами, медленно приближался к школе недопёсок Наполеон Третий. Его вела на веревке второклассница Вера Меринова.

ДИРЕКТОРСКОЕ «СПАСИБО»

Теперь-то Вера была уверена, что все сделала правильно. Но странное дело — гора с плеч никак не сваливалась, давила, давила.

Понурившись, приближалась Вера к школе, глядела на пышный Наполеонов хвост и ничего прекрасного не видела в нем — хвост и хвост, чепуха, меховой огурец.

Наполеон был ей неприятен: слишком уж легко, слишком беззаботно бежал он навстречу судьбе — прямо в клетку.

«Эх ты, недопёсок, — думала Вера. — Если б ты бежал на север...»

А Наполеон и сам уже не понимал, куда бежит. Когда дошкольник отпустил его, недопёсок побежал было на север, но почему-то оказался у Пальмы. А почему — он и сам не знал.

Он видел сейчас много людей перед собой, очень много. Они напряженно молчали, ожидая его, а ведь должны были кричать и размахивать руками.

Но вот он подбежит — и на голову обрушится человеческий рев.

Наполеон остановился.

Вокруг были люди и заборы.

Наполеон лег на землю и закрыл глаза. Точно так лежал Сто шестнадцатый перед шофером Шамовым.

Люди молчали. Чуть заскрипело школьное крыльцо, слышались вкрадчивые шаги. Наполеон почувствовал запах кормовой смеси.

Кто-то подошел к нему, вдруг крепко взял за шиворот и поднял в воздух. Закружилась голова, слышался далекий алюминиевый звон.

— Пойдите, — сказала Вера. — Возьмите вот это...

— Что такое?

— Это его перчатка.

— Ну и ну! — засмеялся директор Некрасов. — Зачем же ему перчатка? Кажется, к тому же — мотоциклетная...

Второклассники тоже засмеялись.

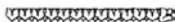
Шофер со зверофермы уносил в машину Наполеона.

Наполеон проплывал по воздуху над головами второклассников.

— Умница, — сказал директор Некрасов, обнимая Веру за плечи. — Как тебя звать? Вера? А как ты учишься?

— Хорошистка, — вставил с крыльца директор Губернаторов.

— Ребята! С этой девочки надо брать

пример. Она помогла звероферме. Я хочу сказать ей наше звероводческое спасибо.

Второклассники затаили дыхание, ожидая, как директор будет говорить спасибо. Они понимали, что такое важное спасибо, к тому же звероводческое, сказать непросто.

И директор, как видно, чувствовал, что надо это сделать помощнее. Он набрал в грудь воздуха и сказал изо всех сил:

— Спасибо!

Потряс Верину руку и так крепко хлопнул ее по спине, будто хотел сшибить гору, навалившуюся на плечи.

— Пожалуйста, — тихо ответила Вера.

И тут директор Некрасов снял вдруг свою пыжиковую шапку да и нахлобучил ее прямо на голову директору Губернаторову.

— На память! — сказал директор Некрасов.

Директор Губернаторов побелел. Не родилось еще на земле человека, которому позволил бы директор Губернаторов нахлобучивать себе шапку на голову. Но директор Некрасов тоже был директор, а шапка была все-таки пыжиковой, поэтому директор Губернаторов пожал некрасовскую руку и сказал:

— Что вы! Что вы! Зачем это? А как же вы?!

— Не беспокойтесь, — улыбаясь, сказал директор Некрасов и подмигнул своему шоферу.

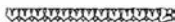
Шофер мигом понял начальника, подмигнул в ответ и залез в машину. Там он пошарил под сиденьем, торжественно нажал на гудок и выскочил на улицу с новой пыжиковой шапкой в руках. Некрасов принял ее из рук шофера и сам себе возложил на голову.

Две золотом сияющие пыжиковые шапки зажглись на школьном крыльце. Большие и пушистые, как стога сена, они ослепляли второклассников, и только лишь хвост Наполеона мог сравняться с ними в пышности и величавой красоте.

А у Веры на душе было очень плохо.

Гора наваливалась, давила, давила, выдавила из глаз две слезинки. Вере было очень жалко себя и Наполеона. Мир помутнел, пропали лица второклассников, растаял директор Некрасов.

Чтоб не расплакаться, Вера сжала зубы и стала глядеть на одинокую ковылкинскую сосну, подпирающую небо. Но вот сосна покосилась набок, стала понемногу расплываться и слилась наконец с ковылкинским серым небом.

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ КОВЫЛКИНО

Очень уж рано темнеет осенью в деревне Ковылкино.

Черные дома, крылатые сараи вбирают дневной свет и прячут его на чердак до завтра. Из погребов выползают сумерки, но так они коротки, что не успеешь по-сумерничать — приходит вечер.

С темнотою тихо становится в деревне. В иных окнах горит свет, а в остальных темно, там уж легли спать, там уже ночь. Сегодня ночь задержалась. Во всей деревне горел свет, хлопали двери, скрипел колодец. Мамаши и хозяйки месили тесто, рубили лук и капусту для пирожков.

Фрол Ноздрачев затеял резать свинью, вынес на двор лампочку в сто свечей, и огромная его тень легла на соседние дома, шевелилась на крышах и стенах ковылкинских сараев.

Мамаша Меринова хлопотала весь вечер, гоняла плотника то в погреб, то на колодец, а Вера крутила мясорубку, готовила начинку для кулебяки. Начинки получался полный таз.

— Дома хозяева? — слышалось с порога.

— Дома, дома! — закричал плотник.

— Здравствуйте, добрый вечер, — говорил Павел Сергеевич, входя в избу. — Не помешал?

— А вот мы с Павлом Сергеичем грибочки попробуем, — обрадовался плотник.

Мамаша отложила пока месить тесто, вытащила кой-какие грибочки, скорей всего волвяночки.

— Вера-то наша прямо герой, — улыбаясь, рассказывал Павел Сергеевич. — О ней только и разговору: Наполеона поймала. Ей премию дадут.

— А мы на ту премию тесу купим, — радовался плотник. — Крышу перекрывать.

— Да что ты сегодня какая вареная! — недовольно сказала Клавдия Ефимовна. — Что молчишь?

Вера улыбнулась Павлу Сергеевичу, но никак не знала, что сказать.

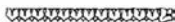
— Где ж ты его поймала?

— Он у Пальмы был.

— Вишь ты, — засмеялся плотник. — К Пальме присуседился.

Взрослые о чем-то смеялись, хвалили грибы, а Вера крутила мясорубку. Плохие мысли лезли ей в голову. Вера гнала их от себя, так гнала, что все выгнала и ни одной мысли в голове не осталось — ни хорошей, ни плохой.

— Надо нам пельмени лепить, — говорил в этот момент слесарь Серпокрылов. — Ты слепишь сто штук, и я сто штук, а тогда и спать ляжем.

— Давай кто быстрее, — сказал дошкольник.

— Давай, — согласился слесарь, стаканом нарезаая кружочки из теста.

Дошкольник схватил тестяной кружочек, чайной ложкой положил начинки и мигом скрутил залихватский пельмень.

— Один — ноль!

— Один — один! — возразил слесарь.

Пельмени посыпались как из мешка. Они ложились в ряд на доске, присыпанной мукою. Иные получались кривы, другие великоваты, но все были живые, веселые пельмени, серпокрыловские.

— Отстаешь, отстаешь, — разжигал слесарь. — Э, да у тебя начинка вываливается!

— Ну где же, где? — волновался дошкольник. — Вовсе не вываливается.

В окошко кто-то постучал. Слесарь отодвинул закавказский лимон, выглянул на улицу.

— Вера! — обрадовался он. — Заходи, Вера.

Вера вошла в дом, остановилась у двери.

— Помоги ему пельмени лепить, — сказал слесарь. — А то он отстаёт.

— Ему помоги, — обиженно сказал дошкольник.

Но слесарь лепил пельмени великолепно. Быстро он прикончил свою сотню, понес в погреб на мороз.

— Возьми, — тихо сказала Вера, протягивая дошкольнику мотоциклетную перчатку. — Это тебе.

— Положь на сундук. Руки в тесте.

Вера вздохнула, положила перчатку на сундук.

— Вот и все, — сказала она. — Ничего не осталось от Наполеона. Только перчатка.

Дошкольник хмыкнул, старательно вылепливая особенно какой-то большой и фигурный пельмень. Это хмыканье Вере не понравилось. Кажется, дошкольник ее не понимал. Конечно, он только и думал о полюсе.

— Ты что ж считаешь — я виновата?

Дошкольник искоса глянул на Веру, а после — на перчатку.

— Вовсе он не бежал на полюс, — сказала Вера. — Он у Пальмы был.

— Ну и что?

— Значит, полюс ему не нужен.

— Чепуха. Он забежал попрощаться.

— Это люди прощаются, — сказала Вера и печально покачала головой, — а звери нет. Он же не человек.

— Не человек, а тоже понимает.

— Звери не прощаются.

— Еще как прощаются.

— Что это у тебя пельмень такой кривой получился?

— Да это не пельмень, — ответил дошкольник Серпокрылов, придвигая к Вере странную фигурку из теста.

— Наполеон! — ахнула Вера.

— Видишь, он кланяется тебе, прощается...

— Не знаю прямо, что и делать, — говорил в этот же момент директор Некрасов, — то ли пельмени лепить, то ли кулебяку закручивать. Давай, Катюша, сделаем и то и другое.

Сильными белыми директорскими руками он схватил колобок теста и принялся его разминать. В этот вечер директор Некрасов вылепил полторы сотни пельменей, но и в голову ему не пришло, что директор Губернаторов слепил двести.

Наконец и дошкольник разделался с пельменями, отряхнул руки, примерил мотоциклетную перчатку.

— Значит, я виновата, — сказала Вера.

— Он снова сбежит, — успокаивал ее дошкольник. — Не волнуйся. Теперь его не удержишь.

— За ним знаешь как будут смотреть!

— Сбежит, сбежит...

Долго тянулся вечер, задерживал, отодвигал ночь, но вот наконец она нахлынула на землю, погасила все окна, а в небе над одинокой сосною, по дороге, сотканной из мельчайших звездочек, медленно помчался Орион. Тускло горела красная звезда на его плече, сверкал кинжал, звездным острием указывал на водокачку, отмечающую над черными лесами звероферму «Мшага».

Песцы давно уж заснули. Только Маркиз и Сто шестнадцатый метались по клеткам, корябали решетки и глядели не отрываясь на свернувшегося в клубок Наполеона.

На этом заканчивается повесть о недопёске Наполеоне Третьем. Добавить больше нечего, кроме того, что ровно через месяц недопёсок снова сбежал. На этот раз он нигде не задерживался и наверняка добрался до Северного полюса.

В. Сысоев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЧЕРНОГО СОБОЛЯ

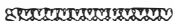

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕРНОГО СОБОЛЯ

Сурова природа бурейских гор. Поздно приходит сюда весна. В мае, когда распускаются молодые листья берез, а лиственницы покрываются нежно-зелеными хвоинками, по ночам случаются столь сильные заморозки, что вода в лужах покрывается толстым льдом. Глубокие снеговые сугробы в северных ключах лежат до июля, а в конце сентября на вершинах гор уже выпадает первый снег.

Короткое бурейское лето было в разгаре: дни стояли жаркие, багульник источал дурманящий запах, который растворялся лишь в ночной прохладе.

Жучок проснулся в своей холостяцкой норе поздно. В эту беспокойную пору брачных игр обычный ритм его жизни нарушился. Чувство голода приту-

пилось, заботило только желание найти подругу.

Много ключей и косогоров избегал он, прежде чем на одной из каменистых россыпей ему посчастливилось наконец встретить очаровательную соболюшку. Короткая темно-бурая шерстка на ней отливала шелковистым блеском, подчеркивая светлый нежный тон окраски головки. Грудь украшало ярко-оранжевое пятно.

Жучок полюбил незнакомку с первого взгляда, он готов был следовать за ней до подоблачных гольцов. Но тут появился соперник — светло-бурый соболь. Всего лишь несколько мгновений рассматривали они друг друга.

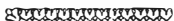
Первым бросился в драку Светлый. Жучок птицей взлетел на вершину лиственницы. Светлый последовал за ним. Заняв позицию в развилке сучьев, Жучок перешел к активной обороне и чуть было не столкнул противника на землю. Светлый удержался и тут же вцепился в Жучка — завязалась отчаянная борьба. Успех попеременно переходил от одного к другому. Взъерошенные, с оскаленными мелкими, но острыми, как шило, зубами, они смело набрасывались друг на друга, оглашая лес сердитым урчанием. Наконец

Жучку удалось опрокинуть соперника на спину и схватить его за горло. Хрипя от удушья, Светлый напряг последние силы и вырвался из зубов Жучка. Теперь только стремительное бегство могло спасти ему жизнь, и он прытко понесся по валежинам, по ветвям, планируя с дерева на дерево, как белка. Долго преследовал Жучок непрошеного гостя, до самой границы своей охотничьей территории. При этом он изрядно утомился. Чуть отдохнув под вывороченной ветром елью, Жучок заспешил к своей очаровательной незнакомке. На каменистых россыпях, где он увидел ее впервые, соболюшки не оказалось. Однако по следу он пришел к ее глубокой сухой норе, вход в которую был скрыт под корнями старой каменной березы. При виде победителя соболюшка не проявила ни малейшей радости, но и не прогнала его.

На рассвете они вместе направились на вершину сопки, где под навесами каменных плит водились сеноставки — любимый объект охоты всех соболей. Внешне сеноставки похожи на лесных мышей с короткими хвостами, но более крупные. Трудолюбивые, общительные зверьки живут колониями. Все лето они заботливо

высушивают на солнце стебли трав, срезаемые передними зубами, а затем складывают их в небольшие копешки под выступами скал, чтобы заготовленное на зиму сено не намокало под дождем. Сенокосцы очень любопытны. Услышав шорох, они выскакивают из норок, садятся «столбиком» на каком-либо возвышении и издают резкий свист, чем помогают соболу скорее обнаружить себя. Жучок хорошо знал повадки этих безобидных существ и всегда успешно охотился на них, терпеливо подкарауливая у нор, точь-в-точь как это делают кошки, охотясь на мышей.

Подкрепившись парой сеноставок, соболи выбежали на поляну, где росла голубика. Закусив сочными сладкими ягодами, подружившаяся пара укрылась в прохладных лабиринтах среди каменистых россыпей и долго не показывалась наружу.

Целый месяц продолжались любовные игры соболей. Немало соперников пришлось гонять Жучку, и всякий раз он оставался победителем. За это время он очень привязался к своей подруге, но однажды соболюшка попросту выставила его. Просидев под дождем у входа в нору целую ночь, Жучок поутру направился к

своему холостяцкому жилью. Несколько раз возвращался он к заветной каменной россыпи, но соболюшка упорно уклонялась от встреч.

Окончилось короткое северное лето. Пожелтели листья деревьев. Безбрежный желтый океан расстился до самого горизонта. Налетавшие порывы ветра оголяли деревья. Под лучами яркого солнца золотистыми искорками вспыхивали падающие хвоинки лиственниц. В эту короткую пору изобилия пищи все обитатели леса стремились поскорее набрать жира, который так необходим голодной зимой. Коротая день в норе, Жучок предпочитал охотиться на вечерней и утренней зорях, но если охота складывалась неудачно, он бодрствовал и днем, а порой и ночью.

В конце сентября посеребрились от снега куполообразные вершины безлесных буреинских хребтов, но прошел еще месяц, прежде чем первая пороша сплошь выбелила лес, в котором жил Жучок.

В этот день Жучок вышел из норы поздно. На фоне чистого снега его пушистая шубка казалась смолисто-черной. Редкие белые волоски на шубке очень украшали ее — как будто мелкие искрящиеся снежинки слегка припорошили шелкови-

стую шерстку, да так и остались на ней, не растаяли. На небольшой головке с аккуратно посаженными ушами, покрытой светло-бурой короткой шерсткой, круглые блестящие глазки, смотревшие на мир удивленно и настороженно. Эти глаза да черная пуговка небольшого носа делали Жучка похожим на потешного плюшевого медвежонка.

Понюхав снег, он осторожно ступил на тропу и побежал в сухую марь, где водились полевки — жирные короткохвостые лесные мыши. Выбежав на марь, Жучок не сразу разыскал жилую норку полевки и, спрятавшись за кочку, стал терпеливо ждать, когда покажется наружу хозяйка норки. Его терпение было вознаграждено вкусным завтраком, и только капля крови на снегу говорила об удачной охоте. Чтобы наесться вдоволь, ему следовало бы проглотить еще штук пять таких полевок, но в этом году они встречались редко, и хотя Жучок был типичным хищником, ему приходилось иногда довольствоваться растительной пищей. Находил ее он на близлежащих сопках.

На крутых косогорах среди расщелин скал рос кедровый стланник, образуя непроходимые заросли. К зиме ветви этого

хвойного кустарника пригибались к земле. Приваленные сверху снегом, они становились непреодолимым препятствием для крупных зверей, но для мелких — полевков, бурундуков, сенокосов — служили прекрасным убежищем. Здесь им было где спрятаться от любых врагов — и тех, кто бежит по земле, и тех, кто летает в небе. Но не только это привлекало сюда грызунов. На ветках стланика было много небольших шишек, наполненных маслянистыми орешками с тонкой скорлупой. Лакмился этими орешками и Жучок, а при случае мог схватить и зазевавшуюся полевку или сенокос.

До позднего вечера неслышно сновал соболик между кустами, то забираясь на пологие ветви, чтобы откусить шишку, то спускаясь на землю, чтобы разгрызть ее. Казалось, под густым сплетением ветвей стланика Жучку не грозит никакая опасность. Но с вершины старой ели за ним уже давно наблюдал большой ушастый филин, также охотившийся в этих местах на мышей.

Насытившись орехами, Жучок вылез из-под мохнатого куста и хотел было направиться восвояси, как вдруг острые когти больно сжали маленькое тельце и мо-

гучие крылья подняли его в воздух. Беспомощно извиваясь, Жучок огласил лес дребезжащим криком. Казалось, минуты его жизни сочтены. Медленно летел филин, выбирая удобное место для ужина.

Обычно он уносил свою жертву в высокоствольный лес, но теперь, не имея сил долететь туда, он решил расправиться с Жучком на выступе острой скалы. Удерживая добычу одной лапой, филин попытался другой покрепче ухватиться за карниз скалы. В этот момент проворный соболю ловко извернулся и впился в шею филина. Пернатый разбойник беспорядочно замахал крыльями и понес дальше Жучка, который все глубже вгрызался в шею врага. Из раны брызнула кровь, заливая грудь птицы и мордочку соболя. Теряя силы, филин начал спускаться. Он летел все ниже и ниже, задевая крыльями кусты, и наконец ткнулся в мерзлую кочку. Одержав столь трудную победу, Жучок первым делом отгрыз птице голову, а затем, укрывшись под корнями дряхлой осины, сталлизывать полученные раны.

На следующий день он разыскал окоченевшего филина и с аппетитом съел почти половину своего неожиданного трофея. С остальной частью добычи он спра-

вился в течение нескольких дней. От филина осталась лишь кучка мягких серых перьев, да и те вскоре исчезли под слоем обильно выпавшего снега.

Шли дни. Все труднее и труднее было Жучку добывать себе пищу. Полевки не показывались наружу: слишком тяжело для них передвигаться по глубокому снегу. Жучок все чаще отправлялся на старую гарь, поросшую брусничником, и выкапывал из-под снега темно-рубиновую ягоду. Брусничник рос по лиственничной гари. Редкие сухие деревья, с которых давно облетела кора, еще держались за землю обуглившимися корнями. В таком лесу было очень светло, поэтому Жучок прибегал сюда по ночам. Широкие, густо опушенные лапки даже в рыхлом снегу проваливались неглубоко, что позволяло ему пробираться в глубь леса на большие расстояния.

Сказочно красива зимняя ночь в светлохвойной тайге! Пятидесятиградусный мороз развешивает по ветвям деревьев и кустов алмазные ожерелья, вспыхивающие зелеными искорками при ярком сиянии луны. Прозрачный плотный воздух наполнен мягким голубоватым мерцанием. В черно-синем бездонном небе шепчутся

крупные звезды. Тишина... И вдруг — пушечным выстрелом раздается треск лопнувшего от мороза дерева.

Брусничник привлекал к себе не только соболей. Рябчики, дикуши и крупные, тяжелые на лету глухари часто посещали его. Кормились они в этих местах только днем, а по ночам спали на земле, зарывшись в снег. Мясо этих птиц было для Жучка деликатесом, да не так-то легко раздобыть их. Рябчики умели скрываться от хищников: они прямо «падали» с дерева в снег и закапывались. Следов на снегу не оставалось, и, только в упор наткнувшись на снежную лунку, можно было обнаружить в ней под снегом пернатого сою.

В середине зимы на глухом лесном ключе, возле которого обитал Жучок, появились охотники. Разбив палатку и установив в ней жестяную печь, они пустили своих ездовых оленей пастись на ягельнике, а сами занялись расстановкой капканов. К каким только ухищрениям не прибегали промысловики, чтобы обмануть соболя! То подвешивали на куст аппетитный кусочек мяса рябчика, а под ним клали капкан и притрушивали его перьями; то укладывали приманку в углубление

между корнями, а у входа маскировали ловушку. Немало соболей попало в руки охотников. Их пушистые шкурки, сложенные в мешок, висели на лиственнице у палатки. Не миновать бы подобной участи и Жучку, если бы к охотникам не приехал охотовед. Долго длилась у них беседа: теперь людям понадобились живые соболя для переселения в далекие уголья Охотского побережья, чтобы восстановить там былую численность соболей. Получив новое задание, промысловики отправились на соболиные тропы снимать капканы и вместо них ставить привезенные охотоведом ящики-ловушки. В качестве приманки в ловушки клали крупные куски лосиного мяса.

Обходя ночью свой район, Жучок наткнулся на зияющее в снегу черное квадратное отверстие. Из него доносился аппетитный запах мороженого мяса. Постояв в раздумье у входа и не заметив никакой опасности, Жучок наконец решился. Осторожно ступая, он прокрался в ловушку, но стоило ему прикоснуться к приманке — деревянная дверца с грохотом опустилась и закрыла путь к отступлению. Жучок заметался в темноте, пытаясь найти спасительный выход. Несколько раз он с остервене-

нием начинал грызть и скрести дверцу, но все было напрасно. Так он метался по своей темнице весь остаток ночи.

Обессилев от тщетных попыток освободиться, Жучок притих и даже отведал приманки.

Наступил день. Не имея возможности быстро пробежаться и согреться, Жучок мог замерзнуть, но, на его счастье, в ловушке оказался большой комок сухой лосиной шерсти — это люди заботливо положили ее туда. Шерсть послужила ему не только мягкой подстилкой, но и покрывалом.

В полдень заскрипел снег под лыжами охотника, подходившего к ловушке. В ужасе забился Жучок, когда человек, подняв ловушку, натянул на нее до половины мешок и открыл дверцу. Пленник молнией выскочил из ловушки, но оказался в мешке. Охотник прижал его рукой, не давая возможности сопротивляться. Крепко завязав мешок с добычей, человек положил его в рюкзак и, радостный, заскользил к палатке.

Жучок многое сумел бы сделать для своего освобождения: прогрызть лед, устроить подкоп в земле, перетереть древесные корни; но справиться с мешкови-

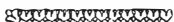
ной не смог. Он со злобой кусал грубую ткань, пытался рвать ее своими острыми коготками — все тщетно. Утомившись, Жучок наконец затих.

Принеся добычу в палатку, охотник не стал вынимать Жучка из мешка, а положил туда кусочек мяса и горстку крупнозернистого снега вместо воды. Так в мешке и провел несколько дней Жучок в теплой палатке вместе с охотниками.

Сколько звероловы ни пытались отловить еще живых соболей, им этого не удалось. Охотничий сезон завершался, людям предстояло покинуть зимовье и возвратиться домой. Встал вопрос, что делать с четвероногим пленником: вывозить живьем одного соболя хлопотно. А потому приговорили его к участи других ранее добытых его собратьев. Но когда вытащили Жучка из мешка — залюбовались на редкость красивой темной шубкой соболя и не стали лишать его жизни.

Наступил первый месяц весны, но морозы по ночам стояли лютые. Лишь безветренными днями яркое солнце растапливало верхний слой снега, и тогда на сугробах образовывалась стекловидная корочка — наст, двигаться по которому было очень трудно и небезопасно для

олений: они могли поранить ноги об острые края ледяной корки.

Три дня на оленьих нартах везли Жучка охотники, торопились сдать его на приемную базу, но опоздали: последняя партия живых соболей днем раньше уже была отправлена на Колыму. Принимая Жучка, директор базы воскликнул:

— Какой красавец! — И добавил: — Пусть поживет у нас до следующей осени, а там отправим его с первой партией в Магадан.

Рассчитавшись с ловцами, он поместил пленника в просторную клетку по передержке соболей. Так началась жизнь Жучка среди людей.

Новое жилище Жучка состояло из двух отделений. Первое, затянутое оцинкованной сеткой, служило столовой. Здесь соболь ежедневно находил сырое мясо, мороженую бруснику и свежую воду в небольшой посудине. Второе отделение было темное, отделанное со всех сторон фанерными стенками, попасть в него из «столовой» можно было через круглое отверстие. Эта «спальня» была доверху набита лосиной шерстью и располагала к спокойному отдыху. Здесь Жучок чувствовал себя как в родной норе. В простор-

ном помещении базы стояло около двухсот таких клеток. Сейчас они были пусты и на базе царила тишина. Лишь один раз в день сюда приходила жена директора базы, приносила Жучку воду и корм, чистила клетку. Высунув из «спальни» недовольную мордашку, пленник следил за каждым движением неторопливых женских рук, при этом он громко фыркал и делал вид, будто хочет и может напасть на человека. Но женщина, хорошо изучившая повадки соболей, нисколько не боялась его угроз.

Прошло несколько недель. Жучок обвыкся в новой обстановке и перестал грызть проволочную сетку. Он даже поправился благодаря хорошей пище и постоянному уходу. Злобное недоверие к человеку у него стало постепенно сменяться живым любопытством.

Однажды хозяйка плохо закрыла дверцу клетки задвижкой, и пленник тут же воспользовался этой оплошностью. Выбравшись на свободу, он первым делом побежал к окну, но острое зрение позволило заметить преграду — стекло. Спрыгнув с подоконника, Жучок начал обследовать внутреннее помещение базы. Цепкие коготки помогали ему легко взбираться по

оштукатуренным стенкам, ходить по узким карнизам. Тщательно исследовав просторную комнату и не найдя ни одной лазейки, Жучок спустился на пол. Его привлек вкусный запах мяса, который исходил от стоявшей в углу кастрюли. Легко сдвинув крышку, соболь вытащил из кастрюли один из кусков лосятины и с аппетитом полакомился, но съел его не весь. Повинуясь привычке запасливого хищника, он утащил недоеденный кусок под шкаф и прикрыл лежавшей на полу тряпкой. С оставшимися в кастрюле кусками мяса он поступил так же. Надежно, по его представлениям, спрятав добычу, Жучок вернулся в клетку и, закутавшись в шерсть, как в пуховое одеяло, блаженно заснул.

Днем пришла хозяйка, чтобы покормить Жучка, и обнаружила пустую кастрюлю. Подозрение в хищении мяса пало на кошку, но, подойдя к клетке, женщина поняла, кто настоящий виновник происшествия. Обо всем случившемся тут же было доложено директору, и тот принял решение: «Жучка перевести в кабинет, пусть привыкает к людям!»

Директор — старый охотовед, специалист по вольному соболеводству, жил

вдвоем с женой в квартире из четырех комнат. В первую же ночь Жучок не торопясь обследовал свое новое пристанище, побывал на всех шкафах, этажерках и полках, обнюхал все щели. Заметив, что за ним наблюдают люди, Жучок забился в темный угол за шкафом и лишь под утро перебрался в свой дом.

Помимо хозяев в квартире обитали еще охотничий пес Буран и пегая кошка Мурка. Вселение в квартиру нового постояльца прошло незаметно: днем Жучок не покидал своего ящика, где спал, свернувшись клубочком на мягкой лосиной шерсти, ночью же Буран отправлялся в свою конуру, а Мурка — на скотный двор ловить мышей.

Как-то утром хозяйка впервые назвала его по имени. «Жучок, Жучок! Иди кушать», — ласково позвала она и поставила блюдце рядом с клеткой. Сама села поодаль, наблюдая за соболем. Высунув голову из ящика, Жучок долго не решался выйти наружу, но аппетитный запах незнакомого кушанья заставил его превозмочь страх. Сметану он оценил по достоинству и с наслаждением вылизал дочиста все блюдце. «Эге, брат, да ты такой же гурман, как Мурка! Сметанка-то и тебе

пришлась по вкусу!» — воскликнула хозяйка и положила в блюдо еще порцию сметаны. На этот раз Жучок не заставил долго ждать себя.

Вкусная пища — лучший путь к сердцу любого дикого зверя. Эту истину прекрасно знала хозяйка. Она предлагала Жучку то мед, то сухие фрукты, то печень, то куриные яйца. Поедалось все это с большим аппетитом, и раз от раза соболь вел себя спокойнее и увереннее. «Жучок у нас скоро станет совсем ручным», — объявила хозяйка мужу.

Однажды, когда хозяева квартиры отсутствовали и Жучок резвился в директорском кабинете, Мурка, привлеченная легким шорохом, заглянула в кабинет через приоткрытую дверь: уж не крыса ли пробралась в квартиру. Глаза ее загорелись, вся она напряглась. Но воинственный пыл Мурки мгновенно исчез, когда она увидела, что по кабинету бегают незнакомый ей зверек. И хотя он был меньше ее и, возможно, слабее, кошка не сразу решилась напасть на незнакомца, предпочитая выждать удобный момент, сидя в засаде. Когда Жучок, не замечая ее, приблизился к месту засады, кошка с шипением выскочила из укрытия и, выпустив ког-

ти, попыталась схватить соболя за шиворот. Жучку ничего не оставалось, как предпринять яростную атаку: высоко подпрыгнув, он мигом вскочил на спину противнику и больно укусил кошку за загривок. Жалобно вскрикнув, Мурка повалилась на спину, отбиваясь от соболя всеми четырьмя лапами. Однако Жучок не отступал. Кошке удалось перевернуться, но соболю птицей взлетел на стол и оттуда смело кинулся на обидчика. Снова завязалось побоище. Мурка явно превосходила соболя по силе, зато Жучок был более ловкий, быстрый, проворный. Увертываясь от когтей и зубов кошки, он взлетал то на этажерку, то на шкаф и оттуда бросался на нее и больно кусал.

Мурка позорно бежала с поля битвы. Забившись под шкаф, она жалобно замыкала, призывая на помощь хозяйку. После этой потасовки Мурке пришлось уступить соболю свои владения и ютиться отныне на кухне, куда Жучка пускали редко.

Если с кошкой соболю встретился без свидетелей, то знакомство с Бураном происходило в присутствии директора базы. Почувяв соболя, Буран, как и подобает охотничьей собаке, ринулся было на зверь-

ка, но грозный окрик хозяина удержал его на месте. К тому же Буран не только был хорошо выдрессирован, но и обладал мягким, деликатным нравом. Разглядывая издали своего врага, Жучок не выказывал ни малейшего страха, просто он пока не доверял этой спокойно смотрящей на него собаке. Так прошла их первая встреча, во время которой, благодаря присутствию человека, и соболю и собаке вели себя спокойно, с чувством собственного достоинства.

Наступившее лето преобразило внешний облик Жучка. Куда исчезло его недавнее обаяние? мех потерял густоту, стал короче, и от этого зверек казался худым и долговязым, а хвост и уши словно стали длиннее. Один раз при исследовании туалетного столика хозяйки, куда его всегда манил запах духов, Жучок увидел свое отражение в зеркале. Приняв его за другого соболя, Жучок зашипел, выгнув спину и бросился на незнакомца. Наткнувшись на стекло, он быстро сообразил, что, кроме него, на столике никого нет, и успокоился.

Приноравливаясь к человеку, Жучок стал понемногу менять свои повадки. Днем он теперь бодрствовал, а по ночам

спал, но не в своем гнезде, а на мягком диване или в кровати, залезая при этом с головой под одеяло. К столу являлся вовремя и без приглашений, достаточно было хозяйке начать хлопотать на кухне. С хозяйкой у него вообще завязалась самая нежная дружба, и если на столе появлялась сметана, он забирался к своей покровительнице на колени, и блюдо в ее руках моментально вылизывалось начисто. Директору он охотно позировал во время фотосъемок, а к Бурану привык настолько, что порой ел с ним из одной миски, поражая гостей дома. Вот только с Муркой он так и не подружился: кошка почти не появлялась в доме. Неравнодушен Жучок был к радиоприемнику — ему нравилась мелодичная музыка, видимо напоминавшая звуки родного леса.

Жизнь в доме директора базы была для Жучка сытной и безопасной. Но его, как и всякого дикого зверя, манила свобода. И он постоянно искал возможности обрести ее. Заметив это, директор усилил меры предосторожности, чтобы предотвратить побег: во все окна была вставлена сетка, двери закрывались более плотно. И все-таки Жучку удалось однажды выбраться из квартиры на волю. Как об-

радовался, как преобразился он! Нет, нельзя променять свободу на мягкую, теплую постель, вкусные лакомства. Зов леса оказался сильнее привязанности к человеку.

Исчезновение беглеца обнаружилось скоро. Директор вызвал двух охотников, и они втроем, вооружившись сетью-обметом, не мешкая отправились на поиски Жучка. Трудно сказать, смогли бы люди справиться с задачей, если бы не Буран. Умная собака, взяв знакомый след у самого дома, догнала соболя. Загнав Жучка на дерево, она громким лаем известила охотников о том, что беглец настигнут. Расставив сеть вокруг дерева, один из охотников полез за Жучком. При виде незнакомого человека соболю прыгнул с дерева, но убежать не смог: запутался в обмете.

В наказание за побег Жучка посадили в клетку, но хозяйка не могла видеть, как метался по ней Жучок, и снова впустила его в квартиру. Жизнь соболя пошла прежним чередом. Проживи он среди людей несколько лет, наверняка стал бы совсем ручным. Но этого не случилось. С наступлением зимы Жучка определили в первую партию соболей-переселенцев на Охотское побережье. Как ни жалко было расставаться со своим любимцем, но люди

понимали, что на воле соболю живется лучше, да и ухаживать за ним зимой намного хлопотнее, к тому же работы у директора базы зимой прибавлялось.

Напоследок хозяйка накормила Жучка всем вкусным, а затем заманила в фанерную клетку. В таких транспортных клетках соболей перевозили к местам выпуска. Отвезли их на железнодорожную станцию, погрузили в багажный вагон пассажирского поезда и отправили в город Хабаровск. Холод и стук колес беспокоили соболей, согреться зверькам приходилось в постоянном движении по тесной клетке, благо — что поезд довольно быстро прибыл на станцию назначения.

Сначала клетки со зверьками разместили в теплом здании карантина, а потом отвезли на автомашине в аэропорт и погрузили в большой самолет. Воздушное путешествие Жучок перенес легко и скоро очутился в северном городке. После передышки и кормления соболей погрузили в сани, запряженные лошадьми, и повезли к ближайшему совхозу. Там предстояло перегрузить их на оленье нарты и везти уже к месту выпуска. На целый километр растянулся караван оленьих упряжек, и на

каждой нарте были размещены несколько клеток с соболями.

Пока зверьков везли на машине да самолете, сидели они в клетках притихшие, теперь же, почувствовав запахи леса, пришли в крайнее возбуждение: начали грызть клетки, греметь поилками, урчать и высовывать носы сквозь ячеи сетки. Прибыв на место, охотники сразу же сняли клетки с нарт и стали разносить их подальше друг от друга. Клетки ставили на снег и широко распахивали дверцы: пожалуйста, выходите на волю! Дошла очередь и до Жучка, но он не торопился покидать клетку. Выставив голову наружу, он сначала осмотрелся: не подкарауливает ли кто его возле клетки. Затем принялся — и опрометью бросился в лес. Еще издали приметив елку погуще, он мигом запрыгнул на нее и затаился в черно-зеленой мохнатой кроне. Люди разложили куски мороженого мяса — для подкормки соболей на первых порах — и возвратились в поселок. А новоселам предстояла самостоятельная жизнь в незнакомом месте. Несколько дней Жучок обходился припасами, оставленными людьми, а когда они кончились, ушел в сопки.

Белок в здешних лесах водилось в изобилии, так что Жучок не голодал. Однажды он обнаружил следы соболюшки, прибывшей вместе с ним в одной партии. Следы его очень заинтересовали, потому что в лес пришла мартовская оттепель, а вместе с нею — пора весенних игр.

Весело бежал Жучок по лесу навстречу новой жизни. Кругом простиралась еще заснеженная тайга, ставшая новым домом четвероногим переселенцам с далеких бурейнских гор.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Мамин-Сибиряк
БОГАЧ И ЕРЕМКА 7

Константин Паустовский
БАРСУЧИЙ НОС 37
ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ 43

Виталий Бианки
МЫШОНОК ПИК 55

Юрий Коваль
СЕРАЯ НОЧЬ 95
НЕДОПЁСОК 103

Всеволод Сысоев
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЧЕРНОГО СОБОЛЯ 291

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

**ЧЁРНЫЙ СОБОЛЬ,
НЕДОПЁСОК
И ДРУГИЕ...**

Художник В. Бастрыкин

Серийная разработка внешнего оформления

Э. Фереэ

Серийная разработка внутреннего оформления

М. Гагариной

Редактор А. Рамушкевич

Художественный редактор М. Гагарина

Технический редактор Н. Ремизова

Компьютерная верстка Е. Митрофановой

Корректор Л. Пруткова

Подписано в печать 01.03.05. Формат 84х108¹/₄.

Гарнитура «Нью Баскервиль». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5000 экз.

Изд. № 05-7105. Заказ № 4741.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23

«ОЛМА-ПРЕСС» входит в группу компаний

ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16**

